
Эврика
В. Кузьмищев
ТАЙНА
ЖРЕЦОВ
майя

мексиканский зал
паленке
йашчилан
бонампак

ЧИЧЕН-ИЦА
УШМАЛЬ
ТУЛУМ
ТИКАЛЬ
КОПАН
ГОНДУРАССКИЙ ЗАЛИВ

В. Кузьмищев

ТАЙНА ЖРЕЦОВ МАЙЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1968

9(3)
К89

Двадцать лет назад в мексиканских лесах Чиапаса обнаружили полуразрушенный храм, расписанный изнутри великолепными фресками. Это был храм Города разрисованных стен древнего загадочного народа майя.

Кто он, этот удивительный народ-строитель? Откуда он пришел? Как и когда зародилась его культура? Кто научил его писать? Какими знаниями должен был он владеть, если календарь майя, созданный два тысячелетия назад, оказался точнее нашего календаря?

На эти и другие вопросы дает ответ книга В. А. Кузьмищева «Тайна жрецов майя».

Книга написана своеобразно и увлекательно. Она делает читателя свидетелем событий далекого прошлого и участником сложнейшего процесса дешифровки — важнейшего открытия наших дней. Вместе с автором он будет бродить по развалинам древних храмов, подыматься по крутым ступеням пирамид, слушать ночную симфонию тропического леса, сталкиваться лицом к лицу с жестокими жрецами и с восставшим народом, разрушившим храмы и изваяния... Но главное: читатель познает тайны одной из величайших цивилизаций нашей планеты.

Художники
Г. БОЙКО, И. ШАЛИТО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕРТВЫЕ ГОРОДА

Как один монах похитил историю целого народа

Костер никак не разгорался. Люди с факелами в руках, в масках и длинных одеяниях, будто призраки, метались вокруг сваленных в груду странных предметов. Желтые, с виду безобидные языки пламени нехотя лизали их... но вдруг, словно спохватившись, с яростью метнулись ввысь, в ночную мглу тропического неба. Костер зловеще заревел. Казалось, он звал к себе, одновременно о чем-то предостерегая молчаливую, понуро-неподвижную толпу индейцев. Толпа вздрогнула, пришла в движение, однако стальное кольцо закованных в доспехи солдат, окружавших костер, остановило внезапно вспыхнувший порыв. И он угас. И снова стихла толпа, застыв в покорной неподвижности.

При ярком свете костра фигуры монахов — главных устроителей этого обычного для тех времен зрелища — стали мрачнее: на лицах и одежде плясали багровые, желто-красно-черные пятна.

Рядом с костром возвышался свежесрубленный помост. На нем в окружении пестро разодетой свиты — бархат, шелк, кружева — в высоком кресле сидел главный алькальд — наместник испанской короны на землях лишь недавно завоеванного конкистадорами полуострова Юкатан. Здесь же толпились святые отцы, а впереди, на самом краю помоста, стоял тот, кто зажег этот зловещий огонь в городе Мани — одной из древних столиц индейцев майя.

Это был местный глава францисканского ордена — первый провинциал Юкатана и Гватемалы. Его звали Диего де Ланда. Он был молод — ему исполнилось только тридцать восемь лет, а между тем духовная власть монаха распространялась над обширнейшей территорией.

Примерно за год до этого среди испанцев поползли слухи, что снова стали тайно поклоняться языческим идолам, недавно обращенные в христианство индейцы Юкатана, что среди них появились жрецы-пророки, предсказывавшие по своим еретическим книгам с какими-то непонятными знаками и рисунками скорую гибель новым хозяевам здешних земель. Провинциал Диего де Ланда не сомневался, что книги начертаны по наущению дьявольскому рукою неверных индейцев. Он знал, что следует делать, и провинциал приказал хватать всех, кто вызывал подозрение, и под пыткой добиваться у них признания в отступничестве от святой католической веры. Трибуналы инквизиции свирепствовали по всей провинции: стоны и плач, предсмертные крики умирающих, запах горелого человеческого мяса заполнили монастырские застенки в городах Юкатана.

Монахи и солдаты рыскали повсюду в поисках языческих святынь; особенно настойчиво они искали рукописи-книги, вызывавшие благоговейный трепет даже у самых преданных испанцам крещеных индейцев. Книги следовало уничтожить, сжечь, предать огню — таково было решение главы единой церковной провинции Юкатана и Гватемалы.

Среди окружения Диего де Ланды был индеец, великолепно осведомленный во всем, что касалось прошлого народа майя. Он принадлежал к знатному индейскому роду Чи и приходился внуком владыке города Мани, правившего здесь еще до прихода испанцев. При крещении ему дали христианское имя Гаспар Антонио. Так Гаспар Антонио Чи стал верноподданным католиком. Но даже он, ревностно служа испанцам, не смог убедить провинциала Ланду, что книги-рукописи сами по себе никому не угрожают, что в них лишь прошлое индейцев майя, описание древних обычаев и обрядов, астрономического календаря, записи важнейших исторических событий. Правда, Гаспар Антонио не только не отрицал, но и с нескрываемым почтением подтверждал, что рукописи содержат длинный перечень языческих богов, обрядов и праздников в их честь и иную ересь. Для Диего де Ланды

именно этого было вполне достаточно, чтобы предать еретические книги вместе с другими индейскими святынями аутодафе. И 12 июля 1562 года палачи разожгли костер в городе Мани...

Преследования еретиков, сопровождавшиеся невероятными жестокостями, продолжались. «Слава» о них разнеслась далеко за пределы Юкатана. Власти вынуждены были направить на полуостров епископа Тораля, чтобы на месте ознакомиться с бурной деятельностью провинциала Диего де Ланды по «спасению душ» туземного населения. Жестокость главы местных францисканцев поразила даже этого верного служителя испанской короны и католической церкви, и епископ Тораль приказал немедленно приостановить преследование индейцев-отступников.

Диего де Ланда вскоре выехал в Испанию; ему приказали предстать перед советом по делам Индий и дать объяснения своим действиям. Но его опасения были напрасны: совет оправдал провинциала Ланду, и через несколько лет он вернулся на Юкатан — на этот раз уже в качестве епископа.

Так погибли сотни, а может быть, и тысячи рукописей индейцев майя, сожженные на костре францисканским монахом. Так погибли книги, которые, несомненно, могли помочь раскрыть многие тайны одной из величайших в мире цивилизаций — цивилизации индейцев майя. Так фанатик-монах, приведенный в ярость своим бессилием искоренить среди индейцев языческую веру, похитил у человечества историю целого народа.

След обнаружен. Он привел к... похитителю

Тысячи рукописей, сотни тысяч исписанных разными почерками страниц хранятся в архивах Испании. Чего только нет среди них! О чем только не расска-

зывают они! Сколько труда вложили в них безымянные переписчики!

День и ночь скрипели они своими гусиными перьями, записывая под диктовку или переписывая с листа доносы и жалобы, прошения и рекомендации, невероятные рассказы о правдивых историях и правдоподобные описания небылиц. Здесь и сообщения, поведанные осведомителями-индейцами, и длинные богословские рассуждения ученых-монахов, и родословная какого-нибудь туземного царька, исписавшего тысячи страниц, чтобы доказать свои права на дворянство, свое родство... с самим испанским самодержцем. Часто попадаются и бесконечные списки-описи. Их составляли трудолюбивые писцы, перечислявшие самым подробным образом, например, имущество какого-нибудь храма или монастыря, вплоть до самых мелочей, вплоть до гусиного пера, которым монах-переписчик составлял эту опись...

Сколько тайн, сколько человеческих трагедий скрывают они на своих пожелтевших от времени страницах?.. Кто заглядывал в них, кто их читал? Сколько лет, а может, столетий назад были в последний раз перевернуты их страницы? Или они недвижимо лежат с того самого дня, когда впервые попали сюда?

Иногда среди покрытых пылью книжных полок появляются странные люди. С удивительной настойчивостью и терпением бережно перелистывают они страницу за страницей сотни толстых рукописей, вглядываясь покрасневшими от усталости глазами в незнакомые почерки неведомых составителей.

Что ищут они в тысячах исписанных страниц? Может быть, описание местности, где столетия назад был спрятан сказочный клад? Или документы, чтобы получить богатое наследство?.. Эти странные люди, чем-то неуловимо похожие друг на друга, не кладоискатели и не ловцы чужих богатств. В их пристальном взгляде нет ни алчности, ни лихорадочного блеска, по которому безошибочно узнают тех, кто мечтает разбогатеть по случаю.

Но кто же они?..

Аббат Шарль Этьен Брассер де Бурбур — известный французский американист — словно зачарованный смотрит на манускрипт, еще минуту назад лежавший на одной из полок библиотеки Мадридской академии истории в груде точно таких же неприметных тетрадей. Он читает и перечитывает название:

«СООБЩЕНИЕ
о делах в Юкатане,
извлеченное из сообщения,
которое написал
брат Диего де Ланда
ордена св. Франциска».

Дрожащей рукой Брассер де Бурбур переворачивает страницу:

«ДИЕГО ДЕ ЛАНДА
MDLXVI».

В первое мгновение он ничего не понимает: имя автора... год 1566-й... Все совпадает, но... что-то смущает его...

Он внимательно перечитывает название манускрипта и, наконец, замечает то, что ускользнуло от его сознания, чего он попросту не понял: «...извле-

ченное из сообщения, которое написал брат Диего де Ланда...»

Значит, это не оригинал рукописи епископа Ланды, о которой упоминают испанские историки XVI и XVII веков и которая вот уже два столетия считалась навсегда утерянной? Но тогда что это? Очередная неудача или?..

Пальцы не слушаются. С огромным трудом, словно тяжелые каменные плиты, переворачивают они страницы рукописи. Вот начало:

«Юкатан не остров и не мыс, выступающий в море, как полагали некоторые, а часть материка. Ошибались из-за мыса Коточ, который образует море, входящее через проход Ассенсьон в бухту Дульсе, и из-за мыса, который образует Ла Десконосида с другой стороны, по направлению к Мексике, перед тем, как прибыть в Кампече, или из-за обширности лагун, образуемых морем, входящим через Пуэрто-Реаль и Дос Бокас...»

Текст читается с трудом. Глаза не привыкли к замысловатым закорючкам. Да и тот, кто выводил их на бумаге, еще не устал — он только начинает свой долгий тяжелый труд и поэтому старается поразить будущего читателя вычурной красивостью своего почерка.

Брассер де Бурбур переворачивает страницу, не дочитав ее до конца:

«..Эта провинция на языке индейцев называется «у луумил куц йетел кех», что означает «страна индюков и оленей»; они называют ее также «Петен», что означает «остров», так как их вводят в заблуждение упомянутые бухты и заливы...»

Сомнений нет — текст староиспанский, по-видимому середины XVI века. Об этом красноречиво свидетельствует построение фраз: они кажутся неуклюжими, слишком длинными и в то же время как бы обрубленными с обоих концов.

Перевернута еще одна страница:

«...Первыми испанцами, приставшими к Юкатану, были, как говорят, Херонимо де Агиляр, родом из Эсихи, и его спутники...»

Замелькали имена испанских конкистадоров. Чаще других — Франсиско Монтехо, первого губернатора Юкатана. Здесь можно не задерживаться! О нем и так немало известно. Дальше, дальше... Теперь страницы не кажутся тяжелыми; они легкие, совсем легкие...

Что это?.. «...брат Франсиско Тораль...» Интересно! Скорее назад. Здесь может что-то быть.

«...Хотя эти люди были просвещены в религии, а юноши преуспели (в учении), как мы говорили, они были совращены (снова) жрецами, которых имели в своем идолопоклонстве, и сеньорами и возвратились к почитанию идолов и жертвоприношениям не только курениями, но и человеческой кровью.

Вследствие этого братья сделали расследование, попросили помощи у главного алькальда и схватили многих. Их подвергли суду, и было устроено аутодафе, на котором многие попали на эшафот и были одеты в позорные колпаки, острижены и подвергнуты бичеванию, а другие одеты в санбенито на определенное время. Некоторые от огорчения повесились, обманутые демоном, но в общем все проявили много раскаяния и желания стать добрыми христианами.

В это время прибыл в Кампече брат Франсиско Тораль, францисканец, родом из Убеды, который до этого 20 лет находился в Мексике и пришел в качестве епископа Юкатана...»

Как странно описаны те страшные события 12 июля 1562 года! Столь невозмутимо спокойно, по-деловому о них мог рассказать только один человек, тот, кто сам организовал избиение индейцев и уничтожил священные реликвии майя, предав их аутодафе. Правда, в названии и в некоторых местах рукописи автор упоминает свое имя, скромно называя себя «брат Ланда», но, пожалуй, приведенное высказывание куда более достоверно свидетельствует о том, что автором сообщения действительно был провинциал, а позднее епископ Юкатана Диего де Ланда. Конечно, нужно будет сотни раз прочесть эту рукопись, изучить каждую страницу, чтобы окончательно решить, кто именно написал этот труд, однако уже сейчас ясно одно: рукопись не фальсификация, она имеет самое непосредственное отношение к Диего де Ланде!..

Волнение Брассера де Бурбура не было напрасно. Находка означала великую удачу — вернее, закономерный результат настойчивых поисков французского аббата и ученого: манускрипт хотя и не был оригиналом, но оказался подлинной копией рукописи Ланды, правда сильно сокращенной. Рукопись открывала след, который вел к древним майя. Идя по нему, можно было проникнуть в глубь истории этого великого народа. По иронии судьбы этот след, эту «тропинку» отдавал в руки человечества тот, кто уничтожил важнейшие документы для изучения истории народа майя — их рукописи.

Диего де Ланда сжег рукописи майя в 1562 году. Брассер де Бурбур обнаружил манускрипт через триста лет, в 1863 году, однако потребовалось еще сто лет — целый век! — прежде чем выяснилось, что находка Брассера де Бурбура действительно открыла перед учеными возможность пойти по тому следу, который оставил в своем «Сообщении о делах в Юкатане» францисканский монах.

След снова потерян

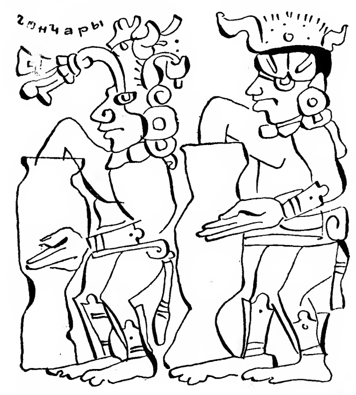

Обнаруженный Брассером де Бурбуром манускрипт был копией составленного Ландой «Сообщения о делах в Юкатане», переписанной с должным старанием тремя неизвестными писцами в 1616 году. Она хорошо сохранилась, сравнительно легко читалась, и, хотя переписчики допустили (очевидно, сознательно) ряд сокращений, к счастью, они сохранили наиболее ценные части оригинала, в том числе очень важный для нашего рассказа список 27 алфавитных

знаков, которыми, по словам Ланды, пользовались писцы древних майя.

В своем сообщении Ланда дал огромную и ценнейшую информацию об индейцах майя. Она помогла и продолжает помогать сегодня раскрывать многие тайны их великой цивилизации.

Правда, есть немало оснований предполагать, что подлинным автором или по крайней мере соавтором сообщения является уже упомянутый нами индеец Гаспар Антонио Чи — главный «консультант» по делам майя не только самого Ланды, но и многих других испанцев, которые неоднократно упоминают его имя в своих сообщениях того периода. Однако нет

(или не сохранилось) ни письменных, ни устных свидетельств, которые подтверждали бы с должной достоверностью такое предположение, и поэтому Ланда имеет полное право единолично претендовать на авторство сообщения — основного, наиболее полного и при этом весьма точного документа о древних майя.

Не вызывает сомнений, что Ланда действительно был выдающимся знатоком индейцев майя и их удивительной цивилизации. Но это еще больше отягощает его вину за бесчеловечное обращение с индейцами и уничтожение бесценных сокровищ их древней культуры. Подобному «деянию» католического монаха нет и не может быть оправданий!

В «Сообщении о делах в Юкатане» Ланда записал легенды о прошлом майя. Многие из них, очищенные от двойной мистической приправы — майя и католической, легли в основу хронологии и истории майя. Он рассказал о быте, обычаях и религии этого народа, о том, чем питались майя, как одевались и что строили, чему радовались и отчего печалились; как женились, воспитывали детей и хоронили умерших; он описал их ремесла, торговлю, земледелие и даже правосудие. Но больше всего внимания Ланда уделил разоблачению их еретической веры. Его подробные, хотя и тенденциозные — ведь он был католическим монахом, — записи довольно полно раскрывают духовный мир майя — мрачный и откровенно жестокий во всем, что касалось их религии, даже если сделать скидку на тенденциозность францисканского монаха.

Ланда помог понять и изучить на основе собранного в сообщении богатейшего материала систему летосчисления и календаря майя, их счета, который, кстати сказать, был двадцатеричным. В результате календарные знаки как в рукописях, так и на других памятниках культуры майя сравнительно легко поддались расшифровке (перед исследователями ведь был не такой уж сложный календарно-цифровой код, которому соответствовали даты и числа, а не древний язык) и стали достоянием не только ученых.

Наконец, Ланда дал довольно подробное, хотя и путаное, описание письменности майя и записал «ал-

фавит», ставший впоследствии знаменитым. Конечно, Ланда не предполагал, что три столетия спустя вокруг «алфавита» возникнут ожесточенные споры и зародится полемика длиною в целый век; что его «алфавит» будет порождать надежды и с одинаковой легкостью убивать их; вызывать страстные дискуссии, доходящие порой до откровенной ругани в среде ученых мужей, и заставит сесть за дешифровку письменности майя как маститых ученых, так и совсем еще юных студентов и даже школьников...

Иными словами, Диего де Ланда и его «Сообщение о делах в Юкатане» сегодня, как и сто лет назад, стоят в центре всех исследований, которые связаны с историей и культурой древних народов Америки. Именно поэтому найденный Брассером де Бурбуром в испанских архивах манускрипт столь сильно взволновал ученых. Но больше всего их обрадовал так называемый «алфавит Ланды».

Однако разве Ланда не уничтожил все рукописи майя и тем самым не «обезвредил» составленный им самим «алфавит»?

К счастью, от костров испанской инквизиции чудом все же уцелели три ставшие уникальными рукописи майя. Кроме того, на древних архитектурных сооружениях этого великого народа-строителя были обнаружены многочисленные знаки, высеченные на камнях либо вылепленные на гипсовых барельефах, весьма схожие с теми, что заполняли рукописи. Во время раскопок, которые к моменту открытия Брассера де Бурбура весьма робко, но все же велись на развалинах древних столиц, крупных центров и больших и малых городищ майя, археологи нашли высокие продолговатые камни — стелы, сплошь разукрашенные теми же таинственными знаками. Надписи попадались и на пластинах, статуэтках и других мелких украшениях. Словом, к концу XIX века накопилось немало текстов майя.

Казалось, что теперь перед учеными стояла предельно ясная задача: пользуясь «алфавитом Ланды», который к тому же дает в своем сообщении три примера написания с его помощью слов, прочесть древ-

ние рукописи и другие тексты. Но первые же попытки решить столь простую на вид задачу потерпели провал.

Первым приступил к чтению знаков письма майя сам Брассер де Бурбур. И он действительно «прочел», но только не знаки, а то, что ему хотелось. «Ожившие вулканы.., содрогание земли.., извержение лавы...» (в «переводе» Брассера де Бурбура, который был страстным сторонником существования и гибели от катастрофы мифической Атлантиды) впоследствии оказались... лишь списком дней из календаря майя!

Подобных «переводов» появилось немало; они делались как с помощью «алфавита Ланды», так, впрочем, и без него. Рекорд фантазерства принадлежит французу Ле Плонжону: он умудрился объявить «космогонической поэмой», повествующей (конечно, на языке майя) о гибели Атлантиды, названия букв греческого алфавита — альфа, бета, гамма и т. д.!

Правда, серьезные ученые сразу же отвергали подобные дилетантские «открытия» незадачливых дешифровщиков.

Уже в 1881 году знаток древневосточных письмен Леон де Рони предпринял первое серьезное изучение письма майя. Сделав предположение, что письмо майя является иероглифическим, то есть аналогичным древним иероглифическим письменам Китая, Египта, Вавилона, он стал искать в нем три типа знаков, являющихся теми «китами», на которых держится любое иероглифическое письмо: идеографиче-

ские, передающие корни слов; фонетические, передающие один слог или один звук; ключевые, или детерминативы, — знаки, которые употребляются для пояснения смысла слова, хотя сами не читаются. Например, слово «лев» может служить для обозначения животного и собственного имени; благодаря знаку-детерминативу читатель определит, о чем именно идет речь.

Используя знаки «алфавита Ланды» и остроумно комбинируя их с материалами рукописей, де Рони удалось обнаружить знаки-идеограммы для названий цветов, найти иероглифы, обозначающие четыре стороны света. Более того: он показал, что в письме майя были фонетические (то есть алфавитные или слоговые) знаки, и привел пример слова, записанного такими знаками: куц

(индюк).

Работы Леона де Рони продолжил американский ученый Сайрус Томас, однако вместо ключа к дальнейшей дешифровке письма майя их усилиями невольно был создан крепкий замо̀к, который замкнул двери перед несколькими поколениями исследователей, пытавшихся проникнуть в тайну письма. Дело в том, что и де Рони и особенно Сайрус Томас допустили массу ошибочных и произвольных толкований знаков.

Это было связано в первую очередь с тем, что, как ни старались переписчики рукописи Ланды, они все же сильно исказили знаки «алфавита», и отождествить их с древними иероглифами было чрезвычайно трудно. Именно поэтому оба ученых допустили серьезные палеографические ошибки.

Случилось так, что эти досадные сами по себе ошибки сыграли роковую роль в исследовании письменности древних майя. Они послужили лишь для доказательства правоты тех исследователей, которые отрицали существование у майя иероглифического письма, передающего звуковую речь. Ошибочное определение рисунка знаков породило утверждение, что письмена майя нельзя читать, как, скажем, древнеегипетские или китайские иероглифы, ибо им не соответствуют какие-либо единицы языка, а можно лишь толковать тот или иной знак. Следовательно, говорили эти ученые, письмо майя является иконографическим, то есть каждый знак или группа знаков — это «икона», изображение чего-то совершенно конкретного, а раз так, толкование одного знака ни на йоту не поможет толкованию другого.

Их идейным вождем стал американский профессор Эрик Томпсон, многие годы, вплоть до самых последних лет, считавшийся непререкаемым авторитетом в науке о древних майя и их письме. Он громил любую попытку доказать, что письменность майя иероглифическая, используя для этого ошибки своих оппонентов, главным образом в палеографии, иными словами, в умении правильно определить рисунок знака или их сочетания. Томпсон категорически заявлял, что расшифровка новых знаков в письменности майя не упрощает задачу толкования остальных, как это бывает, например, в письме, где употребляется алфавит, или в кроссворде. Он безапелляционно объявил, что Ланда ошибся в попытке получить алфавит майя у своего «консультанта», ибо знаки майя обычно передают слова, изредка, может быть, части сложных слов, но, решительно настаивал Томпсон, не буквы алфавита.

Даже крупный американский лингвист, один из

пионеров современного языкознания, Бенджамен Ли Уорф, выступивший против этого категорического и безапелляционного суждения своего соотечественника, был подвергнут уничтожающей «критике» Томпсона. На работах Уорфа был поставлен крест. К сожалению, он допустил серьезные палеографические ошибки в своей попытке на практике доказать, что письмо майя было иероглифическим и передавало звуковую речь, а не набор разрозненных знаков-ребусов, что и предопределило финал научной баталии.

След, который нашел Брассер де Бурбур, на этот раз, казалось, был утерян окончательно.

Еще одна попытка

Перед вами рукопись на неизвестном языке. Вернее, вы еще не знаете, так ли это, а только предполагаете, что стройные ряды и колонки тщательно выведенных замысловатых знаков и значков, разноцветных рисунков и орнаментов являются рукописью. Иногда проходят годы и даже десятилетия — история знает такие примеры, — прежде чем предположение превращается в уверенность, в твердое убеждение, непоколебимую веру, что это действительно рукопись.

Молодой дешифровщик, впрочем пока только он один называет себя так, уже в который раз вглядывается в серо-белые листы фотобумаги, на которых изображены страницы рукописей. Их, рукописей, только три.

Одна хранится в Дрездене. На длинной полосе бумаги, сделанной из луба фикуса и сложенной складками, наподобие веера или мехов у гармошки, волосяной кисточкой на 74 страницах нанесены таин-

ственные знаки и непонятные рисунки. Другая рукопись, хранящаяся в Мадриде, состоит из двух фрагментов — всего 112 страниц — и также сложена складками, однако у нее нет начала, это сразу видно, нет и конца. В еще худшем состоянии рукопись, найденная Леоном де Рони в архивах парижской библиотеки. Это даже не рукопись, а фрагмент из 24 страниц, к тому же сильно поврежденный.

И все. Все, что уцелело от костров испанской инквизиции, уничтоживших четыреста лет назад рукописи индейцев майя.

С чего начать? Как подступиться к ним? Как заставить заговорить этих древних свидетелей выдающейся цивилизации Американского континента? А может быть, американский профессор прав, и они вообще не умеют говорить?

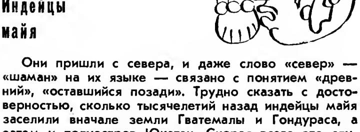
Тогда, много лет назад, выпускник Московского университета Юрий Кнорозов не мог дать ответа на эти и еще многие другие вопросы, возникавшие у каждого, кто хоть раз увидел рукописи майя. Он знал многое — вернее, почти все, что было опубликовано в мировой печати об этих манускриптах, вот уже почти столетие платившим черной неблагодарностью — молчанием всем тем, кто стремился проникнуть в их тайну.

Он изучил древние письмена Старого Света, тщательно присматриваясь к особенностям иероглифики китайцев и древних египтян; он искал социально-исторические причины возникновения письма у народов, которые прошли примерно тот же исторический путь, что и майя. Он был лингвистом, историком и еще... Он считал, что гуманитарные науки следует вывести на уровень точных наук, и много думал о новом открытии, которое несправедливо оскорбили люди, не сумевшие или не пожелавшие разобраться в этом дерзновенном полете человеческой мысли, приклеив ему ярлык мракобесия... Да, он думал о кибернетике, о возможностях ее применения в лингвистике, о совершенно невероятном на первый взгляд сочетании «думающих» машин с наукой языкознания... Это была мечта, но мечта, построенная

на строгом научном анализе молодого ученого, понимавшего, какой невероятно тяжелый труд ждет его впереди, сколько препятствий ему придется преодолеть, сколько неудач и разочарований поджидает его.

Однако он знал, он непоколебимо верил, что рукописи можно заставить заговорить. Только вот как?..

Шел 1950 год.

Индейцы майя

Они пришли с севера, и даже слово «север» — «шаман» на их языке — связано с понятием «древний», «оставшийся позади». Трудно сказать с достоверностью, сколько тысячелетий назад индейцы майя заселили вначале земли Гватемалы и Гондураса, а затем и полуостров Юкатан. Скорее всего это случилось в первом тысячелетии до нашей эры, и с тех давних пор их история, их культура, вся их жизнь связаны с этой опаленной солнцем, залитой тропическими ливнями, заросшей непроходимой буйной растительностью, затопленной болотами землей.

На этой земле сегодня проживает около двух миллионов человек, принадлежащих к большой языковой семье майя — кичэ*. Они потомки тех, древних майя.

Здесь обнаружено более ста остатков больших и маленьких городов и городищ, развалин величественных столиц, сооруженных древними майя. А сколько их еще скрывают заросли сельвы от любопытного взгляда человека?

---

* Мы будем пользоваться термином «майя», применяя его ко всей языковой семье майя-кичэ, населяющей в настоящее время территорию, в которую входят полуостров Юкатан и штат Чиапас (Мексика), Гватемала и часть Гондураса. Это соответствует принятой терминологии.

Странно звучат их названия: Тик'аль, Копан, Майяпан, Паленке... *

Они возникли в разное время; разной была их судьба, хотя сейчас все они одинаково лежат в развалинах. Их безжизненные камни, разукрашенные причудливыми узорами, великолепными фресками, барельефами и скульптурами, не хотят отдавать свои сокровенные тайны. Они словно говорят: «Смотрите, любуйтесь нашим былым величием и красотой, но вы никогда, никогда не узнаете тайну нашего взлета и падения, нашей гибели, нашего начала и конца...»

И действительно, многое еще остается неразгаданным в истории этой удивительной и неповторимой цивилизации. Возьмем хотя бы само слово «майя». Ведь мы даже не знаем, что оно обозначает, как появилось на свет и попало в наш лексикон. Впервые в литературе оно встречается у Бартоломе Колумба, когда он описывает встречу своего легендарного брата Христофора — первооткрывателя Америки с индейской лодкой — каноэ, приплывшей «из провинции, называемой майя». По одним источникам периода испанской конкисты, название «майя» применялось ко всему полуострову Юкатан, что противоречит приведенному в сообщении у Ланды названию страны — «у луумил куц йетел кех» («страна индюков и оленей»). По другим источникам, оно относилось лишь к сравнительно небольшой территории, центром которой была древняя столица Майяпан. Высказывались также предположения, что термин «майя» был именем нарицательным и возник из презрительной клички «ахмайя», то есть «бессильные люди». Впрочем, есть и такие переводы этого слова, как «земля без воды», что, несомненно, следует признать простой ошибкой.

Однако в истории древних майя остаются до сих

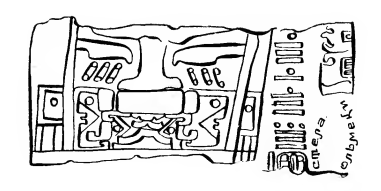
* Здесь и дальше даются общепринятые названия городов и отдельных сооружений майя, многие из которых были присвоены им после испанского завоевания и, следовательно, не являются подлинными названиями на языке майя, ни их переводами на европейские языки; например, название «Тик'аль» придумали археологи, а «Паленке» — испанское слово «крепость».

пор нерешенными и куда более важные вопросы. И первый из них — вопрос о времени и характере заселения народами майя территории, на которой оказались сконцентрированы основные очаги их цивилизации в период ее наивысшего расцвета, обычно называемого Классической эпохой (II—X века)*. Многочисленные факты говорят, что их возникновение и стремительное развитие происходили повсеместно и почти одновременно. Это неизбежно приводит к мысли, что майя, по-видимому, к моменту прихода на земли Гватемалы, Гондураса, Чиапаса и Юкатана уже обладали достаточно высокой культурой. Она была единой по своему характеру, и это служит подтверждением, что ее формирование должно было происходить на сравнительно ограниченной территории. Оттуда, с этой территории, майя тронулись в далекий путь не как дикие племена кочевников, а как носители высокой культуры (или ее зачатков), которой предстояло в дальнейшем, уже на новом месте, расцвести в выдающуюся цивилизацию.

Почему было предпринято это «великое переселение», можно лишь догадываться. Прибегая к исто-

* Классическая эпоха имеет периодизацию: Ранняя классическая эпоха, включающая Период колонизации — Чиканель (II—IV века) и Период юбилеев — Цаколь (IV—VI века); и Поздняя классическая эпоха — Тепеух с делением на Начальный период (VI—VII века), Орнаментальный период (VII—VIII века), Динамический период (VIII век), Период упадка (первая половина IX века) и Юкатанский период (IX — начало X века).

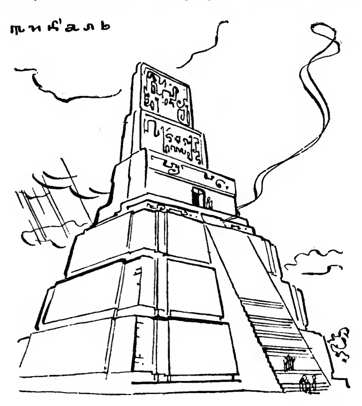
рическим аналогиям, следует предположить, что оно не носило добровольного характера, ибо, как правило, переселения народов являлись результатом ожесточенной борьбы с нашествиями кочевников-варваров.

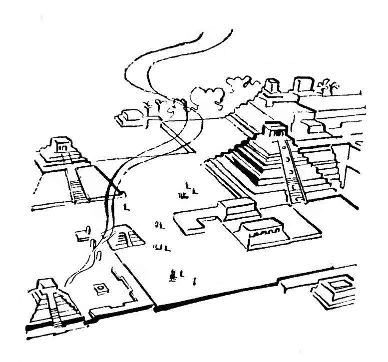
Несколько иначе обстоит дело с вопросом, откуда могли прийти майя. Не вызывает сомнений, что они должны были покинуть центр весьма высокой и обязательно более древней культуры, чем сама цивилизация майя. И действительно, такой центр был обнаружен на территории нынешней Мексики. В нем сосредоточены остатки так называемой ольмекской культуры, найденные в Трес Сапотесе, Ля Венте, Веракрусе и других районах побережья Мексиканского залива. Но дело не только в том, что культура ольмеков самая древняя на территории Америки и, следовательно, она «старше» цивилизации майя. Многочисленные памятники ольмекской культуры — застройки культовых центров и особенности их планировки, типы самих сооружений, характер оставленных ольмеками письменных и цифровых знаков и иные остатки материальной культуры — убедительно свидетельствуют о родстве этих цивилизаций. Возможность такого родства подтверждается и тем, что поселения древних майя с вполне сложившимся обликом культуры появляются повсеместно в интересующем нас районе именно тогда, когда внезапно обрывается активная деятельность религиозных центров оль-

меков, то есть где-то между III—I веками до нашей эры.

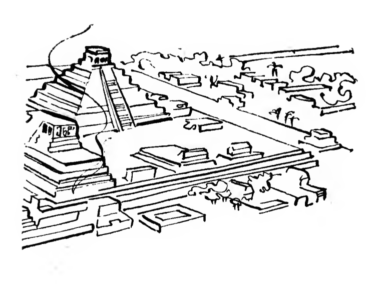
Казалось бы, все предельно ясно, но и сегодня мы не можем с абсолютной уверенностью назвать древних майя прямыми наследниками культуры ольмеков, как бы заманчиво и на первый взгляд достоверно не выглядело это. Современная наука о майя не располагает необходимыми данными для такого утверждения.

Более того, недавние исследования некоторых важных очагов археологической зоны майя принесли совершенно неожиданные результаты. Они дают из-

вестные, хотя и не бесспорные, основания для выдвижения новых гипотез о времени заселения древними майя территории, на которой развивалась их культура Классической эпохи. На основе этих данных были высказаны предположения, что майя или даже протомайя появились в горных районах Гватемалы и Гондураса значительно раньше, чем наступил расцвет ольмекской культуры. Если это предположение получит неопровержимое доказательство, оно не только поставит под сомнение прямое родство культур ольмеков и майя, но и потребует полного пересмотра характера «взаимоотношений» между важнейшими цивилизациями Мексики, включая Юкатан. Последнее и решающее слово за дальнейшими археологическими раскопками и тщательным анализом остатков материальной культуры. Сейчас же все, что мы знаем об ольмеках и древних майя, не дает достаточно вес-

Комплекс в Копане

ких оснований сомневаться в родстве (во всяком случае, косвенном) между этими наиболее интересными культурами Америки.

То, что наши знания о начальном периоде истории древних майя, от которого нас отделяют тысячелетия, не отличаются желательной точностью и абсолютной достоверностью, не представляется чем-то исключительным — подобных примеров в исторической науке довольно много. Но нам так же мало известно и о более близких временах из их истории. Мы не можем с достоверностью говорить даже о событиях, сотрясавших сравнительно недавно обширные территории, заселенные индейцами майя. Почему, например, в конце IX века нашей эры были почти одновременно покинуты и разрушены грандиозные религиозные центры Классической эпохи? Что послужило причиной этого внезапного ухода майя

с насиженных мест в Гватемале, Чиапасе и Юкатане?

Огромные пирамиды, храмы и дворцы Тик'аля, Вашактуна, Копана, Паленке и других городов Классического периода, на строительство которых были израсходованы невероятные духовные и физические усилия, по сей день хранят следы разрушений, нанесенных человеческой рукою. Но чьей была эта рука-разрушитель? Чужеземца-победителя? Или родствен-

ных майя варварских племен, предпринявших «великое переселение»? Или то была рука безжалостно эксплуатируемого раба? А может быть, вспышка неизвестной дотоле болезни, опустошившей целые города и крестьянские селения, заставила майя уйти оттуда? Или голод, вызванный засухой либо тропическими ливнями, уничтожившими поля кормильца-маиса? Но ведь могли быть и иные причины. Например, восстания крестьян, доведенных до крайности бесконечными поборами, благодаря которым правители и жрецы утоляли свое тщеславие, возводя бессмысленно-гигантские пирамиды и храмы.

Правда, чем выше была пирамида, тем «ближе» к богам находились храмы и молившиеся в них жрецы. Да и соседям становилось не по себе при виде устрашающе громадных сооружений! Но от этого строителям майя не становилось легче. Они не знали металла, не постигли тайны вращающегося круга-колеса, у них не было вьючных животных, и все делалось голыми руками в самом прямом смысле этих слов. Голыми руками они построили гигантский архитектурный ансамбль Тик'аля, одна из многочисленных пирамид которого, так называемая «пирамида IV», имела семидесятиметровую высоту! Такое могло оказаться не под силу даже самому трудолюбивому народу. И народ восстал. Он перебил ненасытных правителей и жрецов и ушел искать «землю обетованную».

Так могло случиться еще и потому, что «подсечно-огневой» способ ведения сельского хозяйства, которым пользовались майя, быстро истощал земли. Каждые четыре-пять лет крестьянам приходилось снова и снова выжигать леса под новые участки посевов кукурузы, ибо для естественного восстановления плодородия старых участков требовались десятилетия. Постепенно поля крестьян «уходили» все дальше и дальше от городов. Доставка продуктов становилась все труднее, а свободных рабочих рук все меньше. Жрецы же и правители не только не умеряли свои «аппетиты», а наоборот, каждый из них стремился превзойти предшественников величием и грандиозностью по-

строенных им самим сооружений, заставляя ради этого работать на пределе «экономическую машину» страны, пока однажды она не взорвалась...

Странно звучат названия городов древних майя: Тик'аль, Вашактун, Копан, Майяпан, Паленке... Они манят к себе тех, кто хочет заглянуть в их таинственное прошлое...

Паленке

Узкая неровная дорога змейкой бежит по холмистой местности, лениво поднимающейся в гору. Машину бросает из стороны в сторону, особенно на поворотах. Скорость невелика, и поэтому даже на ходу в машине невыносимо жарко. Крутой подъем, левый вираж, и мы въезжаем на постепенно расширяющуюся площадку-террасу. Одной своей стороной она упирается в горы; другая обрезана кромкой глубокого обрыва.

Прямо перед нами на высоком искусственном холме (метров десять, не меньше) — прямоугольной платформе стоит величественный «дворец», вернее, то, что сохранилось от его многочисленных галерей, коридоров и лестниц, соединявших и разделявших четыре различных по своим размерам внутренних двора. В одном из них, юго-восточном, возвышается огромная четырехэтажная башня. Любопытно, что каменная лестница, которая ведет к ее верхним этажам, начинается не во дворе, а лишь с первого этажа, являющегося массивным основанием почти квадратной башни. Может быть, древние майя пользовались подставной лестницей, чтобы подниматься туда? Нам же приходится взобраться на широкую стенку, примыкающую к башне (очевидно, пристройка более позднего периода), чтобы попасть к лестнице.

Обливаясь потом, поднимаемся по крутым сту-

пенькам на четвертый этаж. На его широкой площадке стоит массивная каменная скамья. Кто и зачем установил ее здесь? Быть может, воины правителя Паленке следили отсюда за лежащей внизу бескрайней равниной — она просматривается с башни на десятки километров, — чтобы своевременно заметить и предупредить о приближении боевых отрядов других племен и народов, влекомых богатством и славой Паленке и не раз вторгавшихся в эти земли? Или главной заботой было неусыпное наблюдение за крестьянскими поселениями, разбросанными внизу, у подножья гор? Ведь в истории народа майя известны восстания бедноты!

Но башня скорее всего была построена с иной целью, хотя одновременно она могла служить и сторожевой. Это своеобразная обсерватория, и на массивной каменной скамье по ночам сидели жрецы-астрономы, наблюдавшие за движением небесных светил и звезд.

То, что древние майя познали в астрономии, просто потрясает. Лунный месяц, высчитанный жрецами-астрономами Паленке, равен 29,53086 дня, то есть он длиннее фактического (29,53059 дня), высчитанного при помощи современной точнейшей счетно-вычислительной техники и астрономического оборудования, всего лишь на 0,00027 дня. Столь поразительная точность отнюдь не случайная удача жрецов Паленке. Жрецы-астрономы из Копана — другой столицы древних майя Классической эпохи, отделенной от Паленке сотнями километров непроходимой сельвы, — достигли не меньшего: их лунный месяц короче фактического на 0,00039 дня!

Для майя астрономия была не абстрактной наукой. В условиях тропиков, где нет резко обозначенных природой времен года и фактически всегда долгота дня и ночи остается почти неизменной, астрономия служила практическим целям. Благодаря своим астрономическим познаниям жрецы сумели высчитать продолжительность солнечного года. Они увековечили столь необходимые данные, записав их своими иероглифами на камне: 365,2420 дня! Иными словами,

календарь, которым пользовались древние майя, точнее нашего современного календаря на 0,0001 дня! *

Год делился на восемнадцать месяцев; каждый месяц соответствовал определенным сельскохозяйственным работам: подысканию нового участка под посевы, рубке леса, его выжиганию, посеву ранних и поздних сортов кукурузы, сгибанию початков кукурузы, чтобы защитить их от дождя и птиц, сбору урожая и даже уборке зерен в хранилища.

Летосчисление майя велось с некоей мифической нулевой даты. Она соответствует, как высчитали современные ученые, 5 041 738 году до нашей эры! Известна также начальная дата хронологии майя, но и ее, несомненно, также следует отнести к числу легендарных — это 3113 год до нашей эры.

С годами календарь майя становился все сложнее и сложнее. Все больше и больше терял он свое первоначальное значение практического пособия по сельскому хозяйству, пока, наконец, не превратился в руках жрецов в грозный и весьма действенный инструмент мрачной и жестокой религии.

Однако мы отвлеклись от главной цели нашей поездки, а с календарем майя нам еще предстоит познакомиться более подробно.

...«Дворец» в Паленке имеет не только башню, но и подземелье: параллельные подземные галереи с помощью трех лестниц соединяют наружные помещения «дворца»; есть выход за его пределы с южной стороны. Галереи полностью лишены естественных источников освещения. В некоторых из них стоят каменные столы, похожие на алтарь.

Зачем они были построены? Для чего служили? Сейчас это трудно установить. Может быть, здесь жили жрецы, ибо верхние помещения «дворца» сооружены скорее всего для важных религиозных обрядов, а не для жилья. Они сплошь покрыты украшениями. Повсюду — на стенах, потолках, колоннах, в нишах и

* Продолжительность солнечного (тропического) года по григорианскому календарю, которым мы пользуемся, — 365,2425 дня; фактическая продолжительность — 365,2422 дня.

даже на ступеньках лестниц (!) — сохранились остатки великолепных барельефов и фресок. Трудно представить себе, каким чудом искусства выглядел «дворец» в период расцвета Паленке.

Со стен «дворца» хорошо видны остальные сооружения Паленке. Они со всех четырех сторон окружают «дворец». Зодчие майя расположили их на таком расстоянии друг от друга и от «дворца», что можно без помех любоваться изящной красотой каждого сооружения. Почти все они гордо возвышаются на высоких пирамидах, и кажется, будто чьи-то ги-

гантские руки протянули их к вам на невидимых ладонях. Это храмы «Солнца», «Креста», «Креста с листьями», «Льва», «Графа» и другие постройки, сложенные из белого камня талантливыми руками древних строителей. Есть здесь и площадка для игры в мяч — спорт у майя носил ритуальный характер — и подземный канал-акведук, подводящий воды ручья Отолюм почти вплотную к платформе «дворца». Акведук построен из больших каменных плит; высота его превышает три метра. В период тропических ливней он, несомненно, служил водоотводным каналом.

Однако наиболее интересное сооружение Паленке — Храм надписей.

Храм надписей

Он стоит на гигантской пирамиде, тыльная сторона которой опирается на крутой склон высокой горы. В ясную погоду белокаменная пирамида, увенчанная храмом, видна с равнины за многие километры. Более семидесяти высоких ступеней нужно пересчитать ногами, чтобы добраться до верхней платформы, на которой покоится храм. Стены храма когда-то были украшены огромными плитами, сплошь покрытыми многочисленными барельефами необычайной выразительности и реализма и иероглифическими надписями; отсюда название храма. Надписи помогли установить несколько дат, одной из которых был 692 год. (Паленке относится к Поздней классической эпохе.)

Мексиканские археологи, работавшие в Паленке в 1949 году, обратили внимание на необычное покрытие пола в храме. Оно состояло из хорошо отшлифованных плит; некоторые из них выделялись своими огромными размерами. В центральной комнате храма — обычно это главное помещение — в одной из плит ясно виден двойной ряд небольших отверстий, закупоренных, правда не наглухо, каменными проб-

ками. Более того, массивные стены храма не лежали на полу, а уходили вглубь. Это позволило сделать предположение, что под каменным настилом может находиться какое-то сооружение. Плиту подняли и под ней обнаружили потайную камеру со ступеньками, уходящими вниз. Вернее, археологи увидели только одну ступеньку, да и то засыпанную землей и камнями. Начались раскопки...

Мы спускаемся по лестнице, уходящей в глубь пирамиды. Кажется, что она почти вертикально падает вниз. Невероятно трудно заставлять себя опускать ногу на каждую нижнюю ступень, которым к тому же нет конца: «...пять, шесть, семь... — считаем про себя, — двадцать, двадцать одна...» Ступени высокие и влажные от сырости. Наконец внизу появляется площадка. Движения становятся уверенней, и, когда до площадки остается две-три ступени, хочется сбежать по ним, но... это не конец спуска, а только поворот направо и опять те же мокрые огромные каменные уступы-монолиты, которые лишь из вежливости и уважения к древним строителям можно именовать лестницей.

Только теперь понимаешь, почему мексиканским археологам потребовалось четыре сезона, чтобы добраться до конца лестницы. Сколько тонн камня и земли пришлось им извлечь на поверхность, чтобы расчистить путь!

Лестница заканчивается небольшим коридором, в конце которого археологи обнаружили сложенные в ящики предметы подношения: глиняную посуду из-под пищи, раковины, заполненные красной краской, серьги и другие украшения из яшмы и одну крупную жемчужину. А за невысокой стеной, вернее — барьером, лежали истлевшие останки пяти или шести юношей. Дальше пути не было. Однако, внимательно изучив стены, археологи увидели на облицовке левой стены ясно вычерченный контур небольшой треугольной плиты. По всей вероятности, это был вход, но куда он вел и что скрывалось за плитой?

Треугольную плиту удалось извлечь из стены 15 июня 1952 года.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО

Предсказание

Он умер.

Утром, когда младшие жрецы, как обычно, пришли в его опочивальню, чтобы помочь облачиться в пурпурный наряд Верховного правителя и жреца священного Города белых камней, они поняли: предсказание Великого сбылось — на циновке лежало уже холодное тело. Он ушел, как и обещал, к Ицамна — всесильному богу неба, высшему божеству, покровителю жрецов, к тому, кто научил их читать и писать священные книги — хууны.

Еще вчера Великий, как простой писец, ах ц'иб, тонкой волосяной кисточкой, макая ее то в раковины с красной, то с черной красками, выводил одному ему известные знаки, а когда солнце стало склоняться к горизонту, он закрыл свой хуун и приказал позвать жрецов — членов Высшего совета непререкаемых священного Города белых камней.

— Я написал последнюю страницу в своей книге и в своей жизни среди людей. Завтра утром я отправлюсь к Ицамна и его прекрасной супруге Иш Чель, матери плодородия. Они уже ждут меня. Пусть на обложке моей книги писец нанесет знак справедливости и поставит дату завтрашнего дня!

Он не пошел вниз, в свою опочивальню, а направился к Башне звезд. По приставной деревянной лестнице — жрецы крепко держали ее, чтобы она не шелохнулась под тяжестью его большого, могучего тела, — Великий поднялся на первый этаж башни. Жрецы последовали за ним. Они шли за ним, пока не достигли третьего этажа. Здесь они остановились в почтительном ожидании, но Великий не позвал их наверх.

По лестнице, соединяющей третий этаж с последним, с поспешной учтивостью спустились жрецы-звездочеты, которым этой ночью предстояло следить за движением ночных светил. И только четыре воина в боевых доспехах — панцирь из стеганого хлопка, скрывавшийся под шкурой ягуара, круглый щит из плетеного тростника, отделанный оленьей кожей, и топорик с деревянной рукояткой — остались стоять каждый в своем окне между колоннами, на которых покоилась каменная крыша-шатер. Если бы они покинули боевые посты, пусть даже для того, чтобы уступить место Великому, он сам приказал бы немедленно казнить их.

Великий сел на скамью. Здесь он провел множество бессонных ночей, беседуя со звездами. Отсюда в тревожные дни вражеских нашествий он наблюдал за передвижениями боевых отрядов народа Пернатого змея, которые в последние годы — туны его правления, длившегося вот уже полтора к'атуна *, все чаще вторгались во владения священного Города белых камней. Многие из пришельцев погибали в сражениях, многие находили смерть на жертвенных камнях священного Города белых камней, многие стали до конца своих дней рабами. Каждый раз враги терпели жестокое поражение от мужественных воинов Великого, но, несмотря на это, все новые и новые отряды народа Пернатого змея нападали на его земли.

---

* К'атун — 20-летний период (7200 дней) календаря майя.

Бросив полный безразличия взгляд на ровные, выложенные плитами площади и улицы Города белых камней, на величественные храмы и дворцы, доходившие до края крутого обрыва, Великий с тревогой устремил свой взор на зеленые поля маиса, поделенные на квадратные наделы — хуи-виник — двадцать ступней в длину и двадцать в ширину, — раскинувшиеся на многие тысячи полетов стрелы. Вырубая непроходимую девственную лесную чащу и сжигая ее, крестьяне расчищали под свои посевы отвоеванные у леса земли, так как старые истощались и давали плохой урожай. С каждым новым четырехлетием поля все дальше и дальше уходили от священного города; это больше всего тревожило Великого.

В лучах заката с высокой башни дворца были хорошо видны остроконечные крыши крестьянских хижин, покрытые соломой и сухими листьями пальм. Крестьяне строили свои дома без дверей и окон; их заменяли широкие отверстия в передней и задней стене, через которые в хижину могли одновременно войти пять или шесть человек. Поэтому нехитрое жилище простолюдина просматривалось насквозь, и Великий смог даже разглядеть несколько женщин, трудившихся над чем-то в жалком хозяйстве крестьянина-бедняка.

Это он, крестьянин, создал могущество и величие священного Города белых камней. С помощью простой заостренной палки он неустанно возделывал поля маиса, и маис был источником всех богатств страны. Благодаря крестьянину и маису были построены гигантские пирамиды, храмы и дворцы, процветали науки и искусство, развивались ремесла, приумножались сила и богатство, могущество и слава священного города. Благодаря крестьянину и маису священный город содержал огромное воинство, многочисленную прислугу при храмах и дворцах и не менее многочисленные, но куда более неасытные жречество и знать. Всесильные боги покровительствовали священному городу. Одну за другой одерживал он блистательные победы над врагами, и, прославляя богов-покровителей, великие подвиги и победы, мудрость и могущество правителей и жрецов, вырастали новые, еще более грандиозные пирамиды, храмы и дворцы, украшенные скульптурами, барельефами и фресками. На их строительство сгоняли тысячи и тысячи крестьян, тех самых крестьян, что трудились на полях, возделывая благословенный маис... Да, все это стало возможно лишь благодаря маису и крестьянину, крестьянину и маису.

Круг замыкался на них...

Кровавый диск солнца скрылся за горизонтом, и сразу стало темно. На черном мертвом небе лишь серебристо-синие звезды вели свой вечный хоровод.

Великий встал и направился вниз. Пройдя по внутреннему двору к восточной стене дворца, он остановился у скульптурной группы, украшавшей вход в Храм молений. Выполненные в гипсе в натуральную величину фигуры двух жрецов, молодого и старого, поражали неповторимым реализмом. Они неизменно вызывали всеобщее восхищение, и даже Великий, умевший, как никто другой, скрывать от людей свои чувства, открыто восторгался произведением давно умершего ваятеля. Движением руки Великий приказал жрецам, освещавшим дорогу небольшими факелами, приблизиться к скульптуре. Но ему показалось этого мало, и он сам взял один из факелов, почти вплотную поднеся его к гипсовой голове юноши-жреца.

Оранжевое пламя факела осветило два лица, гипсовое и живое, и тогда перед жрецами, сопровождавшими своего правителя, предстала наводящая ужас картина: гипсовое лицо внезапно ожило, а живое застыло каменным изваянием. Им казалось, что юноша-жрец силится что-то сказать, о чем-то предупредить Великого, скованного немой, смертельной скорбью. И пока горел факел, не отрываясь «смотрели» друг на друга живая скульптура и мертвый, хотя и живой человек...

Великий не зашел перед сном в паровую баню, а прямо спустился в опочивальню. Жрецы помогли ему снять сандалии и верхние одеяния. Потом поднесли напиток из маиса и бобов какао и вышли в темный коридор, чтобы до утра охранять покой Великого. Они не проронили ни единого слова, но каждый спрашивал себя: сбудется ли завтра пророчество Верховного правителя и жреца священного Города белых камней?..

А утром, утром он ушел к Ицамна. Пророчество сбылось!

Весть о смерти Великого быстро разнеслась по землям Города белых камней, и уже к вечеру тонкими ручейками со всех концов долины пришли к священному городу люди его народа. У городской черты — простолюдину без специального разрешения жрецов было запрещено переступать ее — молча и неподвижно стояли тысячи бронзовых фигур, перехваченных лишь белой набедренной лентой, спускавшейся впереди в виде узкого длинного фартука. С наступлением темноты люди священного Города белых камней, днем хранившие молчание, стали

выражать свое горе и печаль громкими криками. Они неслись ко дворцу со всех сторон и даже с высоких гор, охранявших с юго-запада городские строения.

Но люди пришли не только оплакивать смерть Великого. Они хотели узнать имя того, кто унаследует по указанию бога Ицамна пурпурную мантию Верховного правителя и жреца.

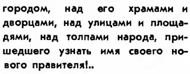
Воля усопшего священна

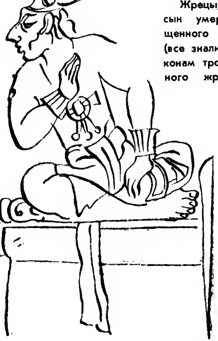
Жрецы — члены Высшего совета непререкаемых уже готовились к страшному обряду обращения к Ицамна. Они нашли юношу, чистого телом и душой. Завтра с первыми лучами солнца его положат на жертвенный камень-алтарь, и тот из жрецов, кто вырвет из рассеченной груди трепещущее сердце, познает волю Ицамна и назовет народу священного Города белых камней имя наследника Великого.

При иных обстоятельствах каждый из жрецов не без радости взял бы в руки жертвенный нож из блестящего обсидиана, но завтра... Завтра обладатель ножа может назвать любое имя, но только не свое. Так гласит священный закон, и его никто не осмелился нарушать, кроме... Великого. Нужно действительно быть великим, чтобы, как он, полтора к'атуна назад, вырвав из жертвы еще живое сердце, назвать наследником умершего правителя... самого себя!

Да, в то мгновение Великий был страшен: в первых лучах восходящего солнца он стоял на вершине Пирамиды воохов, обагренный кровью юношн, принесенного в жертву, и громовым голосом повторял свое имя. Оно летело над священным городом, над его храмами и дворцами, над улицами и площадями, над толпами народа, пришедшего узнать имя своего нового правителя!..

Жрецы, среди которых был сын умершего правителя священного Города белых камней (все знали, что по неписаным законам трон правителя и Верховного жреца должен был при-

надлежать ему), оцепенели, когда поняли случившееся. Но ни один не выдал своего изумления или негодования. Они понимали главное: своей непокорностью решению Ицамна, произнесенному устами жреца, принесшего ему жертву, можно лишь подорвать веру народа в то, что было в их руках могучей силой, — слепую веру в непогрешимость обрядов и повелений богов! А потом, кто знает, может быть, действительно сам Ицамна решил вмешаться в судьбу священного Города белых камней и отдал правление страной молодому жрецу, только что удостоенному чести стать членом Высшего совета непререкаемых?

Лишь Великий мог осмелиться на такое, но даже он не пошел бы против решения Ицамна, произнесенного с жертвенного алтаря Пирамиды воохов.

Великий прожил три к'атуна, но не оставил наследника. Вот почему каждый из членов Высшего совета непререкаемых мог рассчитывать на пурпурную мантию. Но прежде чем выбрать нового правителя, жрецам предстояло выполнить последнюю волю Великого.

Три туна назад Великий приказал расширить и надстроить Пирамиду воохов в честь великой военной победы над народом Пернатого змея. В Город белых камней согнали тысячи крестьян, и работа закипела. Днем пирамида была похожа на муравьиную гору, однако лишь члены совета знали, что работа продолжалась и ночью: Великий решил построить себе гробницу внутри главной пирамиды священного Города белых камней.

Когда склеп был закончен и в нем установили огромный каменный саркофаг, проем в пирамиде заделали, а мастеров и рабов, тайно по ночам строивших гробницу Великого, в ту же ночь перебили. Теперь только старшие жрецы знали о склепе и лестнице, которая проходила внутри пирамиды и соединяла склеп с храмом. Но даже тот, кто случайно попал бы в храм, не догадался о лестнице: вход в нее закрывала огромная каменная плита с двойным рядом небольших, заложенных камушками дырочек. С их помощью плита легко подымалась. Впрочем, случайно в храм никто не попадал, а тот, кого приводили сюда, чтобы отправить к богам с жертвенного алтаря, если бы и догадался о лестнице, ничего не смог бы рассказать людям; боги же сами знали о лестнице...

Жалобно стонут тростниковые флейты, трубы-раковины и

свистки, выточенные из оленьих костей. Тревожно и печально охают под ударами ладоней музыкантов панцири черепах. В такт им унылыми низкими звуками отвечают барабаны, сделанные из полых стволов деревьев.

По обеим сторонам главной лестницы Пирамиды воохов застыли младшие жрецы с огромными факелами в руках. Медленно, чуть-чуть задерживаясь на каждой ступени, похоронная процессия поднимается на пирамиду, окруженную со всех сторон толпами скорбящего народа.

Четверо самых стройных и красивых юношей-воинов несут на носилках тело Великого, облаченное в пурпурное одеяние и завернутое в огромное красное покрывало. На бронзовых телах юношей, сплошь украшенных татуировкой — свидетельство личной храбрости и отваги, — только белые набедренные повязки. Чуть поодаль два юноши несут подношения усопшему. Жрецы уже успели провозгласить Великого богом, новой святыней своего города. Жареная птица, маис, какао в глиняных горшках и тарелках, бесценные украшения из яшмы и огромная жемчужина должны радовать Великого во время длинного пути к Ицамна...

А еще ниже идут двадцать, по числу священной цифры, жрецов в белом — членов Высшего совета непререкаемых. Они ведут под руки раскрашенного лазурью юношу — его

сердце сообщит имя нового правителя священного Города белых камней.

Процессия на мгновение замирает на вершине пирамиды и исчезает в храме. И никто внизу не знает, что жрецы и юноши с телом Великого спускаются по тайной лестнице в склеп, построенный Великим для самого себя. Он вторично нарушил священные традиции своего народа, и никто не осмелился воспротивиться воле даже мертвого правителя. Жрецы укладывают его тело в саркофаг, в последний раз смотрят на лицо усопшего, покрытое маской из тонких пластин нефрита, и ловким одновременным ударом выбивают каменные подпорки, которые удерживали над саркофагом огромную плиту с изображением Великого. Могучая плита навеки закрывает от людей мертвого, но по-прежнему Великого правителя священного Города белых камней.

Через узкое треугольное отверстие юноши и жрецы покидают склеп и замуровывают вход каменной плитой. Она плотно входит в стену, и на ней остается лишь ясно очерченный контур треугольника...

На вершине пирамиды вновь появляются жрецы. Они сообщают народу, что Ицамна пожелал взять на небо тело дорогого его сердцу Великого. Толпа, уставшая от долгого и напряженного пребывания в ожидании чего-то неведомого, потрясена случившимся. Она начинает шуметь, но жрецы выводят из храма юношу-жертву и кидают его спиной на жертвенный камень, выкрашенный в голубой цвет. Костлявые руки жрецов сжимают мертвой хваткой руки и ноги юноши и тянут их вниз, к полу, отчего лазурная грудь вздымается вверх.

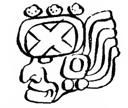
В лучах восходящего солнца молнией сверкает холодный обсидиан жертвенного ножа, и вот уже на самом краю Пирамиды воохов стоит зловещая окровавленная фигура жреца с высоко поднятой правой рукой, в которой еще бьется человеческое сердце.

Жрецы сбрасывают лазурное

тело, покрытое черными пятнами крови, и, пока оно неуклюже переваливается по крутым ступеням пирамиды, падая вниз, мощный голос жреца, словно вырвавшийся из преисподней, повторяет имя того, кто отныне стал Верховным жрецом и правителем священного Города белых камней, наследником Великого...

А на стене храма появляется надпись:

— 8 Ахав 8 Во *.

Храм надписей

(Продолжение)

...Треугольную плиту мексиканским археологам удалось извлечь из стены 15 июня 1952 года. То, что было обнаружено за ней, поразило весь ученый мир, занимающийся изучением древних американских культур. За треугольной плитой находилась огромная камера, вернее — склеп весьма внушительных размеров: 9 метров длиной, 4 — шириной и 7 — высотой. Стены склепа были украшены гипсовыми барельефами; девять богато разодетых фигур, по-видимому, символизировали Владык ночи — божества майя из подземных миров.

Внизу лежала гигантская плита (длина — 3,80 метра; ширина — 2,20; толщина — 0,25). В первый момент плиту приняли за украшенный резным орнаментом и рисунками пол, однако между плитой и стенками склепа оставалось сравнительно большое пространство — чуть меньше метра. Заглянув туда, археологи убедились, что перед ними не пол, а действительно плита, прикрывающая какое-то странное продолговатое сооружение: своей формой оно напоминало лежащий на полу кувшин с широким гор-

---

*** Иероглифическая надпись, обнаруженная в Паленке: 9. 13. 0. 0. 0. 8 Ахав 8 Во — по календарю майя соответствует 18 марта 692 года нашей эры.**

лышком, разрезанный вдоль и пополам. Больших трудов стоило поднять плиту. И вот тогда-то мексиканские ученые увидели самое главное: под плитой находился саркофаг, а на дне его лежал скелет крупного мужчины лет сорока-пятидесяти, покрытый драгоценностями из яшмы. Изнутри саркофаг был выкрашен красной краской.

Краска лежала также на костях и украшениях — по-видимому, умерший был завернут в красное покрывало, и, когда оно истлело, краска осела на сохранившиеся останки и украшения.

На умершем была диадема и множество других украшений из яшмы: серьги, несколько колье, нагрудный знак, браслеты, каждый из которых состоял из двухсот зерен, кольца на всех пальцах. В руках скелет «держал» четки.

Лицо умершего было покрыто мозаичной маской из нефрита, с глазами из раковин и зрачками из обсидиана.

В саркофаге и под ним находились многочисленные предметы обихода, несомненно оставленные для загробной жизни, несколько статуэток, в том числе из яшмы, и две великолепные человеческие головы из гипса. Без сомнения, они были где-то выломаны, прежде чем попали в склеп. По-видимому, покойный особенно любил именно эти две скульптуры, что свидетельствует о его весьма изысканном вкусе. Зная об этом, люди оказались настолько щедры к умершему, что сломали скульптуру и отдали ему гипсовые головы в вечное владение.

Теперь стала понятна последовательность когда-то разыгравшихся здесь событий: установив плиту и замуровав треугольным камнем вход в склеп, жрецы принесли в жертву несколько юношей, чтобы они сопровождали усопшего в его загробной жизни, а потом коридор и вся огромная лестница были наглухо засыпаны камнями и землей, чтобы никто не мог проникнуть туда. Однако умершего настолько высоко чтили (по крайней мере жрецы), что вдоль всей лестницы, от склепа до вершины пирамиды, была проложена тоненькая змейка из смеси извести, которая как

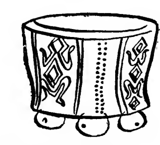

бы соединяла последний приют умершего — склеп и храм, давая тем самым возможность живым и мертвому поддерживать между собой постоянный «контакт».

Кем он был? Правителем древнего Паленке или жрецом? А может быть, и тем и другим, это бывало

в истории древних майя. Диего де Ланда писал, правда, что обычно при погребении жрецов вместе с их телом клали и книги. К сожалению, в саркофаге не оказалось рукописей майя, однако это еще не доказательство. Могли быть и исключения.

Но сохранились высеченные на камне иероглифические надписи как в самом Храме надписей, так и в склепе и на плите — крышке саркофага. К тому же на плите изображен персонаж, весьма похожий на реконструкцию маски из нефрита, покрывавшей лицо умершего, а на самом краю крышки выведены те же таинственные знаки...

Гибель японского адмирала

18 апреля 1943 года, 9 часов 30 минут утра...

После двух напряженных часов полета лейтенанту военно-воздушных сил США Лафьеру кабина его П-38 казалась невыносимо тесной.

9.35... Прошло еще пять мучительных минут. Наконец на горизонте появились туманные очертания земли. Судя по времени полета, это Бугенвиль — крупнейший из Соломоновых островов. Уже можно различить пологий конус вулкана со странно звучащим названием «Багана».

Самолет летит низко, почти касаясь крыльями плавно бегущих ему навстречу гигантских валов Тихого океана. Он не один, их шестнадцать американских истребителей. Они летят тремя группами, соблюдая четкий строй и полнейшую радиотишину.

9.37... Напряжение нарастает. Остров почти рядом, но где она, та «дичь», ради которой американские «охотники» поднялись ранним утром со своей базы на острове Гуадалканал? Специально для сегодняшней

встречи на базу срочно доставили подвесные баки для дополнительного запаса горючего — они почти вдвое увеличивают радиус действия П-38. Впрочем, даже с этими баками самолетам будет не так-то уж просто дотянуть назад, до Гуадалканала...

Два часа полета, два часа абсолютной тишины, если, конечно, не считать рева авиамоторов. Но кто услышит его в открытом океане? Другое дело — радиоголос самолета, однако передатчики всех шестнадцати П-38 молчат.

9 часов 40 минут... Как томительно медленно тянется время и как неудержимо быстро приближается земля, захваченная японскими солдатами! Неужели напрасно спешили сюда шестнадцать американских самолетов? Неужели встреча не состоится?

Но «дичь» оказалась на редкость точной и по-военному пунктуальной: ровно в 9.40 в поле зрения американских летчиков оказались два японских двухмоторных бомбардировщика и шесть истребителей сопровождения!

Японцы также заметили противника и бросились к острову. Его широкие песчаные пляжи казались для них единственным спасением. Теперь все решали не минуты и даже не секунды...

Лафьер поймал на прицел своего П-38 бомбардировщик цвета хаки, когда тот уже был над островом. Что за дьявольщина: в пулеметных башнях нет стрелков! Они пусты! Никто не помешает расстрелять эту беззащитную машину! Очередь! Еще одна, еще... Бомбардировщик прижимается почти вплотную к макушкам высоких деревьев. Кажется, что они кланяются ему, словно приглашая отдохнуть на зеленом ковре леса, с виду таком мягком, безобидном. Пули Лафьера рвут изящный сигарообразный фюзеляж; они ползут по крылу, подбираясь к правому мотору...

Взрывная волна подбросила машину Лафьера. Он видел, как запылал лес, принявший в свои смертельные объятия японский бомбардировщик.

Между тем лейтенант Барбер прорвался через заслон истребителей и пристроился в хвост ко второму

бомбардировщику, покрытому камуфляжными разводами. Японец стремительно приближался к широкой полосе прибрежного пляжа, но еще стремительнее бежала за ним по воде сплошная цепочка всплесков, пока, наконец, не настигла спасающийся бегством самолет...

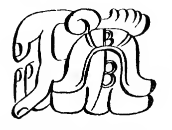
Ликующие П-38 взмыли высоко в небо.

Когда на острове Бугенвиль удалось погасить пожар, вызванный взорвавшимся над лесом бомбардировщиком, японские солдаты бережно извлекли из обломков самолета безжизненное тело, сжимавшее своими обуглившимися руками меч самурая. Через несколько дней тело вместе с мечом доставили в Токио.

Кем он был? Почему прямо из Вашингтона был послан приказ на маленький остров в юго-западной части Тихого океана, по которому в воздух поднялись шестнадцать боевых машин, чтобы попытаться любой ценой уничтожить этого человека?

По мнению многих буржуазных ученых-исследователей минувшей войны, погибший был «лучшим морским стратегом второй мировой войны», и, если бы не его гибель, неизвестно, как бы сложилась для англо-американских вооруженных сил гигантская морская битва с японцами на Тихом океане. Остается только назвать его имя: 18 апреля 1943 года у острова Бугенвиль погиб главнокомандующий императорским флотом Японии адмирал Ямамото.

Религиозные представления древних майя

Вселенная — йок каб (буквально: над землей) — представлялась древним майя в виде расположенных друг над другом миров. Прямо над землей находилось тринадцать небес, или тринадцать «небесных

слоев», а под землей скрывались девять «подземных миров», составлявших преисподнюю.

В центре земли возвышалось «Первоначальное дерево». По четырем углам, строго соответствовавшим странам света, росли четыре «мировых дерева». На Востоке — красное, символизирующее цвет утренней зари. На Севере — белое; быть может, в памяти людей сохранился когда-то виденный их предками, пришедшими с севера, белый цвет снега? Черное дерево — цвет ночи — стояло на Западе, а на Юге росло желтое — оно символизировало цвет солнца.

В прохладной тени «Первоначального дерева» — оно было зеленым — разместился рай. Сюда попадали души праведников, чтобы отдохнуть от непосильного труда на земле, от удушливого тропического зноя и насладиться обильной пищей, покоем и весельем.

Древние майя не сомневались, что земля была квадратной; в крайнем случае — прямоугольной. Небо же, словно крыша, покоилось на пяти подпорках — «небесных столбах», то есть на центральном «Первоначальном дереве» и на четырех «цветных деревьях», росших по краям земли. Майя как бы перенесли планировку своих древних общинных домов на окружавшую их видимую вселенную, смоделировав ее в своем сознании по образцу и подобию того, что в далекие времена было конкретной реальностью. По-видимому, и центральное «Первоначальное (мировое) дерево», бывшее в понятии майя началом всех начал, имело не менее реальную и вполне земную «модель» — центральный столб наиболее примитивных и древних жилищ с круглой планировкой.

Удивительнее всего то, что представление о тринадцати небесах возникло у древних майя также на материалистической основе. Оно явилось непосредственным результатом длительных и весьма тщательных наблюдений за небом и изучения в мельчайших, доступных невооруженному человеческому глазу подробностях движения небесных светил. Это позволило древнейшим астрономам майя, а скорее всего еще ольмекам в совершенстве усвоить характер переме-

щений Солнца, Луны и Венеры по обозримому небосклону. Майя, внимательно наблюдая за движением светил, не могли не заметить, что они перемещаются не вместе с остальными звездами, а каждое своим собственным путем. Как только это было установлено, естественнее всего было предположить, что у каждого светила имелось свое «небо» или «слой неба». Более того. Непрерывные наблюдения позволили уточнить и даже конкретизировать маршруты этих передвижений в течение одного годового пути, поскольку они действительно проходят через вполне определенные группы звезд. Звездные маршруты Солнца майя разделили на равные по времени их прохождения отрезки. Оказалось, что таких отрезков времени тринадцать *, и в каждом из них Солнце находилось примерно двадцать дней. Тринадцать двадцатидневных месяцев составили солнечный год. У майя он начинался с весеннего равноденствия, когда Солнце находилось в созвездии Овна.

При некоторой доле фантазии — а древние майя не страдали ее отсутствием — группы звезд, сквозь которые проходили маршруты, легко ассоциировались с реальными или мифическими животными (последнее значительно проще). Так родились боги — покровители месяцев в астрономическом календаре: «гремучая змея», «скорпион», «птица с головой зверя», «длинноносое чудовище» и другие. Любопытно, что, например, знакомое нам созвездие Близнецов соответствовало созвездию Черепахи у древних майя.

Если представления майя о небесном строении вселенной в целом нам сегодня ясны и не вызывают каких-либо особых сомнений, а календарь майя, поражающий своей почти абсолютной точностью, досконально изучен учеными, совсем иначе обстоит дело с их «подземными мирами». Мы не можем даже сказать, почему их было именно девять (а не восемь или десять). Известно лишь имя «владыки преисподней» —

* На древнем Востоке астрономы выделили 12 созвездий — знаков Зодиака.

Хун Ахав, но и само это имя пока еще имеет только предположительное толкование: «Бог планеты Венера»(?).

Теперь настало время ответить на вопрос, который, очевидно, уже возник у читателя:

— Что общего между гибелью японского адмирала и религиозными представлениями древних майя? Какая связь между памятными для всех нас событиями начала сороковых годов XX века и мировоззрением древнего народа, сложившимся еще в первые века (а может быть, и раньше) до нашей эры? Почему оказались рядом столь различные по своему характеру события и явления, разделенные к тому же по меньшей мере двумя тысячелетиями?

Оказывается, такая связь существует. Более того, она имеет весьма конкретный и вполне реальный характер.

Американские летчики смогли обнаружить, атаковать и уничтожить самолет, в котором находился японский адмирал, а современные ученые, исследователи древней цивилизации Американского континента получили возможность познать религиозные воззрения майя лишь благодаря тому, что как в первом, так и во втором случае имела место успешная дешифровка неизвестных текстов!

Что такое дешифровка

В самом деле: что такое дешифровка?

В строго научном понимании дешифровка означает отождествление знаков исследуемого письма (текста) со словами языка, записанного, как предполагается, при помощи этих знаков или их сочетаний, совокупность которых в разнообразных комбинациях и составляет изучаемое письмо.

Это, так сказать, гражданское понятие дешифров-

ки. Понятие военной дешифровки * возникает лишь постольку, поскольку появляются тексты, совершенно сознательно и преднамеренно облаченные в хитроумные, специально изобретенные системы необычных для языка знаков (чаще всего цифровых), которые должны воспрепятствовать — и в этом их единственная задача! — прочтению зашифрованного текста.

Преследуя абсолютно различные и несопоставимые цели, оба эти процесса умственной деятельности человека с точки зрения техники их осуществления необычайно близки и схожи, поскольку в обоих случаях решается одна и та же задача: отождествление неизвестных знаков текста со словами языка для последующего прочтения текста. Только поиск параллелей и аналогий, которые могут помочь изучению письма древних цивилизаций, вынуждает нас касаться вопросов, связанных с военной дешифровкой.

Но как и с чего начать дешифровку древних письмен?

Чтобы прочесть зашифрованную депешу, необходимо овладеть шифром, с помощью которого она составлена. История двух мировых войн знает примеры, когда слепой случай нежданно дарил то, чего не могли добыть лучшие разведчики мира, расплачивавшиеся своей жизнью за попытку достать секретный шифр. Кстати, именно случай ** помог американцам

* Используемое нами название «военная дешифровка» чисто условное; мы прибегаем к нему лишь для того, чтобы отличить его от интересующей нас проблемы дешифровки неизвестных исторических письмен, именуя эту последнюю гражданской; сразу оговоримся, что в задачу настоящей книги не входит исследование сложнейшего процесса межгосударственных отношений, внутри которого зародилась в том числе необходимость засекречивать определенные категории документов и в качестве контрмеры возникло то, что здесь называется военной дешифровкой.

** В мае 1940 года затонул японский корабль, который, согласно официальной версии, якобы вел промысел моржей вблизи Берингова пролива. Вскоре норвежский китобой подобрал труп его капитана (он держался на плаву благодаря спасательному кругу). В кармане «охотника» оказался сверхсекретный шифр японского флота. Норвежцы передали шифр первому американскому военному кораблю, повстречавшемуся им в океане.

еще до вступления в войну заполучить сверхсекретный японский шифр, и об инспекционной поездке адмирала Ямамото японцы сами сообщили по радио, конечно не предполагая, что их шифр кому-то известен.

Ну, а как быть с древними письменами? Существовали ли шифры, с помощью которых их можно прочитать? Представьте себе, такие «шифры» действительно существовали, и они даже дошли до нас. Это двуязычные записи одного и того же текста — так называемые билингвы. Они родились в процессе общения между разноязыкими государствами или народами как результат возникшей необходимости закрепить в памяти или зафиксировать некое событие (явление), знать или помнить которое должны были люди, говорившие на разных языках.

Долгие годы и даже столетия — изучением неизвестных письмен ученые занимаются более двух веков — практически единственным методом дешифровки было сопоставление текстов, написанных на неизвестных письменах, с текстами на известных письменах, оказавшимися на одном и том же камне, плите или доске, то есть благодаря билингве. Достаточно сказать, что именно так родилось выдающееся открытие Шампольона, благодаря которому была раскрыта тайна египетских иероглифов.

Сказать, что Шампольону повезло, было бы величайшей несправедливостью, ибо этот замечательный французский ученый отдал свою жизнь, всего себя изучению Древнего Египта. Его открытие — результат титанического труда, а не случайная улыбка судьбы. И все же Шампольону повезло, заслуженно, но повезло, коль скоро в его руках оказался камень с двуязычной записью — знаменитая «Розетская билингва».

Ну, а как быть, если билингвы-шифра нет? Да и надежен ли вообще метод сопоставления? Где гарантия того, что разноязычные тексты, высеченные, скажем, на одном камне или нарисованные кистью на одном листе папируса, идентичны? Ведь один и тот же смысловой сюжет можно изложить совершенно

непохожими фразами и разными словами даже на одном и том же языке.

В подтверждение давайте придумаем сами какую-либо «надгробную надпись» (как правило, именно такие надписи лучше всего сохраняются и чаще доходят до наших дней). Например, такую:

«Здесь покоится тело царя Ивана» — будет гласить она. Но этот же сюжет, или ситуацию, можно записать на надгробном памятнике, скажем, и так: «Прах усопшего правителя Ивана приняла эта земля».

Обе фразы даны на одном и том же языке, они передают одинаковое смысловое содержание, однако в первой из них пять слов, а во второй семь, и только одно — имя собственное «Иван» — повторяется. Отсюда легко сделать вывод, что знание остальных слов любой из «надписей» (если бы мы их умышленно зашифровали, скажем, китайскими иероглифами) может нам помочь понять содержание другой, но для установления точного текста этой другой «надписи», то есть для нахождения словесных эквивалентов изображенных в ней знаков, фактически ничего не дает.

А какие «подводные камни» могут еще поджидать дешифровщика в двуязычной надписи, если системы письма принципиально отличны друг от друга?

Следовательно, билингва, поиски которой сами по себе составляют великую трудность, а иногда заведомо бесперспективны (например, на острове Пасхи или среди памятников письменности древней Америки), как и полученные любым другим путем сведения о содержании надписи, текста или целой рукописи, должны быть отнесены лишь к категории косвенных данных.

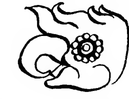
Они могут помочь в дешифровке неизвестных письмен. Но обладание билингвой отнюдь не означает, что исследователь получил все необходимые для дешифровки данные, то есть шифр. До недавнего времени работа по дешифровке исторических систем письма как в СССР, так и за рубежом, велась на основе именно таких косвенных данных. Но этот метод

не давал возможности и даже в некотором смысле препятствовал изучению древних текстов, о которых подобные данные отсутствовали.

Казалось, что перед учеными-дешифровщиками встали непреодолимые трудности.

Как же быть? Что делать исследователям, если нет двуязычных надписей? Вообще отказаться от идеи дешифровки древних письмен, техника написания которых была утрачена вместе с исчезновением породивших их цивилизаций?..

Нет, с этим нельзя было согласиться. Ведь достаточно вспомнить, что именно дешифровка древних письмен открыла для человечества малоизвестные и вовсе неизвестные цивилизации, например шумерскую! Отказываться от дешифровки нельзя. Но что тогда делать?..

Поиск начинается

Рукопись лежит на столе. И вы опять, уже в который раз, начинаете перелистывать ее страницы. Снова и снова возникает вопрос: что делать? Как и с чего начать? Каков тот первый вопрос, который следует поставить перед собой дешифровщику?

И вдруг приходит ответ. Он неожиданно прост: нужно определить систему письма. Прежде всего разобраться и решить, какова зависимость между знаками, таинственно смотрящими со страниц рукописи, в чем сущность этой зависимости и чем могут быть сами знаки?

Например, вот этот похожий на скелет

или этот — он как будто бы напоминает

лицо? — здесь словно кто-то веревку свернул, а там чешуя рыбы или кусок циновки? А вот снова, правда, несколько иначе «свернутая веревка» — это что-то непонятное: какая-то ракушка или другая морская живность?

Знаки не всегда стоят в одиночку; они то сбиваются в кучу, то вытягиваются цепочкой, то налезают друг на друга в виде «башенки» в два-три этажа.

Давайте последим за одним каким-нибудь знаком, например вот этим Договоримся условно называть его «скелетом», поскольку он несколько напоминает именно скелет, а точнее, позвоночник с ребрами. Знак относительно прост, легко запоминается, и это поможет нам выделять его среди других. Теперь перелистаем Дрезденскую рукопись.

«Скелет» впервые появляется на странице 7*; справа к нему «приклеилось» уже знакомое нам «морское чудовище», которое мы будем условно называть «рыбой» Листаем дальше рукопись. В этом же сочетании («скелет» + «рыба») оба знака изображены также на страницах 13, 17, 21 и 68,

* Нумерация страниц рукописи майя дается по Ю. В. Кнорозову.

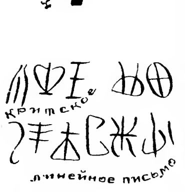
что свидетельствует о несомненной устойчивости такого сочетания! На странице 17 есть и другая комбинация знаков: к «скелету» присоединен новый знак — , но он уже стоит не сзади, а впереди; эти знаки также повторяются, правда, только на двух еще страницах (59 и 73). На страницах 24, 26, 32 и 37 «скелету» явно не повезло: его «оседлали» целых два знака — . В разных комбинациях-сочетаниях знак изображен также на страницах 41, 45 и 69.

Что скрывается за всем этим? Что вообще могут обозначать знаки? Обозначают ли они звук, или слог, или корень слова? Может быть, целое слово? А вдруг одни знаки — это буквы, другие — слова, а третьи — корни?

Известно, что система письма может быть не только определенной, то есть состоящей из однородных единиц, но и смешанной. Знаки могут даже не соответствовать единицам языка, а быть условными символами понятий, и тогда прощай дешифровка! Ведь символы можно лишь интерпретировать, а не дешифровать, и перед нами не письмо, а так называемая пиктография.

Сейчас определение системы письма кажется неопровержимо логичным началом дешифровки любого неизвестного текста, но для того, чтобы прийти к столь несложному выводу, требовались многие месяцы и даже годы упорного труда, изучения сотен научных работ, освоения основных типов записи языка, известных человечеству, и овладение этими языками.

Но как определить систему письма? Что может стать той единицей (и единицей чего?), которая позволила бы сопоставить и отличить одну систему от другой? Изображение знака? Нет, это не подходит, ведь даже знаки-буквы одного алфавита бывают не похожи на знаки-буквы другого, родственного, хотя они передают одну и ту же гласную или согласную. Тут и за примерами далеко ходить не надо: русское «У» на испанском выглядит как русское «И», а русское «И» можно написать почти как «У». Еще меньше сходства у согласных: «Ч» — «CH»; «П» — «P»; «Р» — «R». А с иероглифами дело обстоит куда сложнее, ибо они обязаны учитывать особенности своего языка.

Как же быть? Где и какова та единица, которая... Позвольте, «единица», да, «единица», но как цифра, как число — вот он ответ! Ибо знаки повторяются («скелет» повторился 16 раз только в одной рукописи!), и в этом повторении должна быть определенная закономерность, ну хотя бы частота повторяемости. А сколько вообще-то этих самых знаков? Сколько их? Это необходимо выяснить, установить с абсолютной точностью, и только тогда появится возможность «облачить» в числа языковые знаки и определить закономерности языка.

Так родилась блестящая идея, значение которой не сразу можно было оценить!..

Сотни, тысячу раз перелистывает Юрий Кнорозов страницы рукописей майя. Их тщательный анализ, бесконечные проверки и перепроверки показали, что в письме встречается около 300 знаков.

Начались новые размышления, теперь уже с применением выявленных «числовых показателей».

Если бы тексты были «рисуночным письмом», то есть пиктографией, где знаки передают не звуковую речь, а лишь общие понятия и ситуации, которые могут быть выражены разными, но сходными по смыслу фразами на любом языке (вспомните наши «надгробные надписи»), то, естественно, количество знаков должно было бы быть неизмеримо больше, ибо каждая новая ситуация требовала бы нового знака. В «рисуночном письме» из каждых 100 знаков, как показывает подсчет, 75 — новые, не встречавшиеся ранее. К тому же прирост знаков постоянен: он не зависит от того, возьмем ли мы первую или десятую сотню знаков; рассмотрим ли мы текст с начала, с середины или вообще с конца.

Иными словами, имеющиеся в нашем распоряжении 300 знаков в «рисуночном письме» дали бы текст

общей протяженностью примерно в 400 знаков, а чтобы заполнить пиктограммами три исследуемые рукописи майя, понадобилось бы несколько тысяч, а может, и десятков тысяч знаков. Рукописи же майя дают совсем иную картину: знаков только 300!

Тогда предположим, что знаки майя передают только звуки. Кстати, такое предположение было распространено среди некоторых исследователей, да и сам Ланда дает своему списку знаков название «алфавита». Однако и это предположение отвергает математический анализ; число звуков в любом языке мира не превышает 80, а в среднем оно равно 30—40, то есть в 5—10 раз меньше, чем было бы в текстах майя, если бы каждый из 300 знаков передавал звук.

Слишком много знаков в рукописях майя и для письма, в котором каждый знак передает отдельный слог. Обычно слоговые системы письма обходятся 40—50 знаками, как, например, японские системы «катакана» и «хирагана», индийская «деванагари» или древнее кипрское письмо; как правило, число слогов не превышает 100—150. Трудно, да и нет оснований поверить, что майя могли позволить себе подобное «слоговое излишество».

Тогда, может быть, майя пользовались морфемным письмом, в котором каждый знак соответствует корню слова или грамматической частице? Но такое письмо согласно подсчетам не может обойтись без 1000—1500 морфем, а у майя только 300 знаков. Значит, и морфемное письмо отпадает.

Сделаем еще одно предположение, правда заранее считая его невероятным: может быть, знаки рукописи майя передают целые слова, сочетания слов или даже фразы? Но тогда жрецам понадобилось бы не 300 знаков, а по крайней мере 3 тысячи или, вернее, три десятка тысяч различных знаков только для трех известных рукописей.

Итак, ни пиктограммы, ни звуки, ни слоги, ни морфемы, ни слова... Но тогда что же, что передают знаки майя?

И Юрий Кнорозов делает единственно правильный вывод, который вытекает из разработанной им самим

системы. Ответ может быть только один: система письма индейцев майя — смешанная. Часть знаков должна передавать морфемы, а часть — звуки и слоги. Такую систему письма принято называть иероглифической. Ею пользовались древние египтяне и жители Месопотамии, ею пользуются и поныне на Дальнем Востоке.

Иероглифическое письмо, как и всякое письмо, имеет свои количественные показатели, и они полностью совпадают с показателями письма майя. То, что в 1881 году Леон де Рони только предположил, а именно, что майя пользовались иероглификой, сходной с иероглификой Старого Света, Юрий Валентинович Кнорозов научно доказал. То, что раньше было лишь аналогией, теперь стало неоспоримым фактом, доказанным точными числами.

Так были сделаны первые шаги по новому пути дешифровки. Он открывал интересные многообещающие перспективы...

Урок математики

(По древним майя)

Дешифровка цифровых знаков майя не составила большого труда для ученых. Причиной тому — поразительная простота и доведенная до совершенства логичность системы их счета. Можно лишь без конца изумляться великой мудрости народа, сумевшего практически в одиночку подняться на недоступные вершины абстрактного математического мышления, одновременно приспособив его к своим конкретно-практическим земным нуждам. Чванливая Европа еще считала по пальцам, когда математики древних майя ввели понятие нуля и оперировали бесконечно большими величинами. Разве это не удивительно?..

Древние майя пользовались двадцатеричной системой счисления, или счета. Почему именно число 20 наряду с единицей стало основой их счета, сейчас

невозможно установить с достаточной достоверностью. Но на помощь приходит простая логика. Она подсказывает, что скорее всего сам человек был для древних майя той идеальной математической моделью, которую они и взяли за единицу счета. Действительно, что может быть естественней и проще, коль скоро сама природа «расчленила» эту единицу «счета» на 20 единиц второго порядка по числу пальцев на руках и ногах. Тут и выдумывать ничего не нужно, ибо ты сам являешь собою превосходную и к тому же уже решенную арифметическую задачу!

Между прочим, подтверждение именно такому объяснению возникновения двадцатеричной системы счета мы находим в этимологической связи слова «виналь» — так на языке майя назывался двадцатидневный месяц — со словами «двадцать» и «человек». По-видимому, говоря «один человек», древние майя механически представляли себе число «20», если, конечно, в это время речь шла о каких-то количественных единицах.

Известно, что европейцы, как, впрочем, и подавляющее большинство народов мира, пользуются сейчас так называемой арабской цифровой системой, созданной в Индии лишь в конце первой половины прошлого тысячелетия (V век). В соответствии с этой системой — ради справедливости ее следовало бы называть индийской — мы расставляем цифровые знаки горизонтально — строчечным способом, применяя «позиционный принцип» — одно из замечательных достижений человеческого разума. Это значит, что цифры стоят друг за другом в строгом порядке, справа налево от первой позиции или первого порядка к последующим, а именно: единицы, десятки, сотни, тысячи и т. д.

Древние майя также пришли к использованию позиционного принципа. В отличие от нас, европейцев, им не у кого было заимствовать это принцип, и тогда они сами додумались до него, причем почти на целое тысячелетие (!) раньше Старого Света. Однако запись цифровых знаков, образующих число, они стали вести не горизонтально, а вертикально, снизу вверх,

как бы возводя некую этажерку из цифр. Поскольку счет был двадцатеричным, то каждое начальное число следующей верхней позиции, или порядка, было в двадцать раз больше своего соседа с нижней полки «этажерки майя» (если бы майя пользовались десятеричной системой, то число было бы больше не в двадцать, а только в десять раз). На первой полке стояли единицы, на второй — двадцатки и т. д.

Майя записывали свои цифровые значи в виде точек и тире, причем точка всегда означала единицы данного порядка, а тире — пятерки *. Цифровые знаки древних майя смотрите на 72-й странице.

В приведенной таблице не хватает двадцатой цифры. Но это не 20, ибо у майя 20, так же как у нас 10, было уже не цифрой, а составным двузначным числом. Двадцатой цифрой счета древних майя был «нуль», и изображался он в виде стилизованной раковины:

В двадцатеричной системе, знающей понятие нуля, первым двузначным числом могло быть только число 20. Так оно и было. Но как изобразить его? И майя решают эту задачу необычайно просто: над раковиной-нулем они рисуют точку, то есть первую цифру своего счета. Новый знак — он изображался так:

— обозначал первоначальную единицу счета второй позиции или второй полки многозначного числа (многополочной этажерки).

---

* Особый знак для пятерки послужил основанием для зачисления системы счета древних майя в так называемую пятерично-двадцатеричную, однако вряд ли можно согласиться с этим, поскольку пятерки-тире лишь упрощали написание цифровых знаков, не внося каких-либо принципиальных изменений в двадцатеричную систему счета.

1 =

2 =

3 =

4 =

5 =

6 =

7 =

8 =

9 =

10 =

11 =

12 =

13 =

14 =

15 =

16 =

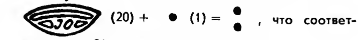
17 =

18 =

19 =

Однако на этом похождения раковины-нуля не кончались. Раковина все же стала появляться и без точки, располагаясь на разных полках цифровой этажерки майя. Это означало, что настоящее число было образовано без участия единиц той полки, на которой в данном случае находилась раковина. Она говорила, что единиц этой полки (на которой она расположилась) попросту нет, как нет, например, десятков, сотен или тысяч в числе, записанном арабскими цифрами, если на отведенном для них месте стоят нули.

Но коль скоро в числе наличествовала хотя бы одна-единственная единица любой из полок, довольно сложный рисунок раковины-нуля сразу же исчезал с нее. Покажем это условно на простейшем примере:

ствует числу 21 в нашем представлении.

Действительно, если нижняя точка находится на нижней полке, то это обозначает наличие одной единицы первой позиции, или, попросту говоря, «единицу», но уже не как абстрактный цифровой знак, а как конкретное число. Верхняя же полка указывает на наличие одной единицы второго порядка, каковой является двадцатка в двадцатеричной системе. Следовательно, перед нами двузначное число 21, образованное в полном соответствии со строгими законами позиционного принципа, но только расположенное не горизонтально, как мы привыкли, а вертикально. Проверим свой вывод простейшим арифметическим действием — сложением:

1 «единица» + 1 «двадцатка» = 21.

Чтобы окончательно усвоить урок математики майя, рассмотрим написание нескольких двузначных чисел майя; они наглядно продемонстрируют технику применения ими позиционного принципа, условно названного нами «числовой этажеркой майя»:

•   = 20
    + = 21;
•   = 1

•   = 20
    + = 22;
• •   = 2

• •   = 40
    + = 41;
•   = 1

• •   = 40
    + = 45;
▬   = 5

• • •   = 60
    + = 61;
•   = 1

• • • •   = 80
    + = 84;
• • • •   = 4

▬   = 100
    + = 101;
•   = 1

•
▬   = 120
    + = 126;
•
▬   = 6

• •
▬
▬   = 240
    + = 256;
•
▬
▬
▬   = 16

• •
▬
▬
▬   = 340
    + = 359...
• • • •
▬
▬
▬   = 19

Здесь было бы вполне естественно написать «и так далее», однако это самое «и так далее» как раз и не получается...

В двадцатеричной системе счета древних майя есть исключение: стоит прибавить к числу «359» только одну-единственную единицу первого порядка, как это исключение немедленно вступает в силу. Суть его сводится к следующему: число 360 является начальным числом третьего порядка (!), и его место уже не на второй, а на третьей полке.

Но тогда выходит, что начальное число третьего порядка больше начального числа второго не в двадцать раз ($20 \times 20 = 400$, а не 360!), а только в восемнадцать! Значит принцип двадцатеричности нарушен! Все верно. Дело обстоит именно так. Это и есть исключение.

Но чем оно вызвано? — естественно возникает вопрос. А вызвано оно — что самое удивительное — соображениями сугубо практического характера, и можно лишь в который раз изумляться и восхищаться поразительной мудрости, невероятному рационализму этого народа, создателя великой цивилизации.

Оказывается, майя не побоялись нарушить строгий, четкий строй двадцатеричной системы, чтобы приспособить абстрактное построение чисел к своим конкретным нуждам. И сделали это столь же просто, сколь гениально. Математические расчеты с применением многозначных чисел у майя были в основном связаны с астрономическими вычислениями, которые лежали в основе календаря. Чтобы упростить их, они максимально приблизили первоначальное число третьего порядка к числу... дней своего года. Ведь в восемнадцати двадцатидневных месяцах, составляющих календарный год майя, число дней как раз и будет равно 360!

Так, начав с конкретного (один человек — двадцать пальцев), древние майя поднялись на вершину абстрактного мышления, создав двадцатеричную систему счета. Однако, обнаружив известные неудобства в абстрактном, они решительно приспособили его к своим практическим нуждам!

При образовании чисел четвертой и всех последующих полок-позиций «этажерки майя» принцип двадцатеричности вновь восстанавливается: первоначальное число четвертого порядка — 7200 (360 × 20); пятого — 144 000 (7200 × 20) и так до бесконечно больших величин. Интересно отметить, что майя были знакомы с ними не только теоретически. Вспомним хотя бы стелу из священного города Копана, на которой жрецы записали начальную, правда мифическую, дату летосчисления майя — 5 041 738 год до нашей эры!

Календарь древних майя

Итак, число «1968» древние майя записали бы следующим образом:

Значит ли это, что с помощью такой «цифровой этажерки» майя можно изобразить, вернее — передать, не только абстрактное число «1968», но и календарную дату, то есть 1968 год?

Оказывается, нет. Конечно, цифры и цифровые знаки, так же как и счет, лежали в основе календаря майя, о поразительной, почти абсолютной точности которого мы уже не раз говорили. Однако сам календарь древних майя являл собою исключительно сложную систему, состоявшую из математических знаков и смысловых понятий. При этом цифры и слова-иероглифы играли в календаре и летосчислении майя одинаково важную роль.

Календарь древних майя привлекал и сейчас продолжает привлекать самое пристальное и серьезное

внимание исследователей, изучающих эту выдающуюся цивилизацию. Многие из них надеялись именно в календаре найти ответы на бесчисленное множество неясных вопросов из таинственного прошлого майя. И хотя сам по себе календарь не мог, вполне естественно, удовлетворить большинство интересов ученых, он все же многое поведал о тех, кто создал его два тысячелетия назад. Достаточно сказать, что именно благодаря изучению календаря сегодня мы знаем двадцатеричную систему счета майя, форму написания цифр, их невероятные достижения в области математики и астрономии.

Именно поэтому ни один рассказ о древних майя не может пройти мимо их календаря. Давайте и мы попытаемся если не усвоить, то по крайней мере разобраться в системе летосчисления и календаря майя.

Что лежало в основе календаря древних майя? Прежде всего тринадцатидневная неделя. Дни недели записывались цифровыми знаками от ● (1) до ●●● ═ (13). Вторым и третьим слагаемыми календарной даты были название дня двадцатидневного месяца — виналя, а также его порядковый номер внутри самого месяца. Счет дням месяца велся от нуля до девятнадцати ●●●● ≡, причем первый день считался нулевым, второй обозначался единицей ● , третий — двойкой и так до знака девятнадцать ●●●● ≡ . Наконец, в дату обязательно входило также название месяца (их было восемнадцать), каждый из которых имел свое собственное имя.

Таким образом, дата состояла из четырех компонентов — слагаемых:

число тринадцатидневной недели,
название и порядковый номер дня двадцатидневного месяца,
название (имя) месяца.

В записи, озвученной на русский язык и транскрибированной буквами нашего алфавита и арабскими цифрами, дата из календаря майя выглядела бы, например, так:

«4 Ахав 8 Кумху».

Поясним, что это означает: в данном случае имеется в виду четвертый день тринадцатидневной недели, одновременно являющийся днем «Ахав», порядковый номер которого внутри двадцатидневного месяца восьмой; сам же месяц называется «Кумху».

Известно, что любая дата современного григорианского календаря, которым в настоящее время пользуется подавляющее большинство населения земного шара, повторяется ровно через год, например «1 декабря», «10 января», «16 апреля» и т. д. Исключение составляет только «29 февраля» — оно повторяется лишь каждое четырехлетие, то есть в високосный год. Однако если мы возьмем григорианскую дату в ее полном виде, включающем не только название месяца и порядковый номер (число) дня, но и название дня недели, на который он приходится («понедельник», «вторник», «среда» и т. д.), такая дата, как показывает математический подсчет, повторится во всех этих трех компонентах уже не через год, а через пять либо шесть лет (если не было бы високосного года, то всегда через семь лет).

Но в григорианском календаре название дня недели практически не играет сколько-нибудь существенной роли. В самом деле, если известно, что такое-то историческое событие имело место, например, 1 января, то для определения времени, прошедшего с этого дня, нужно знать не название совпадавшего с ним дня недели, а год от начала (или до начала) новой эры.

Календарная дата «1 января 1111 года» есть абсолютная историческая дата, и только тот, кто страдает мистикой и подвержен суеверию, может заинтересоваться, не был ли этот день, скажем, понедельником или пятницей. Конечно, при нужде можно путем несложного расчета установить и эту подробность, однако, повторяем, она ничего существенного не прибавит к нашим знаниям.

Совершенно иначе обстоит дело с датировкой дней по календарю майя. Присутствие в дате каждого из четырех слагаемых компонентов абсолютно обязательно. Если одно из них отсутствует, отсутствует и сама дата. Все дело в том, что «4 Ахав 8 Кумху», как и любая другая дата, в календаре майя может повториться только через... 52 года! Иными словами, в течение 52 лет только один день будет называться «4 Ахав 8 Кумху», только один-единственный раз четвертый день тринадцатидневной недели совпадает с восьмым днем, одновременно именуемым также «Ахав», двадцатидневного месяца «Кумху».

В этом и заключается основная особенность датировки у древних майя. Более того, именно она стала основой их календаря и летосчисления, обретя форму вначале математического, а позднее и мистического пятидесятидвухлетнего цикла, который принято также называть Календарным кругом.

То, что любая дата календаря майя может повториться только через 52 года, подтверждает следующий математический расчет:

число тринадцатидневной недели совпадает с названием дня двадцатидневного месяца только через 260 дней ($13 \times 20 = 260$). Название дня соответствует своему первоначальному порядковому номеру в течение одного года, ибо майя добавляли к 360 дням года, образуемым восемнадцатью месяцами ($20 \times 18 = 360$), пять дополнительных дней. Этим путем они получали 365-дневный год, то есть подгоняли длину своего календарного к длине хорошо известного им астрономического года. В результате ежегодно происходило смещение названий дней (на 5), и только через четыре года, когда из дополнительных

дней образовывался целый дополнительный месяц ($5 \times 4 = 20$), восстанавливалось первоначальное соответствие между названиями и порядковыми номерами дней месяца.

Итак, название и порядковый номер дня месяца совпали через четыре года, а между тем дни тринадцатидневной недели продолжали свой самостоятельный отсчет. И тогда четырехлетний цикл сам пускается в погоню за первым днем недели. Простой математический расчет показывает, что это произойдет лишь по прошествии тринадцати четырехлетних циклов, то есть через 52 года ($4 \times 13 = 52$) или 18 980 дней, что, как говорится, и требовалось доказать!

Произведенные подсчеты выявили некоторые закономерности Календарного круга. Они показали, что в календаре майя были три основных

цикла, или периода, полного обращения, которые совершали главные слагаемые календарной даты:

«Двухсотшестидесятидневный цикл» — совпадают название дня и число тринадцатидневной недели;
«Четырехлетний цикл» — совпадают название и порядковый номер дня двадцатидневного месяца!
«Пятидесятидвухлетний цикл» — совпадают все четыре компонента.

К сожалению, не сохранилось достаточно достоверных данных о происхождении как компонентов — слагаемых календарной даты, так и перечисленных

циклов. Нет сомнений, что некоторые из них первоначально зародились из чисто абстрактных математических понятий, например «виналь» — двадцатидневный месяц — по числу единиц первого порядка двадцатеричной системы счета майя. Возможно, что и число тринадцать — количество дней в неделе — также появилось в чисто математических расчетах, скорее всего связанных с астрономическими наблюдениями, и лишь потом оно обрело мистический характер — тринадцать небес мироздания. Жрецы, заинтересованные в монопольном владении тайнами календаря, постепенно обряжали его во все более сложные мистические одеяния, недоступные разуму простых смертных, и в конечном итоге именно эти «одеяния» стали играть главенствующую роль в самом календаре. И если из-под религиозных одеяний — названий двадцатидневных месяцев можно отчетливо увидеть рациональное начало деления года на одинаковые по времени отрезки — месяцы, названия дней скорее свидетельствуют о своем чисто культовом происхождении. Но об этом несколько позднее.

Интересное объяснение дает Кнорозов возможному происхождению четырехлетнего цикла. Как говорилось выше, подсечно-огневой способ ведения сельского хозяйства быстро истощал возделываемые земли. Уже через несколько лет в связи с резким падением урожайности появлялась необходимость выжигания новых участков дикорастущей сельвы под посевы кукурузы. По-видимому, такая необходимость

возникала уже на третий-четвертый год после начала культивации участка.

В тридцатых годах нашего столетия на Юкатане был проведен специальный эксперимент, который, как нам кажется, весьма убедительно подтвердил такое предположение. С 1933 по 1940 год на выжженном участке сельвы, как это делали древние майя, ежегодно засевалась кукуруза. Средняя урожайность с гектара последовательно по годам оказалась следующей (в килограммах): 805, 692, 407, 170(!), 850, 373, 522 и 6 килограммов (в последний, 1940 год). Первые четыре года поля обрабатывались с помощью мачете — длинного стального ножа с широким лезвием, которым и сейчас пользуются крестьяне майя во время сельскохозяйственных работ. Начиная с пятого года обработка полей велась вручную (стебли и сорняки вырывались с корнями) — предполагается, что древние майя именно так возделывали свои поля. В первое четырехлетие урожай упал с 805 до 170 килограммов, то есть почти в

5 раз. Старый способ культивации земли вначале повысил урожайность участка, однако затем она снизилась более чем наполовину. На третий год урожайность несколько возросла, а на четвертый (восьмой) из-за нашествия саранчи свелась почти к нулю.

В оба четырехлетних периода первый год оказался наиболее урожайным; в последующие годы наблюдалась явная тенденция к снижению количества собираемого зерна. Вполне естественно, что майя не могли не обратить внимания на подобное явление.

Уже к третьему году у них возникала необходимость позаботиться о новых участках под посевы. Вот тут-то логичнее всего предположить, что на поиски новых пригодных для посевов участков и последующие работы по выжиганию буйных зарослей сельвы — труд тяжелый, связанный с уходом из поселений иногда на многие месяцы, — шли люди, объединенные наиболее близким кровным родством. Они как бы брали в свои руки эстафету заботы о всем племени, а заодно им доставалась и племенная власть.

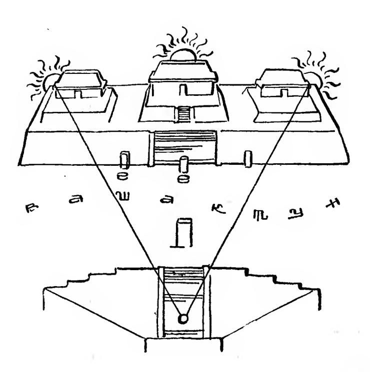
Захват власти давал огромные преимущества. Институт смены правления наряду с потребностями земледелия был мощным толчком к развитию календаря, так как возможность продлить или сократить хотя бы на небольшой срок полномочия была далеко не безразлична при борьбе за власть.

Таким образом, календарь майя уже в процессе зарождения не был лишен также и элементов общественно-политического характера. Между тем институт смены власти по родам, свойственный самой ранней стадии формирования у майя классового общества, постепенно отмирал. Однако четырехлетний цикл, как основа календаря, сохранялся в неприкосновенности, ибо он продолжал играть важную роль в их экономической жизни. Жрецы сумели выхолостить из него демократические начала и целиком поставить на службу своей религии, теперь уже охранявшей «божественную» власть всемогущих правителей, ставшую в конце концов наследственной.

Вернемся к календарю. К моменту прихода испанцев на Юкатан, как засвидетельствовали составители

хроник конкисты Нового Света, календарный год майя начинался с 13 ноября. Между тем тщательный анализ самого календаря, сопоставление наиболее древних и сравнительно новых названий месяцев со всей очевидностью убеждают, что календарный год майя не мог начинаться с 13 ноября. Это была ошибка, результат небрежности жрецов, следивших больше за обрядами, чем за самим календарем.

Год майя прежде начинался с 23 декабря, то есть в день зимнего солнцестояния, хорошо известный их астрономам. Чтобы убедиться в точности астрономических расчетов майя, достаточно взглянуть на схему — план сооружений Вашактуна, служивших великолепной обсерваторией.

То, что начало календаря «сползло» на сорок с лишним дней, подтверждают также названия месяцев. Они довольно ясно (хотя и не всегда) намекают на те конкретные сельскохозяйственные работы, которые следовало проводить в каждый двадцатидневный отрезок времени года.

Вот как назывались месяцы календаря майя:

ЙАШ-К'ИН	**«Новое солнце»** — после зимнего солнцестояния солнце как бы заново рождается	23.XII=11.I (по григорианскому календарю)
МОЛЬ	**«Сбор»** — по-видимому, уборка кукурузы	12.I=31.I
ЧЕН	**«Колодец»** — наступает период засухи, возникает проблема воды и колодца (?)	1.II=20.II
ЯШ	**«Новый»** — время подготовки к новым посевам	21.II=12.III
САК	**«Белый»** — на поле сухие, побелевшие стебли от старого урожая кукурузы (?)	13.III=1.IV
КЕХ	**«Олень»** — начинается сезон охоты	2.IV=21.IV
МАК	**«Накрывание»** — пора «накрывать», или тушить огонь на новых участках, отвоевываемых у леса (?)	22.IV=11.V
К'АНК'ИН	**«Желтое солнце»** — таким оно казалось сквозь дым лесных пожарищ (?)	12.V=31.V
МУАН	**«Облачный»** — небо покрыто облаками; наступил сезон дождей	1.VI=20.VI
ПАШ	**«Барабан»** — нужно отгонять птиц от созревающих початков кукурузы	21.VI=10.VII
К'АЙЯБ	**«Большой дождь»** (?) — название не совсем понятное: начинается уборка зерен кукурузы и, по-видимому, могут ожидаться дожди	11.VII=30.VII
КУМХУ	**«Шум грозы»** — разгар сезона дождей	31.VII=19.VIII
ПОП	**«Циновка»** — являлась символом власти, поэтому значение не вполне ясное; древнее название-иероглиф	20.VIII=8.IX

	Кнорозов переводит как «месяц рубки деревьев» — «Ч'акаан», что совпадает с сельскохозяйственными работами. Возможно, что «циновка» как символ власти с началом работ на новом участке когда-то переходила к новому роду (?)	
ВО	**«Лягушка»** — идут по-прежнему дожди (?); иероглиф из древнего календаря Кнорозов расшифровывает как «месяц сгибания початков кукурузы» — «Эк-ча» — «Черный удваивается» (буквально). В этот период початки темнели и действительно их сгибали — «удваивали»	9.IX = 28.IX
СИП	**Имя бога охоты** — праздник и начало охоты, однако древний календарь дает другое толкование этому месяцу: сгибание початков поздней кукурузы	29.IX = 18.X
СОЦ	**«Летучая мышь»** — здесь также смысловое расхождение с древним календарем, по которому «социл» — «зима», «короткие дни»	19.X = 7.XI
ЦЕК	Точного толкования иероглифа нет, однако «сеек» на майя означает «собирать по зернышку»	8.XI = 27.XI
ШУЛЬ	**«Конец»** — то есть до 23.XII — зимнего солнцестояния осталось пять дополнительных дней по календарю майя	28.XI = 17.XII

Названия месяцев, особенно из древнего календаря, со всей очевидностью показывают их смысловой и рациональный заряд. Они помогали четкому и своевременному проведению необходимых сельскохозяйственных работ во время каждого из месяцев — двадцатидневного трудового периода земледельца-майя.

Названия дней месяца не содержали подобной рациональной нагрузки. Они плод жреческой фантазии: **Имиш** — «мировое дерево» (?); **Ик'** — «ветер», «дух»; **Ак'баль** — «ночь», «тьма» (?); **К'ан** — «самка игуаны»; **Чикчан** — «большая змея» (?); **Кими** — «смерть»; **Маник'** — непонятное слово; **Ламат** — непонятно; воз-

можно, «блестеть» (?); **Мулук** — непонятное слово (муль — погружаться в воду); **Ок** — знак изображает уши животного (?); **Чуэн** — «мастер», «ремесленник» (?); **Эб** — «мелкий дождь» (?); **Бен** — непонятное слово (близко к «хижина»); **Иш** — на одном из диалектов — «ягуар»; **Мен** — возможно, «строит» (?); **Киб** — «воск»; **Кабан** — «землетрясение»; **Эсанаб** — «наконечник копья» (?); **Кавак** — «буря», «дождь»; **«Ахав»** — «владыка».

Майя, например, считали, что рожденные в день **Ишим** будут распутными и дурными людьми; в день **Ик'** — непостоянными; в день **Ак'баль** — бедными; в день **К'ан** — мудрыми, а в день **Кими** на свет появляются убийцы...

Наше знакомство с календарем началось с даты «4 Ахав 8 Кумху». В Календарном круге это абсолют-

ная дата. Но циклов из 52 лет может быть бесчисленное множество, и, следовательно, дата «4 Ахав 8 Кумху» превращается из абсолютной в относительную. Такая дата мало что дает для точной датировки, например, исторических событий.

Древние майя прекрасно разбирались в этом. Поэтому они создали также абсолютную датировку, в основу которой была положена мифическая начальная дата. От нее-то и велось летосчисление путем простого отсчета количества прошедших дней. Чтобы найти соответствие между летосчислением древних майя и тем, которым пользуются сейчас, нужно только точно установить хотя бы одну общую для обоих летосчислений дату, достоверность совпадения которой не вызывало бы сомнений. Например, какого «числа» по календарю майя было солнечное или лунное затмение, дата которого известна по григорианскому календарю. Можно найти и более простые примеры: когда по календарю майя на Юкатане появились первые испанцы? Таких совпадающих дат оказалось вполне достаточно, и современные ученые смогли с абсолютной точностью высчитать и установить тот самый мифический начальный год, с которого майя вели свое летосчисление: им оказался 3113 год до нашей эры (между прочим, и мы пользуемся мифической датой «рождения Христа» для своего летосчисления).

Если бы жрецы майя, следившие за календарем, вели подсчет прошедшему времени только по одним дням, им бы пришлось уже в X—XII веках нашей эры тратить чуть ли не целую человеческую жизнь на запись всего нескольких десятков своих дат. Ведь к этому времени от начальной даты прошло более полутора миллионов дней (365 × 4200). Поэтому им ничего не оставалось, как на основе своей двадцатеричной системы разработать сравнительно простую «таблицу умножения» календарных дней, значительно упростившую вычисления:

К'ин = 1 день
Виналь = 20 кин = 20 дней
Тун = 18 виналь = 360 дней = около 1 года
К'атун = 20 тун = 7200 дней = около 20 лет
Бак'тун = 20 к'атун = 144 000 дней = около 400 лет
Пиктун = 20 бак'тун = 2 880 000 дней = около 8000 лет
Калабтун = 20 пиктун = 57 600 000 дней = около 160 000 лет
К'инчильтун = 20 калабтун = 1 152 000 000 дней = около 3 200 000 лет
Алавтун* = 20 к'инчильтун = 23 040 000 000 дней = около 64 000 000 лет

Последнее число-название, по-видимому, было создано «про запас», поскольку даже мифическую дату начала всех начал — ее можно приравнять к «сотворению света» — древние майя не рискнули «загнать» так далеко; она относится «лишь» к 5041738 году до новой эры!

Используя таблицу, жрецы майя сравнительно просто производили датировку любого события, например начала или окончания войны, строительства храма, смерти великого правителя, рождения наследника и т. д. Им было нужно только указать, сколько прошло дней от начальной даты, и по Календарному кругу определить день, во время которого случилось отмечаемое событие.

Одна из наиболее ранних и, очевидно, исторических дат, обнаруженных на территории древних городов и поселений майя, была выгравирована на знаменитой Лейденской пластинке (см. стр. 83)

В транскрипции это обозначает: 8 бак'тун 14 к'атун

---

* Названия некоторых из единиц счета были придуманы учеными уже в наши дни, так как не вся цифровая терминология майя дошла до нас.

3 тун 1 виналь 12 к'ин 1 эб 0 (нуль) йаш-к'ин. Если мы переведем эту дату майя на язык цифр, то получится, что от первоначальной даты прошло 1 253 912 дней, или 3435 лет и 157 дней. Следовательно, Лейденская пластинка датирована примерно 322 годом по нашему летосчислению. Однако нужно также учесть дату Календарного круга — 1 эб 0 йаш-к'ин: первое число тринадцатидневной недели, день «эб», нулевое число (первый порядковый номер) месяца йаш-к'ин. Включив ее в расчеты, мы получаем 317 год нашей эры.

Чтобы упростить записи календарных дат майя, сейчас не пишут названия единиц из их таблицы (тун, к'атун, бак'тун и т. д.). Вместо этого ставятся только цифры, указывающие на их наличие: 8. 14. 3. 1. 12. 1 эб 0 йаш-к'ин (Лейденская дата).

Теперь нам остается лишь добавить, что первоначальная дата также имела свое название и место в Календарном круге. Она уже хорошо знакома читателю: это «4 Ахав 8 Кумху».

В более поздние времена майя почти повсеместно отказались от «длинного счета» — так принято называть датировку, примененную на Лейденской пластинке, — и перешли к упрощенному счету по к'атунам — «короткий счет». Однако это нововведение, к сожалению, лишило датировку майя абсолютной точности.

В заключение добавим, что календарь и летосчисление майя были заимствованы ацтеками и другими народами, населявшими Мексику.

В преддверии урагана

Трудно, невероятно трудно представить, какие титанические усилия потребовались от этого народа, чтобы создать цивилизацию, следы которой — развалины священных городов — так потрясали бы своей неповторимой красотой, величием и монументальностью нас, жителей XX века.

Каменный молот, каменное рубило и руки, удивительные руки простого крестьянина, создали все эти чудеса искусства, которыми нельзя не восхищаться. Однако эти же руки, возделывая простой заостренной палкой поля кукурузы, создавали и тот избыточный продукт, благодаря которому стало возможно строительство самих пирамид, храмов и дворцов. И с каждым новым храмом и дворцом, с каждой новой ступенью пирамиды росла, углублялась и ширилась пропасть между господствующими классами и простым народом. Но строительство культовых сооружений пожирало не только избыточный продукт: оно опустошало и без того скудный стол труженика полей, отнимая у него последние силы, выключало из сельскохозяйственных работ — основы основ экономики древних майя — тысячи крестьянских рук.

Между тем пирамиды становились все выше. Тонкие, изысканные украшения храмов и дворцов обрастали все более замысловатыми, вычурными узорами — они должны были убедить простых

смертных в том, что порождены прихотью и фантазией всесильных обитателей потусторонних миров. Белокаменные гиганты, раскрашенные яркими красками, наполняли страхом сердца людей. Да и как не поражаться могуществу тех, кто сумел на земле воздвигнуть сооружения, строительство которых было по плечу разве что самим богам!..

А рядом с процветающими священными городами майя, в гористых зарослях сельвы или на заболоченных равнинах, бродили племена кочевников. Вечно голодные, почти нагие, вооруженные дротиками и каменными ножами, они с трудом добывали себе пропитание. Мелкая лесная дичь, дикие плоды, а чаще корни лотоса и других растений составляли их скудный рацион. Кочевники говорили на гортанном языке, похожем на язык тех, других, богатых и могущественных, населявших сказочно прекрасные города, но они не понимали друг друга.

Возделанные поля кукурузы, несметные богатства огромных поселений, окружавших сплошным частоколом острокрыших хижин гигантские каменные дома, в которых обитали неведомые страшные чудовища, неотвратимо манили к себе племена кочевников-варваров. Голод, постоянные лишения, подобно могучему ветру, гнали их туда, подавляя страх, заставляя забывать о силе и ловкости хорошо вооруженных воинов, о жестокости и могуществе служителей чудовищных богов.

Словно морские волны обрушивались они на каменные громады городов, разбивались о них и, обессиленные, откатывались назад, в дикую сельву и непроходимые топи болот. Казалось, что процветанию и мо-

гуществу жречества и знати, правивших священными городами майя периода Поздней классической эпохи, уже ничто не может противостоять по крайней мере на земле...

Но ветер крепчал. Постепенно маленькие волны собирались в гигантские валы, готовые смести все на своем пути...

Шли последние века первого тысячелетия новой эры...

РАССКАЗ ВТОРОЙ

ПОВЕРЖЕННЫЕ БОЖЕСТВА

Лазутчик

Брат Великого Каймана сидел на стволе огромного дерева, поверженного на землю страшным ураганом. Он пронесся над селением словно смертоносное дыхание гигантского чудовища.

Вначале чудовище вдохнуло в себя воздух, и в его черную пасть, заслонившую небо, улетели хижины, камни, растения и даже животные. Потом оно выдохнуло его, выбросив назад все то, что сумело уцелеть: град камней, изуродованных стволов деревьев, — и потоки воды обрушились на землю.

— Ты найдешь Каменотеса и скажешь ему: «Когда придет третья луна», — говорил Брат Великого Каймана стройному юноше, стоявшему в позе человека, готового броситься бежать. — Возвращайся сразу. Глаз не закрывай. Запомни колодцы, тропы, поля маиса... Беги, торопись. Великий Кайман не велит больше ждать...

И юноша побежал. Он бежал туда, откуда каждое утро вставало солнце, заливая землю своим светом и теплом. Вот и сейчас оно выплывало из-за леса. Он успеет согреться в теплых солнечных лучах прежде, чем окажется в непроходимых зарослях сельвы, куда солнце не проникает даже в полдень.

Юношу звали Быстрееолення. Несмотря на молодость, он был опытным лазутчиком. Поэтому Брат Великого Каймана поручил именно ему это опасное дело. Пока он будет пробираться к городу Спящего Ягуара, чтобы разыскать там Каменотеса, вождь его народа соберет боевые отряды. Настало время напасть на это жирное логово могущественных жрецов, поклонявшихся огромной лесной кошке и страшному чудовищу. Чудовище звали Ицамна — бог неба. В честь Ицамна жрецы строили огромные каменные хижины и, чтобы удовлетворить его свирепую жестокость, приносили в жертву множество прекрасных вещей и даже живых людей. Должно быть, это Ицамна два дня назад проглотил хижины, в которых жили Быстрееолення и его братья по крови, и уничтожил запасы корней лотоса и лилий — женщины собирали их на озерах и болотах.

Люди народа Великого Каймана жили впроголодь. Корней становилось все меньше, а людей в селениях все больше. Набеги на поля маиса, окружавшие город Спящего Ягуара, также не приносили желаемых результатов — их охраняли большие отряды воинов.

Быстрееолення знал, что Брат Великого Каймана уже давно задумал военный поход против города Спящего Ягуара. Непрерывные стычки с другими племенами, а главное, мучительный голод и постоянные лишения заставляли всех искать союза, а не войны, чтобы сообща обрушиться на город. Его огром-

ные богатства, тучные поля манса манили к себе голодные полудикие племена, поклонявшнеся Велнкому Кайману.

А теперь, когда ураган разрушил хнжины, лншив людей крова и последннх запасов еды, пришел час разукрасить тела воннсв боевой раскраской. Но вначале следовало разведать врага, поднять на великую войну соседние племена н еще...

Быстрееоленя спешил. Он бежал легко и быстро. Ноги, словно крылья стрекозы, двигались непрерывно, н ему казалось, останови он нх хоть на мгновение, его тело, как тело стрекозы, рухнуло бы на землю.

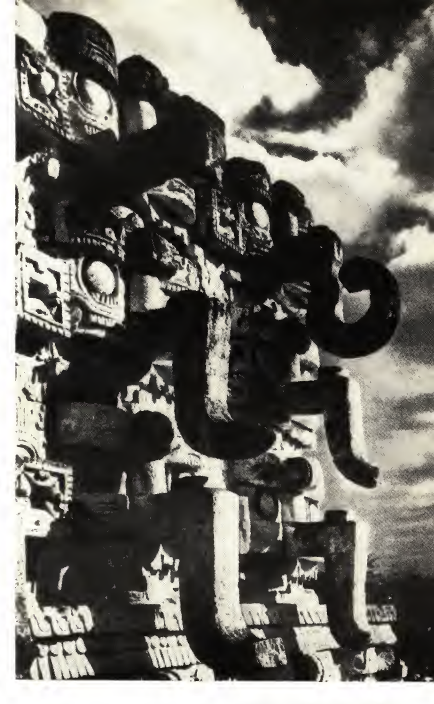
Хорошо бы повстречать караван носильщнков, рассуждал Быстрееоленя. Он сумеет прнстроиться к нему. Погонщики рабов не заметят, что одним носильщнком станет больше, а рабы не выдадут своего брата. Тогда не придется петлять лесными тропами, пробираться сквозь непроходимые чащи; вместе с караваном он сможет бежать по дороге, правда, не так быстро, как он умеет. И все же он выиграет время н уже дней через семь будет в городе Спящего Ягуара.

На третий день, пробираясь сквозь зарослн сельвы по едва заметным звериным тропам, Быстрееоленя услышал где-то в стороне монотонные крики погонщнков н щелканье бичей. Это шел караван. Судя по голосам погонщиков, большой караван. Выходить из сельвы днем было опасно, к каравану следовало пристать ночью.

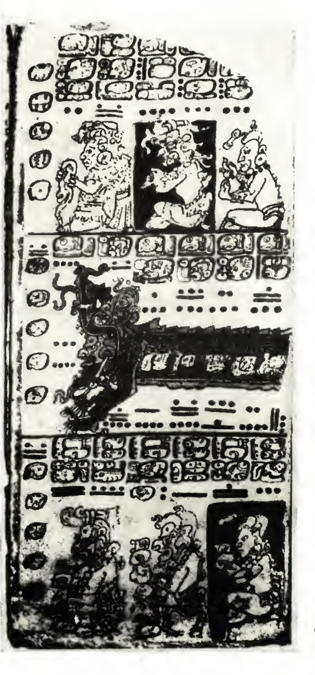
Быстрееоленя приблизился к дороге. Острым обсндиановым ножом он срезал огромный папоротник, положил его на спнну и закрепил стебель своими длинными волосами прямо на голове. Папоротник целнком скрыл гибкое тело, н даже опытный охотннк не догадался бы, что здесь скрывается человек. Он пополз к дороге, нзвиваясь, как игуана среди могучих корней красного дерева — им было тесно в земле, — огибая стволы лесных гигантов, обвнтых, словно тысячами рук, лианами.

Так он полз, пока не увидел шагах в пятн от себя широкую тропу, проложенную в сельве человеком. Караван прнблнжался. Быстрееоленя прнжался к земле; он почтн врос во влажный лесной ковер, пахнувший дурманящим перегноем. Краешком глаза он вндел только маленький клочок вытоптанной земли.

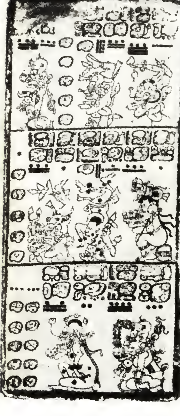
Бич щелкнул где-то совсем рядом, и почти одновременно Быстрееоленя увидел обутые в грубые сандалии ноги воина илн надсмотрщика. Потом еще несколько пар. За нимн мельк-

Кабах. Деталь стены дворца.

Дрезденская рукопись, стр. 4.

Дрезденская рукопись,
стр. 15—16.

Стела «Н» из Копана с датой майя, соответствующей 782 году нашей эры.

Яшчилан. Здание № 39

Яшчилан. Барельеф на здании № 23.

Ушмаль. Фрагмент Дворца губернатора.

Чич'ен-Ица. Площадка для ритуальной игры в мяч.

Чич'ен-Ица. Алтарь из Храма Воинов.

Паленке. Гробница Пирамиды надписей.

Паленке. Голова жреца из гробницы.

Ушмаль. Фрагмент Пирамиды чудотворца.

Хайна. Керамическая статуэтка.

Чич'ен-Ица. Пирамида К'ук'улькана.

Чич'ен-Ица. Пернатые змеи Храма Воинов.

Урна из Теапа.

нули сандалии из тонкой кожи: «жрецы», — понял Быстрееоленя, — и снова грубая солдатская обувь. А затем нескончаемым потоком по земле побежали голые ноги рабов-носильщиков: большие и маленькие, старые и молодые, сбитые в кровь и здоровые, но все одинаково худые, жилистые, равнодушные, — ноги людей, которым приходится ежедневно преодолевать огромные расстояния. Быстреоленя не умел считать, но, когда перед ним снова возникли грубые сандалии воинов, замыкавших караван, он сразу понял, что носильщиков было не менее трех сотен.

Быстреоленя двинулся параллельно дороге, снова преодолевая заросли папоротника, колючие кусты, огибая толстые стволы деревьев и непроходимые изгороди. Он то бежал, то прыгал или карабкался по ветвям и даже полз, чтобы не отстать от каравана. И так целый день, пока не наступила долгожданная ночь и жрецы, усталые и измученные дорогой, приказали каравану остановиться на ночлег.

Но прежде чем улечься спать, жрецы совершили обязательный для всех путников ночной обряд. В центре стоянки они установили три больших камня, подобранных прямо на дороге, и перед каждым из них зажгли на небольших плоских камушках курения — любой путник непременно брал их с собой в дорогу. Только после этого можно было обратиться к богу Эк'Чуаху — покровителю путешественников, умоляя его о ниспослании скорого и благополучного возвращения в родные дома и задабривая посулами обильных подношений после окончания путешествия.

Рабы разложили вокруг каравана сплошное кольцо костров. Ночью огонь защищал людей от диких зверей и ползучих гадов. Жрецы, погонщики и рабы улеглись прямо на земле и сразу же заснули. И только одинокая фигура бодрствующего стражника-часового возвышалась в центре внезапно выросшего в лесу сооружения из огромных мешков и человеческих тел.

Теперь Быстреоленя нужно было дождаться, когда начнет дремать и эта одинокая фигура; он знал, что после целого дня пути часовой не станет утруждать себя ночным бдением.

Спать он, конечно, не будет, но и не откажет себе в удовольствии вздремнуть... Так оно и вышло: вначале часовой походил немного, потом остановился у одного из трех жертвенных камней, поудобнее облокотился на свое тяжелое копье и стоя задремал...

Тело Быстреоленя взметнулось над затухавшим пламенем костра и мягко, почти плашмя не упало, а легло на землю. Это был великолепный прыжок. Любой обитатель сельвы мог позавидовать его ловкости и силе.

Убедившись, что прыжок остался незамеченным, Быстреоленя пополз туда, где слышал голоса людей своего народа. Должно быть, это пленные братья, схваченные воинами города Спящего Ягуара во время одного из набегов на селения кочевников. Они стали рабами-носильщиками — такова была участь тех, кто избегал жертвенного камня. Как змея скользил Быстреоленя среди спящих. Свет костров не доходил сюда, и он не столько видел, сколько ощущал их тепло и тяжелое дыхание. «Здесь», — решил Быстреоленя. Он вплотную прижался к одному из неподвижных тел и тихо зашептал:

— Я иду от Брата Великого Каймана... Мой народ — твой народ... Проснись, брат, проснись...

Каменоломня

Плеть со свистом рассекла воздух — раздался резкий щелчок. Канаты врезались в мокрые, потные спины, сдирая в кровь кожу на плечах и даже на затвердевших от работы ладонях, но плита лишь слегка покачнулась. Еще щелчок — на этот раз уже по голым спинам, и снова канаты натянулись струной в бесплодной попытке сдвинуть с места каменную громаду.

— Э... э... э! — понеслось по каменоломне. — Сюда... а... а!

Крик разбудил старшего жреца-надсмотрщика, дремавшего в тени под навесом из широких листьев пальм. Он лениво потянулся, встал и не спеша направился к котловану карьера, вырубленному в гигантском массиве известняка. Широко расставив ноги, жрец неподвижно застыл на самом краю обрыва, спускавшегося в карьер.

Рубщики камня, побросав свой нехитрый инструмент — тяжелые камни овальной формы и рубила из твердого базальта, — словно муравьи, облепили плиту, перехваченную в нескольких местах канатами. Стало непривычно тихо, и от этого жара казалась еще более невыносимой.

Ноги нащупали упор, бронзовые тела слились с белой плитой, канаты натянулись — все замерло в ожидании сигнала.

— Сссч! Сссч! Сссч! — взвыли бичи надсмотрщиков, и каменная громада поддалась: она медленно поползла вверх по отлогому склону, выложенному обрубками стволов толстых деревьев.

Убедившись, что вмешательства не потребуется, — вчера по его приказу до смерти забили палками двух нерадивых каменотесов, — старший жрец повернулся спиной к карьеру. Его покрасневшие от сна глаза на оплывшем жиром лице, помятом временем и невоздержанностью, выражали тупую ненависть. Жрец уже было решил вернуться в укрытие, но внезапно каким-то неведомым чувством, скорее чутьем, он уловил движение на тропе, которая уходила на восток к великому городу Спящего Ягуара.

Вскоре из густых зарослей сельвы, сквозь которую проходила тропа, появились носилки. Их несли четыре рослых раба. За носилками гуськом шагали воины и прислуга. Жрец заметил среди них людей в одежде подмастерьев-строителей; сомнения исчезли: это был Великий Мастер, и жрец вприпрыжку засеменил навстречу.

Но встреча с Великим Мастером произошла не так, как хотелось жрецу: не останавливаясь, процессия прошла мимо, и жрецу ничего не оставалось, как затрусить назад к каменоломне вслед за носилками.

Великий Мастер сошел с носилок там, где только что стоял старший жрец. Это был высокий стройный мужчина. В его мускулистой фигуре, особенно в руках, спокойно лежавших на обнаженной груди, угадывалась огромная сила, скрытое напряжение, подобное тому, которое таит в себе тетива лука, готовая метнуть в цель звонкую стрелу. Высокий лоб почти перпендикулярно отходил назад от ястребиного носа, придавая голове конусообразную форму, которую увенчивали длинные черные волосы, перехваченные, наподобие снопа травы, узкой лентой из пятнистой шкуры ягуара. Губы были полными, а подбородок острым, резко очерченным. Большие продолговатые глаза, черные как обсидиан, смотрели грустно и немного устало. Лишь на мгновение в них блеснуло радостное удивление, когда его взгляд коснулся плиты, выползавшей из котлована, — он по достоинству оценил усилия тех, кто вырубил из скалы этот гигантский прямоугольник.

Он был молод — ему совсем недавно исполнилось два к'атуна — сорок лет, однако уже несколько лет его называли Великим Мастером — главным зодчим города Спящего Ягуара. Он был удостоен этого высокого звания только благодаря своему несравненному таланту и поразительному мастерству. Совет жрецов долго не соглашался провозгласить его Великим Мастером, но халач виник — Верховный правитель города Спящего Ягуара — не посчитался с жрецами, и им пришлось покориться его воле.

Тяжелые мысли одолевали главного зодчего; вот и сейчас он стоял и думал все о том же...

Между тем плиту вытащили из котлована и подтянули к дороге, спускавшейся к берегу реки Лачаиха, где Великий Мастер вел строительство. Каменотесы вернулись в карьер, и постепенно цоканье сотен каменных молотов и рубил заполнило его унылым пением.

Рабы-толкачи заняли свои места: шестеро, навалясь грудью на плиту, расположились сзади; человек двадцать впряглись в длинные канаты — они должны были тянуть их далеко впереди, чтобы не мешать тем, кто на протяжении всего долгого пути будет укладывать под плиту бревна-катки. Так было легче и гораздо быстрее перетаскивать камни на строительство. Последнее обстоятельство имело немаловажное значение, так как под палящими лучами солнца и от воздуха известняк твердел, становился хрупким, теряя свои замечательные качества — мягкость и вязкость, за которые ваятели и строители майя так высоко ценили его.

Жрецы-погонщики встали по обеим сторонам плиты. С униженным почтением, нерешительно поглядывали они то на Великого Мастера, то на старшего жреца, ожидая приказа тронуться в путь.

Но Великий Мастер не замечал их, он был целиком поглощен своими мыслями. Внезапно он резко повернулся, что-то сказал своему помощнику и бегом устремился вниз по дороге к реке Лачанха. Вся свита бросилась за ним, и только помощник остался у каменоломни.

— Быстро! — указал он рукой на плиту, а сам стал спускаться в котлован.

Вскоре он вновь появился на обрыве котлована в сопровождении рослого индейца...

Быстроеоленя, наблюдавший из своего укрытия за этой сце-

ной, чуть не закричал от удивления и досады: помощник Великого Мастера уводил... Каменотеса! Надо же случиться такому!..

Три дня и три ночи Быстрееоленя неподвижно пролежал в расщелине на самой вершине горы, подымавшейся почти отвесно над каменоломней. Внизу как на ладони лежал котлован. Именно там, среди сотен человеческих фигурок, находилась одна, которую выглядывал Быстрееоленя. Он не мог покинуть свое укрытие, похожее на гнездо горного орла: кругом было слишком много стражников, охранявших каменоломни и следивших за рабами, и они сразу же обнаружили бы его. В городе Спящего Ягуара рабы-соплеменники, с которыми ему удалось переброситься несколькими словами, говорили, что Каменотеса отправили на строительство, но где именно он работал — в каменоломне или непосредственно на стройке, — никто толком не знал. Быстрееоленя решил вначале пробраться к каменоломне: ему казалось, что здесь было легче искать нужного человека, а уж потом, если Каменотеса не окажется там, пришлось бы пойти вниз на строительство к реке Лачанха.

Три дня он до боли напрягал глаза, чтобы разыскать среди копошащихся в котловане фигурок ту, ради которой пришел сюда. Раза два ему показалось, нет, он просто был уверен, что видел Каменотеса, но потом снова терял его в муравейнике человеческих тел.

Рубщики камня вылезали из котлована только для того, чтобы вытащить на дорогу готовые к отправке каменные плиты, но в этих работах Каменотес ни разу не участвовал. Впрочем, иногда рабы появлялись наверху и без каменных плит: их выводили стражники. Они привязывали рабов к толстому дереву, росшему на краю обрыва, и долго били длинными палками. Эти уже не возвращались в котлован; они не могли не только встать, но и шелохнуться. Их тела оттаскивали палками-крюками в сельву, где несчастные умирали в страшных мучениях: звери, хищные птицы или насекомые довершали дело, начатое надсмотрщиками.

Даже по ночам, когда на небо выходила такая близкая и сказочно прекрасная луна — уже наступило полнолуние, — а в каменоломне загорались костры, вокруг которых спали изнуренные работой люди, Быстрееоленя искал своими зоркими глазами Каменотеса.

Сам он не мог разжечь костер и всю ночь дрожал от хо-

лода. А днем камии раскалялись так, что до иих было иевозможио дотроиуться. Только такой опытиый, как ои, лазутчик мог выдержать все эти испытаиия. И вот сегодия, когда ему, накоиец, удалось определить место, где обычио спал Каменотес, и наметить путь, по которому иочью прокрадется в камеиоломию, Камеиотеса куда-то уводил помощиик Великого Мастера!

Быстреволеия успел заметить, что Камеиотеса повели по дороге иа строительство. Сегодия иочью и ои проделает этот путь; теперь же иужио отдохиуть. И Быстреволеия заставил себя засиуть, хотя солнце стояло прямо иад головой и беспощадио жгло его обиажеииое тело.

Так повелели боги

За миогие месяцы строительных работ бревна-катки хорошо утрамбовали дорогу, и бежать по ией было легко и прнятио. Великий Мастер ие любил иосилок. Ои пользовался ими лишь для того, чтобы избежать лишиих пересудов жрецов, виимательно следивших за каждым его поступком. Оии инкак ие могли смнриться с тем, что простой жрец-рисовальщик, переписывавший священиые кииги — хууиы и украшавший их рисунками, неожндаиио стал главиым зодчим священиого города Спящего Ягуара. Ои и так позволял себе миого вольиостей, иарушая траднцин зиатн, к которой теперь прииадлежал. Великнй Мастер прекрасно поиимал, что каждая нз них слишком быстро доходнла до ушей правителя и в конце концов иаветы жрецов моглн достичь своей целн, и тогда, кто зиает, какая судьба ожидала его?

Дорога шла под уклон, и он не испытывал усталости. Наоборот, после иескольких часов, проведенных в иосилках, которые сковывали не только движеиня, но и мысли, Великий Мастер чувствовал, как бег иаполняет бодростью все его тело, изгоияя дурные мысли и тяжелые предчувствия. Ему даже стало смешио, когда он вспомиил беспомощиую услужливость оплывшего жиром жреца, которого Великий Мастер так и ие удостонл своим вниманием...

Мысль о камеиоломие и строительстве, куда иаправлялся Великий Мастер, вериулà его к прежним безрадостиым думам

и сомнениям. Легкий бег, наполнявший радостью тело, постепенно угас. Он зашагал медленно и тяжело.

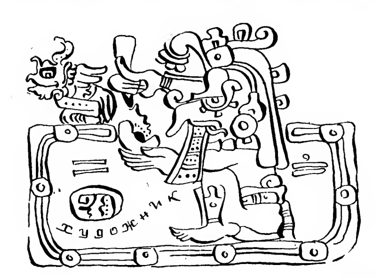
Собственная судьба не волновала Великого Мастера. Он боялся не за себя, а за строительство, за дело, которое ему могли помешать довести до конца. А то, что он задумал, было необычно и грандиозно. Воспоминания о прошлом нахлынули на Великого Мастера.

...Он понял: сейчас или никогда! Невероятным усилием воли заставил свои окаменевшие от страха ноги сделать вперед четыре шага, только четыре, как требовал обычай, и поднял левую руку к небу в знак того, что хотел говорить. Он почти не сомневался, что всемогущий Ицамна немедленно поразит его, младшего жреца, осмелившегося на такую невероятную дерзость, и от этого на душе стало легче.

Но боги молчали, молчали и люди.

— Говори! — резко и гневно прозвучал голос ахав кана — Верховного жреца.

Но младший жрец не стал говорить, а лишь вплотную приблизился к трону, на котором восседал правитель — халач виник в окружении знати и служителей всемогущего бога Ицамна. Не поднимая головы, чтобы не осквернить их своим взглядом, он быстро вынул из-под плаща сложенные гармошкой стра-

ницы книги-хууна и растянул их на груди во всю ширину своих рук.

— Говори! — повторил тот же грозный голос.

Но жрец продолжал молчать: он только еще выше поднял растянутую «гармошку» — хуун.

И тогда правитель и жрецы, наконец, увидели, что показывал этот странный человек в одежде младшего жреца: на широких листах из луба фикуса танцевали и пели, сражались и умирали, радовались и страдали маленькие человеческие фигурки.

Зачарованные, затаив дыхание, они разглядывали рисунки и, потрясенные, узнавали самих себя в крошечных человечках. Хоровод тел, фантастическая оргия цветов были подчинены строгому порядку, в котором легко угадывались события, совсем недавно разыгравшиеся здесь, на этой площади, среди величественных храмов и дворцов священного города Спящего Ягуара. Вот что они увидели.

...Окруженные челядью полководцы — наконы облачались в ритуальные одеяния. Словно гигантские крылья вырастали у них за спиной огромные плюмажи из перьев кетсаля — священной птицы несравненной гордости и красоты. Гордость птицы была та-

воин из Вашактуна

кова, что, плененная, она умирала в руках охотника! Никто и никогда не видел живого кетсаля в клетке! Красота его сине-красного оперения ослепляла человека — так гласила молва. Недаром перья кетсаля служили у индейцев разменной монетой. Яркие ткани накидок, фартуки и пояса из шкур ягуара, тонкие кожаные ремни и многочисленные драгоценные украшения — браслеты, ожерелья, бусы — дополняли туалеты наконов. На ногах — тяжелые сандалии также из шкуры ягуара...

...У подножья пирамиды главного храма бога Ицамна возвышался трон халач виника — Верховного правителя. Подобрав под себя ноги, халач виник сидел на священной циновке ягуара — символе могущества и власти. По краям трона пристроились его жены; даже малолетний сын — наследник правителя, которого держал на своих могучих руках немой рабтелохранитель, не мог ступить своими ножками на циновку и трон — таков обычай и закон, установленный с незапамятных времен.

На нижних ступенях пирамиды стояли батабы — правители селений. Их длинные белые плащи были украшены морскими раковинами — символами земли, которой они правили по наследству. Они тихо переговаривались между собой, и причудливые головные уборы батабов мерно покачивались в такт неторопливому разговору.

Солнце склонялось к закату, но на площади, выложенной ровными каменными плитами и окруженной со всех сторон ажурными храмами и дворцами, по-прежнему стояла невыносимая жара. Даже огромные веера-опахала на длинных палках, плавно раскачиваемые рабами-прислужниками, не спасали от томительного зноя.

...Внезапно гулкая дробь барабанов и вой длинных труб заполнили город. Вместе с воинственной музыкой, будто гигантские птицы, на площадь влетели три высокие мужские фигуры. Это наконы — полководцы. За ними бежали их воины в масках чудовищ, наводившие ужас и страх. Сотрясая оружием, маски неслись по площади, образуя водоворот человеческих тел, над которым плыли штандарты боевых отрядов.

Водоворот захватил толпу городской бедноты. Трещотки и сухие тыквы-барабаны сотрясали воздух пронзительными звуками. Все танцевало, грохотало, ревело, и казалось, что даже могучие каменные стены храмов и дворцов покачнулись и пришли в движение. А люди-птицы летели все быстрее; они уже

сцепились в клубок из разноцветных перьев, тканей и лент... И вдруг все замерло: люди-птицы бросились к главной пирамиде; они летели вверх по ее крутым ступеням, а там, наверху, у жертвенного камня, их ждал сияющий золотом Ицамна, окруженный своими верными служителями...

С трудом оторвав зачарованный взгляд от рисунка на хууне, халач виник спросил:

— Жрец! Камень расскажет о победе богов?

Больше нельзя было молчать, и жрец негромко, но решительно ответил:

— Нет, Великий халач виник! Краски на стенах храма будут петь гимн твоей великой победе. Так повелели боги, — и младший жрец склонился в глубоком поклоне.

— Какого храма? — удивился халач виник.

— Боги приказали построить храм на берегу реки Лачанха. Они указали место. Прикажи, и я приведу туда строителей...

Только так можно было говорить с халач виником, ибо только боги могли приказывать в стране, которой он правил уже многие годы. Разве жрец виноват, что боги пожелали говорить с халач виником именно его устами, а не устами ахав кана — Верховного жреца! Ведь не мог же какой-то младший жрец сам придумать такое? Да и мысль о храме с рисунками пришла ему в голову в тот самый момент, когда ахав кан сказал однажды жрецам, что халач виник требует от богов ответа, как и чем должен он увековечить свою победу и разгром соседнего царства, а Ицамна молчит и не принимает даже

жертвы. Вот тогда-то (это было ровно месяц назад) он, простой жрец — переписчик хуунов, и подумал о храме. Правда, он ничего не сказал другим жрецам, но по ночам стал рисовать свои хууны, которые с таким вниманием теперь рассматривали правитель и вся знать города Спящего Ягуара. Но какая в том беда, если так повелел ему сам Ицамна? И жрец молча развернул перед правителем свой второй хуун.

Здесь была изображена битва.

...Нападение воинов Спящего Ягуара застало противника врасплох. Без доспехов, вооруженные чем попало, враги вели неравный бой, постепенно отходя к центру своего города. Пики, дубинки, камни, случайно подвернувшийся тяжелый брус или даже опахало — все было пущено в ход, но остановить наступавших воинов Спящего Ягуара они уже не могли.

Полные драматизма сцены заполняли страшную картину боя: здесь в предсмертном объятии застыла группа бойцов; там лежат неподвижные, бездыханные тела, сраженные меткими ударами противника; пронзенный пикой, человек, напрягая последние силы, пытается вырвать из своей плоти поразившее его оружие; а вот уже взяты первые пленные, и победители волокут их за волосы по обагренной кровью земле...

Но бой не закончен. Враги продолжают защищаться. Они знают, что пощады не будет. Жертвенный камень или рабство ожидают тех, кто попадет в плен, и поэтому сражаются, напрягая последние силы...

Халач виник изловчился и ударил Обнаженного воина тяжелым копьем. Воин покачнулся и стал оседать на землю. Отбросив щит, правитель схватил за волосы поверженного врага — теперь он был его пленником. Гордо взметнулись вверх длинные перья кетсаля, украшавшие высокий шлем Верховного правителя — знак высшего военачальника. Он хотел уже было прокричать свой боевой победный клич, как вдруг перед ним выросла грозная фигура воина с тяжелым копьем, облаченная, как и сам халач виник, в доспехи из шкур ягуара. Это был вражеский вождь.

Отбросив своего пленника — правитель держал его за волосы, — халач виник взмахом копья вызвал вражеского вождя на единоборство. Ряды сражающихся разомкнулись — начался поединок вождей-полководцев.

Не отрывая друг от друга пристального взгляда, чтобы уловить или предугадать любое движение соперника, халач виник

и вождь медленно закружились в смертельном танце. По-кошачьи мягкие шаги внезапно сменялись стремительными бросками и дикими прыжками. Мощные удары тяжелых копий или едва уловимые уколы с одинаковой ловкостью парировались обоими противниками, в совершенстве владевшими грозным оружием. Со стороны могло показаться, что два могучих человека в пышных головных уборах и богатых красочных одеяниях исполняют сложный ритуальный танец. В действительности так оно и было: следуя священным законам войны, каждый из них стремился не столько убить, сколько пленить противника!

Кому нужно мертвое тело, даже если это тело правителя вражеской страны? Боги требовали жертв, и чем знатнее и важнее был человек, приносимый в жертву, тем милостивее становились они к своему народу. Кто из богов не пожелал бы увидеть на жертвенном камне своего алтаря правителя чужого ему народа? — так учили жрецы, благословляя воинов, уходивших в военный поход.

Халач виник сделал вид, что готовится уколоть противника в грудь, но вместо этого высоко подпрыгнул и острым наконечником копья полоснул по шлему вождя. Это был не сильный, но точно рассчитанный удар — излюбленный прием халач виника. Кожаные ремешки, удерживавшие шлем на голове, лопнули. Огромное и тяжелое сооружение из перьев и шкур, предохранявшее голову от ударов, стало сползать на лоб и глаза противника. Халач виник прыгнул вправо, потом влево, как бы раскачивая из стороны в сторону шлем вождя, ставший теперь для него лишь помехой. Судорожные, потерявшие уверенность движения противника, и страшный удар халач виника тупым концом копья прямо в голову соперника завершил поединок.

Дикий вопль возвестил о победе халач виника...

Пленных привели в город Спящего Ягуара. Чтобы унизить и лишить их возможности оказать сопротивление, жрецы вырывали пленным ногти на пальцах рук. С кровоточащими руками их тащили по ступеням пирамиды к верхней платформе, туда, где стоял их победитель — халач виник города Спящего Ягуара. Коленопреклоненные, они молили правителя о пощаде, но халач виник даже не удостаивал их своим взглядом.

Он стоял неподвижно, словно изваяние, сжимая в руке огромное копье. Ни один мускул не дрогнул на его лице: как и великие боги, которым поклонялся его народ, он не слышал мольбы тех, кого жрецы приносили в жертву...

Рнсуики простого жреца-переписчика воспроизводили события с иевероятиой достовериостью и покоряющей простотой. Это поиялн все, даже ахав кан, одиако иикто ие решался заговорнть первым — все ждали решення Верховиого правителя. Но халач вншнк виезапио встал и ушел в свои покои. Жрец-художиик, поразнвший всех своим удивительиым искусством, еще долго стоял перед опустевшим камеииым троиом, разукрашеииым изображеииями спящего ягуара. Ои ие зиал, что ему делать, и, только когда иаступила иочь, иаправился к опочнвальне младших жрецов. Оиа иаходилась в длнниом помещеинн, примыкавшем к храму с западной стороиы. Войдя в свою комиату, ои с удивленнем заметил, что с пола исчезли циновки других жрецов, которые обычио спалн здесь. «Не разыскать ли их?» — подумал художиик, ио когда ои повериулся к выходу, то увндел двух стражииков, перекрывших длииными пиками дорогу иазад.

Два дия жрец ие покидал своей комиаты, а иа третий за иим прншлн восемь стражииков-жрецов. Оии молча обмыли его тело и оделн в чистые белые одеяиия. Художиик с ужасом вспомиил, как подвергали ритуалу омовення зиатиых плеииых, прежде чем выводили к жертвенному камию. «Зиачит, так повелели боги», — решил несчастиый н покорио зашагал под охраиой стражи к подножию главиой пирамиды.

Разве мог он, простой жрец, сопротивляться всемогущим богам, когда оии прнзывали его к себе для ответа? Ои ие хотел обидеть велнких богов своими рисуикамн и поэтому не страшился предстоящей встречи.

Процессия остаиовилась. Виезапио художиик почувствовал, что его уже ие держат руки грозиых стражииков, что ои свободеи, и тогда с вершииы пирамиды до иего долетели слова, которым ои ие сразу смог поверить:

— Великий Мастер! Выполияй волю всемогущего Ицамиа!..

Снова в каменоломне

Старший жрец-иадсмотрщик с оплывшим лицом инкак ие мог засиуть: мешало солице и снова хотелось что-иибудь поесть. Впрочем, чувство голода иикогда ие покидало его жир-

ное рыхлое тело. Он зевнул, потянулся и вернулся в укрытие от солнца, где, похрапывая тоненьким тенорком, переходившим иногда в легкий свист, спал удивительно худой и маленький человек, судя по одеянию, также принадлежавший к касте жрецов верховного божества города Спящего Ягуара.

— Послушай, проснись! — Жрец с оплывшим лицом стал расталкивать своего товарища.

— Что тебе? — послышался ворчливый ответ. — Я не сплю.

— «Не сплю, не сплю...» — передразнил гнусавым голосом толстый. — А храпишь и еще свистишь, как ядовитая змея... Дай лепешки с фасолью — я что-то проголодался.

— Бери сам, — ответил худой жрец, ие меняя позы. Теиь покрывала его маленькое тело, и ои боялся, что неосторожное движеиие может спугнуть ее н он снова попадет под палящие лучи полуденного солнца. — Ешь, ешь! Скоро и нам иичего не останется. Уж сколько дней рабы жрут только одии дикие корни да пьют протухшую воду... А из города все нет продовольствия. Будто мы вовсе и ие существуем... Забыли, что ли?..

Толстый жрец достал из плетеной корзины лепешки из маиса, намазал их крутосваренной черной фасолью и, положив одна иа другую несколькими слоями, стал молча чавкать, проявляя полиое безразличие к словам маленького жреца. Тот продолжал:

— Они же дохиут как мухи. Сталн вялыми; за неделю вырубают столько камня, сколько раньше за день, да и того меньше. Что нам делать? Запасы кончились давно — в ямах ие осталось ии одного зериышка маиса...

— Да! — вдруг перебил его толстый жрец. — От одного удара падают. Вчера двое подохли, а получили всего двадцать ударов на двоих. Мало! Ха-ха-ха!.. — то ли зарычал, то ли захохотал он и снова смолк, продолжая пожирать лепешки с фасолью.

— ...Когда по велению богов наш Великий халач виник отобрал землн у вражеского царства, разрушив его храмы и дворцы, казалось, что все стало опять по-старому, хорошо... Даже убитых никто не жалел — былн плениики-рабы, и каждому досталась добыча, пусть и не очеиь большая... А потом, потом опять все началось... Поля истощаются, крестьяне уходят все дальше от города за иовой землей, маис носить иекому, а богн требуют для себя иовых храмов в честь военных побед нашего Велнкого правителя... — Малеиький жрец говорил быстро, ни к кому не обращаясь. Из его тихого бормотаиия до толстого жреца доходили лишь отдельиые слова: «камии...», «поля...», «маис...», «голод...», «маис...», «поля...», и сиова: «голод», «голод», «голод»...

Толстому жрецу было смешно слышать это слово: оно звучало странно и даже иелепо, особенно когда в глотку уже не лезлн любимые лепешки — он явно переел. Глаза его постепенно сомкнулнсь, он провалнлся в небытие сна и уже ничего не слышал.

— ...Встань же, иди! Опять требуют Каменотеса. Если мы и сегодня не отправим его на строительство, Великий Мастер расправится с нами. Иди же. Мы привяжем его к плите — пусть тащит ее вместе с толкачами. Тогда и надсмотрщиков не нужно будет посылать — хватит одних погонщиков... Иди, уже можно отправлять плиту...

Старший жрец-надсмотрщик проснулся. Действительно, пока он спал, плиту вытащили из котлована и подготовили к отправке на строительство священного города.

— Ждать! — вяло буркнул погонщикам толстый жрец и стал спускаться в каменоломню.

Десятки изнуренных голых людей в узких набедренных повязках роились небольшими группами на ровных платформах, вырубленных причудливыми уступами прямо в скале.

Человек добывал камень, чтобы строить храмы, дворцы, пирамиды. Вначале он выравнивал по горизонту большой участок скалы, пока не образовывалась ровная гладкая площадка. Потом обрубал ее с трех сторон, чтобы получилась длинная платформа-стол, основание и одна из сторон которого еще продолжали оставаться скалой. Человек наносил на «столе» параллельные линии и осторожно, с удивительным терпением и упорством, углублял каждую из них, пока они не превращались вначале в желоб, а затем в узкую щель, в которую с трудом пролезала рука, сжимавшая рубило или молот. Когда щель достигала нужной глубины, начиналась самая сложная и тяжелая часть работы, требовавшая особой точности глаза и твердости руки: разрезанный на ровные прямоугольники стол-платформу нужно было снизу отрубить от скалы. Делалось это тем же способом, только теперь щель рубили в горизонтальном направлении.

Ее долбили с особой осторожностью, так как под действием собственного веса плита могла неожиданно отколоться. То, что она своей тяжестью раздавила бы руки каменотесов, было не так уж важно в представлении жрецов-надсмотрщиков, но плита могла треснуть, а это означало порчу самой плиты, потерю стольких дней труда.

Толстый жрец остановился. Прямо перед ним на острых обломках битого камня, прижавшись всем телом к скале, голова к голове лежали два совершенно голых человека. Они казались неподвижными, и только напряженные мускулы говорили о том, что люди не отдыхали, а трудились: один глубоко в щели наво-

дил на ощупь рубило, другой, также на ощупь, бил по нему молотом.

Спина левого была сплошь разукрашена еще не зажившими рубцами — свидетелями недавних жестоких побоев. Выбрав место, где раны казались посвежее, жрец сильно ударил по нему ногой, обутой в толстые сандалии. Человек вздрогнул, рука невольно рванулась из щели, но узкие каменные тиски крепко держали ее.

Жрец довольно захохотал. Он присел на камень и стал наблюдать, как Каменотес с изуродованной спиной заставил расслабиться напряженные от боли мышцы, — только так он мог вытянуть руку из каменного плена. Жрец видел, как медленно отползало от скалы бронзовое тело и вместе с ним так же медленно ползла из щели рука, чем-то напоминавшая змею. Наконец рука-змея выползла наружу; она сжимала длинное острое рубило.

Это была великолепная рабочая рука: сухая, тонкая, жилистая, а главное, послушная. Сколько бесформенных камней превратила она в идеально ровные прямоугольные плиты; сколько тончайших узоров нанесла на камень, повторяя сложнейшие рисунки священных знаков, которыми жрецы записывали на вечные времена божественные пророчества или восхваляли мудрость и военные победы великих правителей; сколько мертвых камней ожило от ее прикосновения, оставляя потомкам бессмертные образы богов, их верных служителей на земле и всемогущих владык...

Это была великолепная рабочая рука. Любой другой, будь он на месте тупого надсмотрщика, залюбовался бы ею...

Каменотес медленно поднимался с земли.

— Пойдешь опять к реке! — бросил жрец. Он хотел встать, но не успел: рука, сжимавшая рубило, обрушила на его голову страшный удар. Она перестала быть послушной...

Началось!..

...Люди падали от усталости. Они не могли говорить, но их глаза яснее всяких слов требовали ответа.

— Соберите оружие надсмотрщиков. — Каменотес задыхался от боли в груди — удар палицы пришелся прямо в ключицу. —

Соберите оружие, рубила, палки. Мы пойдем на строительство к реке и освободим наших братьев!

Но никто не шелохнулся: голод и напряжение недавней битвы с надсмотрщиками и жрецами лишили людей последних сил. Все молчали, и только стоны раненых нарушали непривычную тишину в каменоломне.

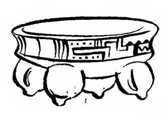
— Вставайте! — крикнул Каменотес, превозмогая боль. — Иначе мы погибнем!

Пошатываясь, он поднялся, опираясь на огромную палицу, принадлежавшую убитому им старшему жрецу-надсмотрщику, и направился к дороге. И люди пошли за ним. Впервые им было так легко и приятно шагать по широкой тропе, спускавшейся к реке среди непроходимых зарослей тропического леса. Толстые стволы кедра, стройные пальмы, многоярусные ветвистые сейбы и гигантские корни красного дерева, сплошь обвитые лианами и другими вьющимися, ползущими, карабкающимися по деревьям растениями, стояли непроходимой стеной по обеим ее сторонам. Они охраняли путника от палящего солнца, наполняя воздух неповторимыми запахами леса. Усталые ноги с каждым шагом двигались все быстрее. Лесная прохлада и свежий аромат зелени вселяли бодрость и уверенность. А главное, рабы не слышали больше яростных окриков ненавистных жрецов, свиста плетей надсмотрщиков — впереди ждала свобода!

И они уже не шли, а бежали легкой рысцой, как умеют бегать только простые люди этой богатой и многострадальной земли. Ни о чем заранее не договариваясь — их не учили держать военный совет перед боем, — они выскочили из леса нестройной толпой и молча рассыпались на широкой, выложенной ровными камнями площади, как рассыпаются на земляном полу крестьянской хижины зерна спелого маиса.

Через час все было кончено. Ни один жрец, ни один надсмотрщик не остался в живых. Ярость восставших обрушилась и на богов: каменные изваяния, стелы с изображением богов, правителя и жрецов погибли под их ударами.

На строительстве оказалось немного запасов еды — ее берегли для себя жрецы и надсмотрщики. Восставшие раздели-

ли ее между собой поровну. Воды было вдоволь, рядом бежали быстрые воды реки Лачанха.

А когда стемнело, на площади запылали веселые языки костров. Огонь успокаивал людей, но он наводил и на размышления. Все думали об одном: что делать дальше? Постепенно они стали сходиться туда, где на широкой террасе у подножья большого храма с тремя низкими входами сидел у костра Каменотес. Никто не выбирал его вождем, но все тянулись к нему: он первый осмелился поднять руку на ненавистных жрецов, он привел сюда людей с каменоломни, значит, боги вручили ему судьбу этих обездоленных и измученных людей.

Каменотес видел, скорее ощущал, как в ночной темноте двигались к его костру молчаливые фигуры братьев по страданиям, товарищей по борьбе. Он слышал их взволнованный говор, тревожное дыхание и ясно понимал, зачем они пришли. Он знал, какой ответ нужно дать этим людям; он не сомневался в правильности своего решения.

Каменотес встал.

— Братья! — Широкая площадь, окруженная каменными дворцами, многие из которых не были еще достроены, поглотила его голос. Ему показалось, что его никто не услышал, и он крикнул еще громче: — Братья! С первыми лучами солнца мы пойдем на логово Спящего Ягуара! — На мгновение он умолк, может быть, ожидая, не покарают ли его боги за то, что он назвал логовом их священную обитель.

И вдруг откуда-то издалека, из непроглядной тьмы сельвы, расстилавшейся кругом на тысячи полетов стрелы, прилетели отчетливые слова: «...логово Спящего Ягуара».

— Да, мы пойдем на логово! Мы уничтожим жрецов и знать! Небо прокляло их! Слушайте!

И эхо повторило: «Небо прокляло их! Слушайте!»

— Братья! Завтра с первыми лучами солнца!!.

Каменотес

Странные, противоречивые чувства владели Каменотесом.

Еще совсем юношей во время набега на одно из селений города Спящего Ягуара он был схвачен воинами, поджидавши-

ми в засаде кочевников-грабителей. Его жестоко избили — как он только выжил? — и вместе с другими пленными, уцелевшими от побоища, продали в рабство. Так он оказался на тяжелых строительных работах: таскал каменные глыбы, рубил плиты в каменоломнях, дробил, превращая в муку, обожженный известняк и снова впрягался в длинные упряжки толкачей. Каторжный труд пожирал все физические и духовные силы, жрецы и надсмотрщики старались превратить рабов в послушную рабочую скотину, безмолвную, лишенную всяких надежд на свободу. Но непосильный труд, постоянное недоедание и частые побои не могли убить в молодом рабе чувство смертельной ненависти к жрецам и знати, ко всему, что связано с городом Спящего Ягуара. Наоборот, эта ненависть с каждым годом крепла, придавая силы истощенному и истерзанному телу.

И все же временами ему казалось, что только смерть избавит его от мучений, безысходных страданий, которым на земле нет и не может быть конца. В такие моменты жадные, алчные, вечно всем недовольные, а главное, нечеловечески жестокие жрецы, умевшие видеть все насквозь застывшим взглядом своих стеклянных глаз, вызывали в нем животный страх, подкатывавшийся к горлу отвратительной тошнотой.

Шли годы, и, хотя ничто не менялось в жизни молодого раба, изменился он сам, его восприятие окружающего мира, и только ненависть к жрецам да жажда свободы оставались прежними. Не задумываясь, он перебил бы всех жрецов, как убил в каменоломне жирного жреца, как убивал их здесь, на строительстве, чтобы убежать в леса к своим вечно голодным, но свободным братьям.

Но жрецов и охранявших их стражников и воинов было слишком много в городе Спящего Ягуара. Они казались ему хитрыми и могучими щупальцами гигантского чудовища, которым не было счета, умевшими вовремя предугадать любые попытки рабов вырваться на свободу. Должно быть, он так бы и погиб на одной из строек, забитый насмерть надсмотрщиками или раздавленный каменной глыбой, как умирало большинство его братьев по неволе, если бы в его судьбу однажды не вмешался случай.

На работах по перестройке одного из главных храмов горо-

да Спящего Ягуара надсмотрщики убили раба, вырезавшего на каменной плите-стеле замысловатый орнамент. Не рассчитав силу удара, раб-резчик отколол часть тонкого узора. Повреждение было незначительным, но надсмотрщики, изнывавшие от безделья, набросились на него с палками и стали зверски избивать. Шум побоев, крики и стоны умирающего привлекли к себе внимание мастера стройки, однако, когда он по привычке не спеша подошел к месту происшествия, все было кончено: на земле лежало кровавое месиво, в котором трудно было опознать человека.

И тут случилось невероятное. Поначалу брезгливо-равнодушный, мастер неожиданно с яростью обрушился на растерявшихся надсмотрщиков. Казалось, его гневу не было предела. Все строительство замерло — такого еще не случалось!

Гнев мастера нетрудно понять: надсмотрщики, люди ограниченные и тупые, убили лучшего, самого искусного рубщика по камню. Можно как-то исправить повреждение, наконец, высечь новую стелу, но найти другого такого же рубщика не простое дело. Ведь не зря доверяли ему столь сложную и и к тому же священную работу. Убитый был рабом, и его жизнь практически ничего не стоила, но оказывается, всесильные обитатели города Спящего Ягуара отнюдь не одинаково относились даже к такому на первый взгляд ничего не значащему для них предмету, как бесправный раб.

Этот случай помог Каменотесу понять, вернее — осознать, многое из того, что он видел и раньше, но в чем не умел до конца разобраться. Мастер, отвечавший за перестройку храма, испытывал перед жрецами и правителем не меньший, а может, даже больший страх, чем рабы, лишенные всяких человеческих прав и достоинств. Ведь им нечего было терять, кроме страданий. Многим из них смерть казалась избавлением от страшных земных мучений; правда, загробная жизнь тоже пугала своей таинственной неизвестностью.

Надсмотрщиков увели, и работа возобновилась. Каменотес больше никогда не встречал их на строительстве. Он не знал их дальнейшую судьбу, да она и не интересовала его, однако само случившееся в тот день неожиданно сыграло в жизни Каменотеса важную, пожалуй, даже решающую роль.

На том строительстве он работал в упряжке толкачей, втаскивая на вершину пирамиды огромные каменные плиты. Надсмотрщики просто озверели, когда их товарищей увели. Они

мстили беззащитным рабам за своих друзей, пострадавших, как они наверняка думали, по вине этих молчаливо-покорных людей. Непрерывный град свирепых ударов обрушился на обнаженные тела: бичи надсмотрщиков не ведали усталости.

Притащив очередной камень-плиту к нужному месту, упряжка рабов, в которой находился Каменотес, подгоняемая бичами, поспешила вниз за следующей плитой. Ее перевязали крест-накрест канатами и уже было начали втягивать на крутой склон пирамиды, когда перед Каменотесом — он стоял в первой паре упряжки — внезапно выросли две фигуры. Это был мастер и один из его помощников. «Он», — сказал помощник, показывая рукой на Каменотеса.

По знаку мастера надсмотрщики быстро распутали узлы каната — чтобы затруднить рабам побег, их всех обвязывали накрепко этим же канатом, и они передвигались и даже спали одной «связкой» — и высвободили Каменотеса.

Его привели туда, где только что был убит рубщик камня. Поврежденная стела стояла на месте. Даже инструменты убитого — длинное тонкое рубило и продолговатый молот — валялись там, куда они упали, когда смерть настигла их владельца. Только теперь Каменотес понял, почему его развязали и привели сюда. Должно быть, помощник вспомнил и рассказал

мастеру про него — молодого раба, обладавшего на редкость твердой рукой и точным глазом, и мастер решил сразу же испытать его искусство. Каменотес знал, что мастер торопился, так как жрецы все время требовали поскорее закончить перестройку храма. Поиски же нового рубщика каменных узоров могли отнять слишком много времени.

Ну что ж, он покажет им, на что способен. Каменотес нагнулся и поднял с земли инструменты. Что-то липкое и мокрое ощутили ладони. То была кровь убитого: она не успела засохнуть и обожгла ненавистью руки молодого раба. Чтобы сдержать охватившие его чувства, Каменотес с такой силой сжал молот и рубило, что ему показалось, будто кровь убитого вошла в его тело сквозь твердую мозолистую кожу ладоней и, смешавшись с его собственной, громко стучала в сердце и висках...

Так впервые в руках Каменотеса оказалось орудие труда ваятеля. Больше он с ним не расставался. Новая работа целиком захватила Каменотеса. Наверное, он полюбил ее, хотя даже самому себе не признавался в этом. В его черных, широко расставленных глазах по-прежнему горела злобная ненависть к жрецам и надсмотрщикам. Было невероятно предположить, что эти глаза способны излучать еще какое-либо чувство, тем более любовь. Плеть и палка, как и раньше, ежедневно гуляли по его обнаженной спине, плечам, иногда и по голове. Правда, теперь его били так, чтобы, причинив максимальные страдания, все же сохранить жизнь, представлявшую ценность для города Спящего Ягуара. Природное дарование ваятеля, раскрывшееся при столь трагических обстоятельствах, служило для него охранной грамотой. Он это понимал, но никогда и ни в чем не пытался использовать для облегчения своего собственного положения. Надсмотрщики и мастера заставляли его работать даже по ночам при свете факелов, и он работал, поражая всех своим мастерством.

Постепенно ему стали доверять все более тонкую работу, особенно после того, что Великий Мастер узнал его искусство. Вначале он вырубал украшения, потом таинственные знаки на стенах и даже изображения обитателей потустороннего мира и земных владык. Тогда-то его и прозвали Каменотесом...

Предавшись воспоминаниям, Каменотес не заметил, как потух костер. Ощутив ночную прохладу, он стал раздувать едва тлевшие угольки, затем отыскал толстую смолистую ветвь и

сунул ее одним концом в разгоревшееся пламя костра. Смола загорелась ярким ровным огнем. Каменотес встал и повернулся к храму, у подножья которого он устроил свой нехитрый ночлег.

Свет костра прыгал по узорчатым белокаменным стенам этого великолепного сооружения, рожденного гением Великого Мастера. Многочисленные барельефы и орнаменты, многие из которых были высечены рукой Каменотеса, не нарушали ровных линий и строгих контуров храма. Барельефы и орнаменты придавали особую, удивительно изящную законченность, наполняя воздушной легкостью толстые каменные плиты, из которых был сложен весь храм. Особенно хорош был ажурный наличник, высеченный из огромного известнякового монолита. Каменотес никак не мог понять, что заставило Великого Мастера установить на крыше храма это, казалось бы, совсем ненужное сооружение, к тому же поглотившее так много сил и времени. И только теперь, спокойно рассматривая линии всей постройки, неожиданно понял, что именно ажурный наличник придавал храму удивительное сходство с... обыкновенной крестьянской хижиной. Нет, он не ошибся. Сейчас, когда на черном фоне сельвы, закрашенном непроглядным мраком ночи, белый рисунок храма стал особенно отчетливо виден при свете костра, нельзя было ошибиться. Пять прямых линий, из которых складывался контур фасада, абсолютно точно совпадали с контурами хижины крестьянина. Сходство с простой крестьянской хижиной вдохнуло в каменный храм жизнь и ее чарующую красоту, столь близкую сердцу каждого обитателя этой страны!

Каменотес и раньше ощущал эту похожесть, это родство каменных сооружений — храмов, дворцов и даже пирамид с чем-то близким и знакомым с детства, но ненависть ко всему, что было связано с городом Спящего Ягуара, ослепляла глаза. Теперь же, когда Каменотес наслаждался свободой и долгожданный час возмездия настал, мысли текли совсем по-другому...

Каменотес вернулся к костру. Убедившись, что смолистая ветвь разгорелась достаточно хорошо и может послужить ему неплохим факелом, он направился к храму. Три черных прямоугольника зияли на его фасаде. Это были входы в три изолированные друг от друга камеры. Что скрывалось внутри этих помещений, Каменотес не знал. Он видел, как каждое утро в проемах-дверях исчезали Великий Мастер и несколько его самых доверенных помощников. Много часов спустя выходили

они оттуда усталые н измученные. Остальным же людям, даже жрецам, под страхом смертной казни запрещалось входить во внутреннее помещение строившегося дворца.

Каменотес шагнул в правый проход и застыл в немом изумлении: на стенах камеры танцевали воины города Спящего Ягуара в огромных причудливых одеяниях из великолепных перьев и дорогих украшений. Нет, это не были живые люди. Это были люди, нарисованные как живые. Справа, на вершине пирамиды, играли трубачи — Каменотесу показалось, что он слышит тягучие звуки их длинных труб. Он обернулся и увидел на стене всю знать города Спящего Ягуара.

Свет от костра падал ему в лицо. Он шагнул в сторону. Факел осветил новую сцену: жены н прислужники одевали правителя к торжественному обряду.

Каменотесу стало не по себе. Потрясающее сходство нарисованных на стенах людей с их живыми двойниками вызывало ощущение чего-то сверхъестественного, устрашающего. Он вышел на воздух, немного постоял, словно хотел побороть в себе страх, и переступил порог центральной камеры. Прямо напротив входа была изображена сцена битвы.

В центре, в окружении своих воинов, халач виник города Спящего Ягуара сражался с вражеским вождем. Всматриваясь в лица сражающихся, Каменотес внезапно увидел слева от двух центральных фигур удивительно знакомое лицо. Он поднес факел к рисунку. Это был... Великий Мастер. Художник изобразил самого себя в тяжелом шлеме из шкур ягуара н перьев кетсаля, какие носят начальники отрядов, хотя никогда не носил эти пышные одеяния войны. Но это было его лицо, красивое, с немного усталыми, грустными глазами. Именно таким его запомнил Каменотес. Таким он и увидел его в каменоломне, когда Великий Мастер приходил туда в последний раз н его, Каменотеса, вновь вернул на строительство храма, того самого храма, в котором сейчас он находился, но не как раб, а как вождь восставших!

Да, Великий Мастер нарисовал именно себя среди сражающихся воинов города Спящего Ягуара; то был его портрет. Это окончательно успокоило Каменотеса; чувство страха ушло, и он продолжал уже спокойно рассматривать рисунки. Он разжег новую ветвь-факел н внимательно осмотрел все три камеры. Теперь стал окончательно ясен замысел Великого Мастера. В первой камере — она находилась слева — художник

изобразил подготовку к войне и ритуальный танец воинов города Спящего Ягуара. В средней камере он показал сражение, победу над врагом и принесение в жертву пленных воинов. В третьей — картина на стенах не была закончена — город Спящего Ягуара праздновал свою победу.

Каменотес был свидетелем этих событий. В их честь строился не только храм, но и весь священный город, находившийся во власти восставших рабов. Среди тех, кто сражался вместе с Каменотесом против ненавистных надсмотрщиков и жрецов, были рабы, плененные именно в том сражении, которое изображал Великий Мастер.

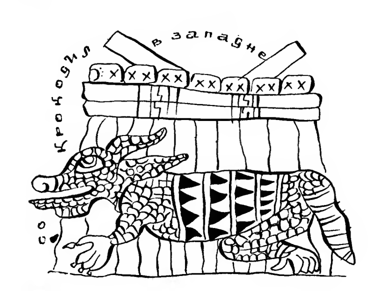
Может быть, кто-нибудь из них точно так же валялся в ногах правителя, вымаливая себе жизнь, как художник изобразил это на рисунке? Нет, думал Каменотес, не должно быть пощады жестоким и несправедливым владыкам города Спящего Ягуара! Он нападет на их логово и уничтожит всех, всех до одного; пощады не будет никому. Лишь бы вовремя подоспел Брат Великого Каймана. Быстрееоленя ушел двадцать ночей назад. Времени прошло достаточно, хотя, конечно, лазутчик ничего не знает о неожиданно вспыхнувшем восстании. Но Брат Великого Каймана будет спешить, потому что нужно прийти в город, пока не успели снять новый урожай маиса. Он хорошо знает, что иначе добыча может ускользнуть. К тому же сейчас голод свирепствует по всей стране, и простые люди Спящего Ягуара недовольны. Они утратили свое обычное равнодушие и полны затаенной злобы и ненависти к жрецам, не меньшей, чем рабы, чем его братья, живущие на свободе, как некогда жил и сам Каменотес. Когда же урожай соберут, крестьяне станут защищать его в надежде, что и им достанется маис. Тогда кочевникам не одолеть хитрых и коварных жрецов. Они сумеют поднять против них весь народ города Спящего Ягуара...

Рассказ Быстрееоленя

Мутная серо-зеленая лепешка воды блеснула где-то далеко среди ветвей поредевшего леса. «Бегу», — с удивлением подумал Быстрееоленя. Страшная усталость сковывала движения, и ему уже давно казалось, что он не бежит, а топчется на одном месте.

Кругом все было знакомо. Он помнил каждый поворот тропинки. Сколько раз уходил он по ней в сельву на охоту вместе с другими мужчинами селения; именно здесь два месяца назад начал Быстреоленя тяжелый поход, из которого теперь возвращался домой.

Озеро пропало. Быстреоленя знал, что оно исчезло ненадолго и появится, как только тропинка окончательно выберется из леса. Но ему придется еще много бежать, прежде чем он достигнет берега озера и зарослей высокого тростника, за которыми прячутся хижины. Нужно бежать прямо за солнцем. Конечно, ему не угнаться за небесным светилом, но он все же успеет попасть домой до того, как оно спрячется за Черным деревом. Хорошо еще, что не наступил период дождей, когда из озера и ручейков, покрывавших, словно паутиной, заболоченную низменность, выходила вода, затопляя всю землю вплоть до самого леса. Правда, он и тогда все равно добрался бы до селения и сказал Брату Великого Каймана, что выполнил его приказ. Вплавь, на бревне или утлом каноэ — Быстреоленя знал места, где охотники прятали их, уходя в лес за добычей, — он обязательно пришел бы к вождю своего народа.

Солнце светило прямо в лицо, ослепляя глаза, привыкшие к полумраку сельвы. От жары бежать стало еще труднее.

Быстреоленя ошибся в своих расчетах: ночь наступила раньше, чем он добрался до селения. Непроглядная тьма тропической ночи, в которой сразу утонула земля, не остановила его, а лишь обострила восприятие внешнего мира. Он ощущал его всем своим телом, всем существом опытного лазутчика. Между тем это тело, это существо шептали ему что-то тревожное, предостерегающее. Быстреоленя, наконец, понял, что в окружающей мгле не чувствовалось присутствия человека, и это насторожило его.

Руководимый больше инстинктом, нежели разумом, он знал, что уже находится в селении, но столь же безошибочно Быстреоленя ощущал, что люди покинули эту землю. И тогда он вспомнил про страшный ураган, разрушивший селение: его братья не могли оставаться на опустошенной земле и ушли...

Он метался от одного стойбища к другому, растрачивая последние капли энергии, в которой так нуждалось его изнуренное тело. Разум говорил ему, что сейчас лучше всего лечь и уснуть, что с рассветом он найдет верный след и пойдет по нему к Брату Великого Каймана. Наверняка где-нибудь лежат оставленные только для него знаки — сплетенные ветви или срез толстой коры, и они укажут дорогу, но Быстреоленя уже не мог подавить в себе чувства покинутости, одиночества и панического отчаяния.

Гонимый страхом, он, наконец, бросился к огромному дереву, поваленному ураганом, где в последний раз видел Брата Великого Каймана. И вдруг ощущение удивительного покоя охватило все его тело, еще содрогавшееся от пережитого ужаса: он был уверен, он знал, что у дерева есть человек, ожидающий его возвращения. Инстинкт не обманул лазутчика: свернувшись в клубок, у опрокинутого ствола сейбы сидел человек. Десять дней и ночей провел он здесь, дожидаясь Быстреоленя.

Не говоря ни слова, индеец встал и побежал.

— Пить! — прохрипел Быстреоленя.

Не останавливаясь, прямо на ходу индеец сунул в руку Быстреоленя сухую тыкву, наполненную теплой, согретой человеческим телом водой, и маленький кусочек твердой как камень маисовой лепешки: он сохранил ее для своего товарища, хотя уже три дня пил лишь мутную воду из озера.

К вечеру следующего дня Быстреооленя стоял перед вождем. Бронзовое тело Брата Великого Каймана в доспехах из кожи крокодила было раскрашено яркими красками: белые, синие, черные, желтые и красные линии придавали ему грозный вид. Но особенно ужасающей была огромная маска-шлем: из широко раскрытой пасти каймана сверкали свирепые глаза вождя.

Рассказ Быстреооленя был краток:

— Каменотес сказал: «Торопись»

Гибель Спящего Ягуара

Каменотес собрал людей на площади города, которому теперь уже не суждено было стать земной обителью всемогущих богов. Был предрассветный час. Холодная ночная сырость сковывала движения, заставляя поеживаться. Люди искали спасительного укрытия от холода и находили его в тепле сгрудившихся в толпу человеческих тел. Тесно прижавшись друг к другу, словно сжатые в кулак пальцы руки, они стояли молча и неподвижно, и от этого казалось, что их мало, ничтожно мало на огромной, выложенной ровными каменными плитами площади.

Каменотес вспомнил другую площадь, ту, что лежала в центре города Спящего Ягуара. Она была еще просторней, а окружавшие ее пирамиды, увенчанные храмами и дворцами, возвышались неприступными крепостями. Да, людей мало, слишком мало, чтобы напасть на логово жрецов. Но у него не было другого выхода — вернее, он не знал и не искал его. Ждать Брата Великого Каймана?

Вчера Каменотес послал к нему нового гонца-лазутчика, хотя и не надеялся, что тот доберется до него раньше чем через месяц, а то и больше. Он снова вспомнил Быстреооленя и с надеждой подумал, что Брат Великого Каймана уже, быть может, бежит со своими боевыми отрядами на город.

— Братья! — крикнул Каменотес. — Тропа ведет нас в логово Спящего Ягуара. Боевые отряды сынов Великого Каймана уже спешат туда! — Толпа колыхнулась и одобрительно загудела. — Быстрой тропой мы будем в городе через две ночи, но мы пойдем другой. Переплывем реку Священной обезь-

яны — Усумасинту. Воды ее бурливы и широки. Жрецы не ждут там иашего нападеиия. Сыиы Великого Кайманиа идут через поля. Я не знаю, кто иападет первым, но тот, кто нападет вторым, ударит в спииу проклятым жрецам...

Он думал вслух, излагая свою простую стратегию. Было видио, что люди одобряют планы нападения, что они верят своему вождю, радуются его хитрости, умеиию обмаиуть и победить иенавистных жрецов и бывалых воиков города Спящего Ягуара.

...— Мы нападем иа каменоломии у Усумасинты и освободим наших братьев. Они пойдут вместе с нами. Мы станем сильнее. Мы будем свирепы, как ягуар, быстры, как падающий с иеба орел, ловки, как обезьяиы, мудры, как каймаи... Спящий Ягуар не успеет просиуться, а мы уже вонзим в его сердце свои копья...

Последние слова утонули в криках толпы, радостио приветствовавшей наступивший рассвет. Лучи восходящего солица осветили мощную фигуру Камеиотеса, стоявшего высоко над толпой.

Каменотес разбил своих людей иа три отряда и поставил во главе каждого из иих тех, кто больше всего отличился, сражаясь в каменоломие и во время иападения иа строительство. Восставшие не теряли даром времеии: за ночь они успели не только изготовить себе оружие — пики, щиты, тяжелые дубиики и каменные топоры с деревяиными рукоятками, но и покрыть тела боевой раскраской для устрашения врага. Теперь это были не рабы, а иастоящие воины. Кой у кого на головах даже красовались шлемы-маски, снятые с убитых воинов и надсмотрщиков. При ярком солиечном свете войско восставших рабов уже не казалось Каменотесу столь малочисленным.

Вперед ушли разведчики, и боевые отряды троиулись в поход.

Каменоломню в крутой излучиие реки Усумасииты отряды Каменотеса взяли без потерь. Хотя немиогочислениые надсмотрщики и жрецы почти ие сопротивлялись — до города Спящего Ягуара был всего одии деиь пути, и поэтому каменоломию охраняло слишком мало людей, — их тут же перебили. Запасов еды и здесь оказалось иемиого, и Каменотес послал рабов с Усумасинты в лес за съедобными кореиьями и дичью, а когда они вериулись, всю еду разделили поровиу. Но из леса пришли не все: одии раб исчез. «Скоро вернется», — говорили

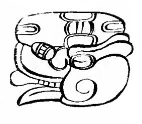
те, кто уходил с ним в лес. Но пропавший не вернулся ни с наступлением темноты, ни утром следующего дня. Это насторожило Каменотеса. Конечно, человек мог легко заблудиться в сельве и даже погибнуть — в диких зарослях его поджидало немало опасностей, — ну, а если он сбежал? Что, если страх перед всесильными жрецами заставил его предать своих товарищей по прошлым страданиям и тяжелой борьбе, ожидавшей рабов впереди? Кто ответит на этот вопрос? — думал Каменотес. До города день пути, значит, предатель вот-вот окажется у врагов и сразу же предупредит жрецов о восстании. Нужно торопиться, решил Каменотес и поднял свои отряды. Восставшие вышли на последнюю тропу великой войны.

Каменотес не ошибся в своих опасениях. Когда отряды проделали больше половины пути, отделявшего каменоломню от города, Каменотес увидел стремительно бежавшего ему навстречу разведчика — еще вчера в полдень он ушел к окраинам городских поселений, почти вплотную подступивших к зарослям сельвы. Не останавливаясь, чтобы не вызвать замешательства воинов, бежавших индейской цепочкой вслед за своим вождем, он знаком приказал разведчику следовать рядом и лишь слегка замедлил свой бег. Разведчик задыхался от усталости; он с трудом бросал отдельные слова:

— Отряд собран... Сам видел... Воинов много... Нас больше. — Каменотес бежал тем же размеренным шагом, не перебивая разведчика. — Беги быстрее... Скоро войдут в лес... Лучше встретить у большого поворота тропы... Беги быстрее, — разведчик сделал еще несколько шагов, закашлялся и в изнеможении упал прямо на кусты.

Маленькое тело разведчика билось в судорогах страшного кашля; он разрывал грудь, душил, сбивал дыхание, стискивал горло железной рукой. Воины, пробегавшие мимо, видели страдания своего товарища, но они не могли, не имели права остановиться. Они знали, что его ждет смерть: кровь хлынет горлом, и вместе с нею он будет выплевывать на мягкую пахучую траву куски легких, изъеденных каменной пылью, которой они дышали всю свою жизнь в каменоломнях. Они ежедневно видели эту смерть и успели привыкнуть к ней. И мимо умирающего разведчика все бежали и бежали братья и товарищи, люди, ради которых ему было не страшно умереть.

Между тем Каменотес принял решение: разведчик прав; нужно успеть добраться до поворота, чтобы там устроить за-

саду и напасть на воинов Спящего Ягуара. Живая цепочка связи с быстротою молнии передала приказ вождя.

...Отряд воинов города Спящего Ягуара двигался неторопливой рысцой. Спешить было незачем: боги приказали напасть на восставших рабов лишь на рассвете следующего дня. А раз так, то не стоило появляться вблизи каменоломни, пока солнце не спрячется за Черным деревом и ночной мрак не скроет приближение отряда карателей. Ведь рабы могли выставить дозоры, рассуждал про себя начальник отряда. Они обнаружат его воинов и предупредят своих. Другое дело обрушиться на это тупое стадо грязных скотов внезапно, с первыми стрелами солнечных лучей!

Старый воин был доволен, что именно ему поручили расправиться с теми, кто осмелился проявить непокорность, кто поднял руку на святую обитель всемогущих богов и их верных служителей — жрецов. Он знал, что восставшие уже успели осквернить строительство нового священного города, его храмы и дворцы, но великие боги жестоко покарают эту взбесившуюся нечисть, прежде чем она успеет напасть на священный город Спящего Ягуара. Жрецы удостоили его этой великой чести, хотя он и не был наконом. Они верили, что именно он, опытный, бывалый воин, сумеет быстро уничтожить восставших рабов. Там, в каменоломне, он перебьет их всех до единого, чтобы не запачкать их грязной кровью даже камни мостовых города Спящего Ягуара. Интересно, какие торжества и почести окажут победителю, когда его воины приведут на аркане вождя восставших?

Да, он был доволен всем и лишь немного сожалел, что ему не отдали раба, сбежавшего из лагеря восставших: раб мог бы пригодиться, так как хорошо знал каменоломню. Но жрецы обратились к богам, и великие боги позвали к себе человека, предупредившего об опасности жителей города Спящего Ягуара. «Не слишком ли велика такая честь для простого раба?» — подумал с сожалением начальник отряда.

Прошло немногим более часа, как воины города Спящего Ягуара вошли в сельву. Тропа шла сквозь непроходимые заросли, и поэтому можно было не опасаться внезапной атаки со стороны леса. Сзади остался город; он надежно охранял их

с тыла. Ждать появления врага нужно было только оттуда, куда двигался отряд, но впереди, шагах в трехстах, шли разведчики, предусмотрительно посланные мудрым старым воином. Они успеют предупредить, если обнаружат что-либо подозрительное. Словом, начальник отряда был опытным бойцом и предусмотрел все, как того требовало военное искусство его народа. «Ведь не с неба же ждать нападения», — подумал он и взглянул на свисавшую над тропой ажурную крышу из толстых ветвей деревьев, сквозь которую едва проглядывал темно-синий небосвод.

Страх парализовал старого воина: размахивая растопыренными крыльями-когтями, прямо на него сверху летело чудовище!

Вопли ужаса и воинственные крики людей, прыгавших с высоких ветвей прямо на головы воинов отряда карателей, слились в единый могучий взрыв. В страхе притихли грозный лес и его свирепые обитатели, напуганные яростным гневом людей, сражавшихся за свою свободу!

Битва на тропе длилась недолго. Восставшие рабы — их было почти вдвое больше, чем воинов города Спящего Ягуара, — прямо на лету убивали врагов своим самодельным оружием. Многие были попросту раздавлены тяжестью падавших с деревьев человеческих тел. Другие погибли в рукопашной схватке, напоминавшей скорее драку, нежели сражение, так как восставшие предпочитали действовать голыми руками — они гораздо хуже владели оружием, чем опытные воины. На этот раз и среди людей Каменотеса также оказались потери, хотя и незначительные.

Каменотес приказал собрать оружие. Он не дал своим товарищам времени на отдых — нужно было застать врасплох город Спящего Ягуара. И вскоре по тропе среди зарослей сельвы снова бежала нескончаемая цепочка обнаженных бронзовых тел...

Нападение на город оказалось настолько внезапным, что отряды восставших почти беспрепятственно прошли до главной площади. И только здесь, среди огромных пирамид, храмов и дворцов, разгорелось настоящее сражение. Каждый дом, каждая платформа, каждая ступень пирамиды, построенные руками рабов в честь жестоких и несправедливых богов, теперь сражались против них.

Стража, воины и жрецы не сразу поняли, кто напал на священный город. Бывшие рабы, одетые в доспехи убитых ими

воинов, вооруженные не только самодельными копьями, палицами и топорами, но и настоящим боевым оружием, производили впечатление хорошо вооруженного и организованного войска. Однако успешнее всего восставшие действовали длинными палками-крюками, ловко стаскивая ими воинов с высоких ступеней пирамид и платформ. Когда-то им самим доводилось участвовать в походах, поэтому бойцы Каменотеса быстро вспоминали приемы военного искусства, казалось, уже позабытые навсегда на каторжных строительных работах.

Особенно яростные бои шли на ступенях высоких пирамид. Каждая из них стоила многих жизней. Ряды сражавшихся, будто огромные волны, то взлетали вверх на несколько ступеней, то стремительно падали вниз. Постепенно восставшим все же удалось пробиться на широкие площадки — уступы пирамид и закрепиться на них.

Жрецы и стража бились насмерть; к тому же к ним все время подходила подмога: новые и новые силы вливались в их ряды. Страх заставил их забыть закон войны, требовавший не убивать врага, а брать его в плен, чтобы принести в жертву богам или продать в рабство. Паника и растерянность от внезапного нападения прошли. Они сражались с отчаянностью обреченных.

Теперь чаще приходилось отступать восставшим. Было похоже, что в битве произошел перелом и только чудо может спасти войско Каменотеса.

Сам Каменотес сражался на ступенях главной пирамиды. Они были высокими и очень узкими. К тому же каждый раз, когда могучий удар его палицы достигал цели, поверженный враг падал сверху прямо на него, и Каменотесу приходилось сбрасывать с себя безжизненное тело. Ему удалось подняться вверх ступеней на сорок — до храма оставалось почти столько же, — когда он заметил, что сражавшиеся против него воины и жрецы что-то задумали: сразу за первой линией стражников, защищавших пирамиду, собрался в кулак небольшой хорошо вооруженный отряд. В последних рядах виднелись огромные плюмажи головных уборов — Каменотес уже давно приметил их. Такие плюмажи могли принадлежать только правителю и Верховному жрецу, а они-то и были нужны Каменотесу. Он прекрасно понимал, что стоит захватить в плен или просто убить халач виника, как сопротивление немедленно прекратится и город Спящего Ягуара окажется во власти

восставших рабов. Только так можно выиграть сражение. Иначе все погибло. Надежды на Брата Великого Каймана не оправдались. Он не успел прийти на помощь восставшим.

Внезапно Каменотес догадался о замысле врага: сейчас воины отряда бросятся вниз, чтобы своими телами опрокинуть, свалить ряды наступающих, а потом, воспользовавшись общим замешательством, правитель и Верховный жрец вырвутся из окружения. Стремясь укрыться на пирамиде, они попались в ловушку, из которой теперь намеревались выбраться. Этого нельзя допустить!

Решение созрело мгновенно: как только отряд воинов и жрецов устремился вниз, Каменотес во всю силу своих легких скомандовал: «Ложись!»

Приказ был настолько неожиданным и таким невероятным по своему смыслу, что не только люди из отряда Каменотеса — они узнали голос своего вождя, — но и стражники, не раздумывая, бросились ниц на каменные ступени. Не ожидая подобного препятствия на своем пути, жрецы не смогли удержаться на ногах и один за другим падали на живые «ступени» пирамиды: гора барахтающихся тел медленно поползла вниз. И тогда живые «ступени» встали. Прямо перед ними без охраны и свиты стояли две одинокие беспомощные фигуры: правитель и Верховный жрец города Спящего Ягуара.

Ужас сковал их движения. Надменность сменилась животным страхом. С вершины пирамиды они видели не только бесславный конец отряда своих воинов и жрецов, попытавшихся спасти халач виника из смертельно опасного окружения, но и то, что было гораздо страшнее: бескрайний зелено-желтый ковер полей созревшего маиса, облегавший с запада городские строения, рассекали два стремительных потока, неотвратимо быстро приближавшихся к их священному городу.

Это спешили боевые отряды кочевников! Это был конец!

Каменотес бросился вверх. Казалось, он летел к вершине пирамиды. Восставшие заметили его, и радостный крик победы вырвался из сотен сердец. И словно эхо с полей, донесся вначале тихий, постепенно усиливавшийся вопль тысячеголосой орды, врывавшейся в логово Спящего Ягуара, так и не пробудившегося для защиты поклонявшихся ему жрецов...

Через несколько дней они покинули опустошенный и разоренный город. С последним отрядом уходил Великий вождь — Победитель Ягуара, как теперь звали Каменотеса. Он бежал

мимо дымившихся камеиных громад священных храмов и дворцов, еще совсем иедавио наполнявших сердца людей ледеиящим страхом, мимо испепелеииых огнем деревяниых жилищ бедиых и богатых горожаи, среди разбросаииых тут и там высоких стел и изваяиий иенавистиых правителей и их покровителей-богов. Ои не думал о том, что миогие из иих высечеиы из камия его собствениыми руками; он радовался и наслаждался долгождаиной свободой, добытой в жестоком кровопролитиом сражеиии.

Виезапио сильиый порыв ветра сдул облако чериого дыма с крутого склона гигаитской пирамиды Спящего Ягуара, и Камеиотес увидел иа самом краю ее вершины знакомую стройную фигуру высокого мужчииы. «Великий Мастер!» — мелькиуло в голове Каменотеса, но дым спрятал вершину пирамиды от его острого взгляда. Каменотес уже было хотел остаиовиться, ио ветер сиова обиажил пирамиду: там, наверху, иикто не стоял! «Показалось», — решил Камеиотес и прибавил шагу.

Оии ушли, оставив после себя смерть и разрушеиия. И иикто больше ие придет сюда поклоняться поверженным идолам еще иедавио всемогущих богов, от имени которых правили иа земле жестокие жрецы.

Разграблеииые, вытоптаииые тысячами босых ног поля маиса постепеиио зарастут дикими травами, потом кустариником, иаконец, иа иих подиимутся могучие деревья. Оии скроют от любопытиого взгляда человека величие и падение когда-то могущественного города-государства древиих майя. Жестокая в своем иеобуздаииом плодородии природа доберется и до гигаитских культовых сооружений. Семена растений, случайно упавшие иа камеииые плиты, выпустят тоиеиькие щупальца-кории. Пройдут столетия, и кории окрепнут, растеиия покроют зелеиым покрывалом величествеииые громады, сложенные человеческой рукой. Камии обрастут кустами, и даже стройиые деревья заберутся иа крутые высокие холмы, которые когда-то были храмами, дворцами и пирамидами великих свящеииых городов древних майя Классической эпохи.

Только визг обезьян да пеиие птиц будут иарушать могильное молчаиие развалин — немых свидетельниц потухших очагов одиой из самых выдающихся цивилизаций, создаииых человеком...

Мертвые города открывают свои тайны

Но что это? Какой-то непонятный звенящий звук нарушил привычную симфонию девственной сельвы. «Дзин!» — снова прозвучал он. И снова: «Дзин, дзин, дзин!..»

Пугливый красавец кетсаль вспорхнул с ветви высокого дерева и куда-то улетел. Вертлявое семейство обезьян сарагуат испуганно спряталось в шапке-копне гигантских листьев пальмы.

«Дзин, дзин, дзин!..» — все настойчивей звучит в сельве.

«Дзин, дзин, дзин!..» — звенит в ушах ее обитателей, и страх гонит их с насиженных мест.

«Дзин, дзин, дзин!..» — и живая стена лиан и кустов падает, а за ней появляется тот, кто осмелился нарушить вековой покой погребенных в сельве развалин.

Это человек!

Человек с трудом раздвинул толстые стволы лиан: прямо перед ним появился черный квадрат проема в каменной стене, сплошь заросшей буйной растительностью сельвы. Сдерживая волнение, он шагнул в проем. Лианы сомкнулись за ним. Теперь его окружали непроглядная тьма, холодная сырость и могильная тишина. Нервная дрожь охватила тело; тишина страхом вползала в сознание.

Нужно зажечь фонарь, но человек боялся увидеть что-то страшное. Луч на мгновение вспыхнул и сразу погас. Предчувствие не обмануло: на ступенях пирамиды валялись изуродованные, залитые кровью человеческие тела...

И тогда человек бросился назад, к проему, к товарищам, с которыми он проделал невероятно трудный и долгий путь, чтобы добраться сюда, в сердце сельвы Чиапаса.

— Они приносили в жертву людей!.. — бормотал он. — Они приносили их в жертву своим богам!..

Лишь через месяц ученые всего мира узнали о волнующем открытии: в непроходимых лесах мексиканского штата Чиапас обнаружен храм, внутренние помещения которого — три изолированные друг от друга камеры — сплошь расписаны великолепными фресками.

Храм с настенными росписями был не единственным строением вновь открытого религиозного центра. Как установили археологи при более поздних раскопках, к храму примыкало с десяток других культовых сооружений, составлявших с ним вместе единый архитектурный комплекс-ансамбль, типичный для священных городов древних майя Классического периода. Известный американский исследователь-майист С. Морли назвал его «Бонампак», что в переводе с майя означает «Стены с живописью». Прежнее название города пока установить не удалось, однако, по хорошо сохранившимся на стенах храма иероглифическим и цифровым знакам, образующим дату календаря майя, а также по стелам, имевшим свою самостоятельную датировку, был высчитан примерный год рождения как самого города, так и росписей: около 800 года новой эры.

Но ученые вскоре убедились, что город не достроили до конца: в силу неизвестных причин строительство Бонампака было внезапно прервано, хотя до его завершения оставалось не так уж много работ.

Место для города Бонампака и его планировка были удивительно удачно выбраны и разработаны древними зодчими. Он строился на берегу реки Лаканха, на ровной естественной площадке, окруженной с трех сторон высокой террасой. Террасу строители выровняли и на ней возвели основные сооружения города, в центре которых стоял храм с росписями.

Сравнительно скромные размеры Бонампака не позволяют ему претендовать на включение в число крупнейших центров древних майя, однако благодаря своим росписям он сыграл важнейшую роль в правиль-

ном понимании ряда основных проблем этой выдающейся цивилизации доиспанской Америки.

Росписи Бонампака дали недвусмысленные ответы на многие дотоле спорные вопросы из истории майя. Прежде всего они неопровержимо доказали, что Классический период отнюдь не был эпохой глубокого мира, в том числе социального, как утверждало большинство зарубежных ученых, стремившихся доказать, что война появляется на землях майя лишь с приходом воинственных тольтеков — одного из мексиканских племен — и наступлением в истории майя так называемой Тольтекской эпохи (X—XVI века).

Достаточно даже беглого знакомства с росписями Бонампака — читатели, несомненно, догадались, что наш предшествующий рассказ был попыткой реконструировать обстановку, в которой эти росписи могли появиться на свет, — чтобы понять абсолютную несостоятельность подобных утверждений.

Возьмем, к примеру, вопрос о войне. До открытия Бонампака не было прямых доказательств, которые неопровержимо свидетельствовали бы, что война как таковая имела место во взаимоотношениях между городами-государствами майя Классической эпохи. Более того, сохранились «показания» очевидцев испанской конкисты, в том числе самого авторитетного из них — священника Бартоломе де лас Касаса, которые со всей настойчивостью утверждали, что древние майя не знали войны и среди них царили «мир и согласие» *.

Вполне естественно, что ученым следовало обратиться к косвенным доказательствам, но они потому и являются косвенными, что в принципе оспоримы и при желании, известной доле фантазии и риторического искусства могут быть одинаково истолкованы как за, так и против доказуемого.

* Бартоломе де лас Касас всю свою долгую жизнь посвятил бескомпромиссной и самоотверженной борьбе за права индейцев, бессмысленное уничтожение которых происходило у него на глазах. Он вполне сознательно допускал известную идеализацию истории народа, стремясь вызвать к нему доброжелательное отношение монарха Испании и других влиятельных лиц королевского двора.

Основываясь на этом, идеализаторы истории майя довольно успешно защищали свою концепцию. Разве можно утверждать, говорили они, что крутые высокие склоны пирамид, увенчанные храмами и дворцами, ритуальное значение которых абсолютно очевидно, строились с таким расчетом, чтобы одновременно служить для обороны от вражеских нападений?

Правда, среди «аргументов» идеализаторов попадались и такие, что вызывали откровенную улыбку. На знаменитом барельефе из Храма солнца (Паленке), по праву относящемся к наиболее выдающимся образцам искусства майя, жрец, совершающий какой-то важный обряд, стоит на живом «пьедестале» — коленопреклоненном человеке в богатых украшениях. Логичнее всего предположить, что жрец-победитель стоит на спине пленного вождя (либо иной знатной персоны). Однако поскольку среди майя царили «мир и согласие», как утверждают идеализаторы их истории, подобному объяснению не может быть места, и тогда остается только предположить, что «знатная персона» — простолюдины не носили таких богатых украшений — добровольно приняла на себя нелегкую, а главное, крайне унизительную роль «пьедестала».

Но росписи Бонампака избавляют от столь невероятных, а точнее, просто нелепых предположений. Нет, мир и согласие не царили на землях майя! Среди многочисленных племенных образований этого древнего народа, находившихся к тому же на разных стадиях общественного развития, шла жестокая кровопролитная война, свойственная классовому рабовладельческому обществу, процесс становления которого относится именно к классическому периоду истории древних майя.

Росписи, как и весь архитектурный ансамбль Бонампака, посвящены войне! Следовательно, война в жизни создателей этого священного города играла уже не случайную, а ведущую роль, коль скоро в ее честь, ради прославления военной победы возводятся многочисленные храмы и дворцы, целый священный город.

Хотел того художник, покрывший стены храма удивительными рисунками, или не хотел, но изображенные им сцены с неопровержимой достоверностью раскрывают классовый характер общества, к которому он сам принадлежал и которое обслуживал своим изумительным искусством. Двухъярусное расположение изображаемых событий — религиозный обряд, предшествующий началу военного похода, сражение и пленение врагов, торжество победы — точно соответствует невидимым ступеням социальной лестницы. Каждый представитель своего класса, вне зависимости от того, чем он занят на картине, неукоснительно располагается на ступени-ярусе, соответствующей его социальному положению и рангу. Здесь все предельно ясно и четко. Верхний ярус — верхняя ступень социальной лестницы — отведен знати и жречеству, причем правитель — халач виник — всегда в центре и чуть повыше своих «придворных». Проследить это крайне легко не только благодаря внешнему виду и форме одеяний, классовый характер которых не смог пока еще скрыть ни один художник мира, но и потому, что каждый из высокопоставленных персонажей выписан предельно индивидуально, то есть портретно, хотя всегда только в профиль. Поэтому не составляет никакого труда обнаружить то или иное лицо (в буквальном смысле слова) среди действующих персонажей каждой из изображенных сцен, будь то бытовые картины, например подготовка халач виника во внутренних покоях «дворца» к торжественному обряду проводов войска, или полная движения и динамики сцена сражения во вражеском селении.

На нижнем ярусе художник изобразил народ; здесь разместились воины, «горожане», музыканты, танцоры и другие простолюдины. Они тоже непосредственные участники событий, запечатленных на стенах храма. На росписях Бонампака мы видим, однако, не пассивное, физическое присутствие «толпы» или «народа», а его активное участие и эмоциональное согласие со всем происходящим. Благодаря этому совершенно отчетливо ощущается стремление художника передать духовную близость, объединяющую верхнюю и ниж-

нюю ступени социальной лестницы, которую он сам открыл для нас. Что это, противоречие? Вряд ли. Скорее всего гениальный создатель Бонампака верил в то, что хотел изобразить, но его огромный талант не позволил утаить жестокую правду жизни. Это тем более замечательно, что росписи Бонампака создавались «придворным» мастером и должны были не только увековечить военную победу халач виника, но и утвердить незыблемую окончательность освященных богами порядков на земле, всякое выступление против которых грозило небесной карой и жестокими страданиями и мучениями.

В росписях есть еще одна категория людей, общественное положение которых также легко угадывается; то рабы-прислужники и пленные враги. Первые из них своей полной безучастностью даже к наивысшим эмоциональным «взрывам» как бы духовно отстранены художником от происходящих событий. Это не действующие персонажи, а скорее предметы естественной необходимости,

без которых и дом не дом и царь не царь. К пленным рабам, наоборот, интерес значителен, но обращение с ними не оставляет сомнений в том, что их ожидает в дальнейшем: жертвенный камень или рабство. В этом и устрашение на будущее и социальный смысл изображенного конфликта.

По-видимому, основной причиной войны ко времени создания росписей была уже не борьба из-за земель или охотничьих угодий (проблема источников воды в Бонампаке не могла существовать, так как город стоит на берегу реки Лаканха, впадающей в многоводную Усумасинту); война служила источником добывания рабов, быстрого обогащения, ибо раба можно было выгодно продать или заставить работать на себя фактически без каких-либо затрат.

Однако и этим не ограничиваются достоверные сведения о древних майя, которые подарил современному миру Бонампак. Теперь уже никто не станет отрицать, что древние майя практиковали, и в довольно широком масштабе, жестокий обряд человеческих жертвоприношений. Из росписей мы также узнаем о быте майя, их одежде, вооружении, манере вести войну; знакомимся с некоторыми из обычаев и обрядов. Мы, наконец, можем почти безошибочно сказать, что форма правления стала наследственной (появление в рисунках юного «наследника»), хотя и не знаем, была ли верховная власть светской или духовной.

Бонампак заполнил огромный пробел и в наших знаниях об искусстве древних майя, и, если раньше мир восхищался их архитектурой, скульптурой и керамикой, теперь стало возможным по достоинству оценить, каких совершенств могла достичь в Классический период настенная живопись. Но росписи Бонампака, к сожалению, пока что явление исключительное. Во всяком случае, среди огромного множества малых и больших священных городов майя не обнаружено других произведений настенной живописи, которые по своему мастерству приближались бы к ним. Именно поэтому многие исследователи справедливо считают, что их создатель был гениальным, неповторимым художником. Правда, есть немало оснований предпо-

лагать, что в дальнейшем могут быть найдены и другие росписи, совпадающие по времени с росписями Бонампака, и только тогда путем сравнения станет возможным окончательно оценить мастерство бонампакского художника. Сейчас установлено, что работал он в храме не один. По-видимому, им самим был выполнен главный контурный рисунок (черной краской), а раскраской занимались его помощники и, очевидно, он сам. Работа в коллективе представляется обязательной, если росписи в Бонампаке велись по сырой штукатурке (фрески), к чему склоняется большинство исследователей, а также из-за размеров записанных стен (длина храма 16,5 метра; ширина — 4; высота — 7 метров).

Но в Бонампаке мы сталкиваемся еще с одним интересным явлением, также опровергающим псевдоисторическую концепцию идеализаторов: одна из камер храма (последняя, если идти по ходу повествования картин) оказалась незаконченной.

Может быть, случайно погиб гениальный художник и труд его оказался незавершенным? Но тогда почему помощники не окончили работу своего учителя, тем более что черные линии рисунка и в этой камере нанесены той же твердой рукой? Им ведь оставалось заполнить красками лишь сравнительно небольшие участки стены; они хорошо владели этим искусством, но почему-то не сделали этого.

Почему не достроены и другие сооружения Бонампака? Почему некоторые из стел с изображениями важных персон (правитель? Верховный жрец?) умышленно повреждены человеческой рукой? Создается впечатление, что тот, кто сделал это, хорошо знал, кого (и наверняка за что) нужно «бить».

Точно такие же повреждения были обнаружены и в Яшчилане — крупном религиозном центре, расположенном рядом с Бонампаком, причем характер культовых сооружений обоих городов настолько близок, что невольно напрашивается мысль о самом прямом родстве этих центров.

Да и не только Яшчилан и Бонампак, а фактически все или почти все священные города Классического периода несут на себе следы насильственных разрушений. О чем могут говорить разбитые «физиономии» скульптур, барельефов, стел? Почему, наконец, одна из стел самого крупного и самого древнего из священных городов майя, Тик'аля, оказалась закопана в землю... вверх ногами? Кто и зачем совершил столь очевидную неразумность? А может быть, это вовсе и не свидетельство проявления человеческой глупости, а нечто совсем другое, например месть? И не связано ли все это с загадочным явлением Классического периода, когда один за другим погибали священные города майя, навсегда покинутые своими обитателями?..

Заканчивая рассказ о Бонампаке, остается лишь добавить, что город «Стен с живописью» был случайно открыт лишь в 1946 году американским фотографом-профессионалом Карлосом Фрейем, вскоре трагически погибшим в водах реки Лаканха.

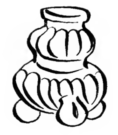

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОЖИВШИЕ ЛЕГЕНДЫ

Приход чужеземных завоевателей

VIII, IX, X века...

Один за другим гибнут священные города майя Классической эпохи. Междоусобные войны, набеги родственных майя племен варваров-кочевников, теснимых с востока и севера иноязычными воинственными народами, восстания рабов, беспощадная эксплуатация крестьянства — основного производителя богатств — расшатывали не очень прочный фундамент городов-государств, скрепленный насилием и мрачной, жестокой религией. Сокрушительные удары один за другим обрушиваются на рабовладельческие города-государства. Блистательный взлет и сияющий расцвет удивительной цивилизации, раскинувшейся на огромной территории на самом юге Северной Америки, сменяется духовным и материальным упадком и опустошением. Безжизненны величественные каменные громады Тик'аля, Копана, Вашактуна, Яшчилана, Паленке... И лишь в небольших селениях, притаившихся в диких зарослях непроходимой сельвы или на заболоченных берегах многочисленных рек и озер, еще тлеют угольки очагов тех, кто своими руками совсем недавно создавал эти неповторимые чудеса.

Проходят годы, десятилетия... И вдруг с невероятной силой вспыхивает новый, не менее блистательный расцвет цивилизации, которая, казалось, уже навсегда погибла. Что-то инородное врывается в ее традиционные причудливые формы; их изящная, замысловато-округлая пластичность неожиданно нарушается резкой, пожалуй, даже жестокой суровостью, столь чуждой архитектуре и искусству Классической эпохи. Необычные, но где-то уже виденные мотивы

образуют чудесный сплав, сохраняющий, однако, черты, типичные лишь для культуры майя.

Те, чужие, мотивы подобны струе воздуха, раздувающей притухший было очаг великой цивилизации. И огонь в очаге внезапно вспыхивает...

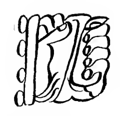
Это случилось в X веке. На земли майя пришли чужеземные завоеватели. Их было немного — небольшая горстка людей, но они сумели подчинить себе родственные майя племена кочевников и на их плечах ворваться в обессиленный и раздробленный междоусобицей стан великого народа. С непостижимой быстротой они покорили его обширные владения, но, покорив, завоеватели, сами не замечая того, стали пленниками, вернее — неотъемлемой частью возродившейся с их приходом цивилизации майя.

Вместе с чужеземцами на Юкатан пришло новое верховное божество — Пернатый змей. Его изображения покрыли пирамиды, храмы и дворцы. Новая религия постоянно требовала человеческих жертвоприношений, и вереницы обреченных потянулись к жертвенным камням алтаря К'ук'улькана — так на языке майя именовался Пернатый змей.

Раньше его называли Кетсалькоатль. Это было еще тогда, когда пришельцы-завоеватели жили в городе Толлане, а их предводитель Топильцин правил городом и огромной страной, подвластной жителям Толлана — тольтекам.

Власть и могущество Топильцина были столь велики, что казались неземными. Должно быть, поэтому тольтеки почитали своего правителя богом, называя священным именем Кетсалькоатль. Но правитель-полубог Кетсалькоатль не только удостоил простых смертных великой чести, живя среди них на земле; он обучил тольтеков многим наукам и ремеслам. Слава о Кетсалькоатле и тольтеках разлетелась по всей земле. Она докатилась даже до испанцев, когда они несколько столетий спустя высадились со своих кораблей на берегах Америки.

Кетсалькоатль

(Древняя легенда, записанная в XVI веке францисканским монахом)

— И был у них бог, и звали его Кетсалькоатль, и люди Толлана почитали его, и считали богом, и поклонялись ему с древних времен; и был у него Ку, что значит храм, очень высокий и со множеством таких узких ступеней, что на них не помещалась даже нога, и носил он покрывало, прятавшее его высокую фигуру, а лицо его было безобразным, голова длинной и бородатой, и научил он своих вассалов мастерству строительному и многим ремеслам; они ловко точили камни, которые называли чальчихуитес, что значит изумруд, и яшма, и иные зеленые камни; и плавили они серебро и делали другие вещи, и все эти искусства брали свое начало у Кетсалькоатля.

И были у него дома, построенные из зеленых драгоценных камней, которые называли чальчихуитес, а другие (дома) из серебра, и еще другие сделанные из белых и красных раковин, и еще другие из плит (золота), и еще другие из бирюзы, и еще другие из богатых перьев; и вассалы его были легки на ногу, и шли они и туда и сюда, разнося о нем добрую славу, и доходили они даже до дальних селений, которые назывались Анахуак и находились более чем за сто лиг*, и даже там внимали словам его глашатаев и приходили оттуда, чтобы послушать, что приказывал Кетсалькоатль.

И говорят еще, что был он несметно богат, и имел все необходимое и желаемое из пищи и питья, и что при его правлении маис был в изобилии, а тыквы очень толстые — целая вара ** в окружности, а початки маиса были такими большими, что человек

* Лига равна 5,572 километра.
** Вара соответствует сажени; равна 83,5 сантиметра.

едва уносил один початок на спине; а тростник, сердцевину которого жарили и ели, был высоким и толстым, и на него можно было залезать, как на дерево; и что сажали и собирали они хлопок всех цветов: и красный, и желтый, и коричневый, и белый, и зеленый, и синий, и черный, и оранжевый, и все эти цвета были естественными, ибо так они вырастали; и еще говорят, что в названном селении Толлане разводили многих и разных птиц с богатыми красочными перьями, которые назывались шиухтотоль — синяя птица, и кетсальтотоль — птица с тонким пером, и цакуан — птица с черно-золотистыми перьями, и тлаухкечоль — птица с красными перьями, и еще другие птицы, которые пели сладко и нежно.

И еще владел названный Кетсалькоатль всеми богатствами мира, золотом и серебром, и зелеными камнями, которые называли чальчихуитес, и другими драгоценными вещами, и огромным изобилием деревьев какао разных расцветок, которые называются шочикакоатль; и названные вассалы названного Кетсалькоатля были очень богаты, и не было у них ни в чем недостатка, ни голода, ни нехватки маиса, а маленькие початки маиса они не ели, а топили ими свои бани, как дровами; и говорят также, что названный Кетсалькоатль пребывал в постоянном покаянии, и прокалывал он себе ноги и проливал свою кровь, которая оставляла красные пятна на колючих листьях магея, а ровно в полночь он приходил к источнику, который называли Шиппакай, и омывался в нем, а этот обычай и порядок приняли (также) жрецы и министры мешиканских идолов, и делали они так, как совершал обряд названный Кетсалькоатль.

То, что Топильцин, носивший божественное имя Кетсалькоатля, был исторической личностью, сейчас не вызывает сомнений. О нем сохранились не только легенды. Его современники оставили нам в Толлане на скале Серро-де-ла-Малинче даже изображение Кетсалькоатля с указанием календарного имени, по дню рождения, своего правителя — Се

Акатль. Впрочем, черты лица Се Акатля Топильцина Кетсалькоатля все же до нас не дошли. При сравнительно хорошей сохранности всего изображения правителя-полубога Толлана именно рисунок лица оказался разрушен. Может быть, природа сыграла с портретом злую шутку? Или люди умышленно постарались уничтожить его?

Для второго предположения есть весьма серьезные основания: известно, что Кетсалькоатль был изгнан из Толлана. Он бежал на Восток к морю с небольшой свитой верных ему людей. Позднее именно он, а возможно, его сын, также принявший имя Кетсалькоатля, появляется на Юкатане во главе кочевых племен ица, живших в пограничных с Мексикой районах, и завоевывает Юкатан.

Почему правитель-полубог Толлана был вынужден бежать из своего царства? Что произошло в те далекие беспокойные времена, когда на территории, которую занимает сегодняшняя Мексика, словно гигантские волны прокатывались орды диких кочевников-чичимеков (к ним принадлежали и тольтеки), сейчас ответить трудно, пожалуй, даже невозможно.

И все же хочется по самым незначительным крупинкам — отголоскам тогдашних событий, дошедшим до нас сквозь плотный заслон толщиною в десять веков, попытаться восстановить картину разыгравшейся в Толлане трагедии. Тем более что уход Кетсалькоатля из Толлана и его появление на Юкатане не только оказали влияние на развитие одного из интереснейших периодов в истории древних майя, который принято называть Майя-тольтекской эпохой. Легенда о Кетсалькоатле в известной степени повлияла также на процесс завоевания европейцами Америки, сыгравший в истории человечества столь значительную роль. Но о том, как древняя легенда индейцев помогла испанским конкистадорам, мы расскажем несколько позже.

Где находится Тула?

В научном поиске бывают иногда такие неожиданные и невероятные открытия, что просто не знаешь, то ли смеяться от радости, то ли плакать от огорчения. Именно такое случилось с легендарной столицей тольтеков Толланом, или Тулой, как ее также принято называть.

О Туле и тольтеках исследователи древних цивилизаций Месоамерики знали давно из устных преданий, полученных от индейцев еще первыми испанскими конкистадорами и монахами — ревностными служителями католической церкви, сопровождавши-

ми в походах завоевателей. Однако найти Тулу, или, вернее, место, где она когда-то находилась, до самого недавнего времени никак не удавалось, хотя в поисках принимали участие крупнейшие исследователи доиспанских культур Америки.

Между тем только раскопки Тулы, точнее, ее развалин — никто не сомневался, что люди и время разрушили до основания тольтекскую столицу, — могли бы ответить на многочисленные вопросы, волновавшие ученых-американистов всего мира. Испанские рукописи-хроники времен конкисты, особенно многотомная «Всеобщая история о делах Новой Испании», составленная монахом-францисканцем Бернардино де Саагуном — его труд можно смело назвать «Ацтекской энциклопедией», — рассказывали удивительные вещи об этой яркой и интереснейшей культуре. Было очевидно, что, если то, что писали о тольтеках Саагун и другие авторы хроник, хотя бы частично подтвердится, Туле и ее культуре, несомненно, принадлежит выдающееся место в формировании мексиканской цивилизации.

Согласно древним легендам, Мексиканскую долину заселили семь племен чичимеков, из которых последним пришло племя ацтеков. Все они принадлежали к одной языковой группе, говорившей на язы-

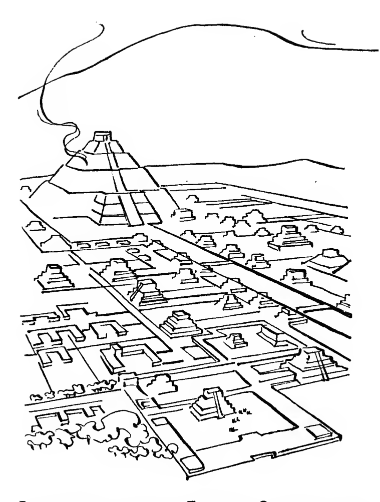

ке нахуатль. В эту же группу входили и тольтеки, пришедшие в Мексиканскую долину значительно раньше ацтеков (по-видимому, за два-четыре столетия). Вполне возможно, что Толлан погиб под ударами кочевых племен нахуа, теснимых с севера именно ацтеками, вторгшимися в X—XI веках в Мексику. Слово «тольтеки» означает «жители Толлана»; название последнего из семи чичимекских племен (ацтеки) происходит согласно легенде от города Ацтлан, который они якобы покинули, предприняв свое переселение на юг. Мексиканскую цивилизацию часто называют также ацтекской, поскольку к моменту прихода испанцев в Америку ацтеки подчинили себе почти всю территорию Центральной Мексики.

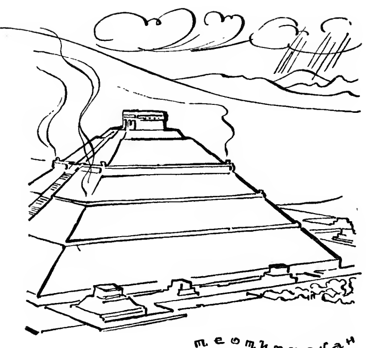
Но Толлан, или Тула, столь реально и отчетливо видимая со страниц старых испанских хроник, по-прежнему оставалась неуловимой для ученых-археологов. Никто не мог даже приблизительно ответить на самый главный и такой простой вопрос: где находится Тула?

Большинство ученых было склонно принимать за Тулу гигантский комплекс религиозных и гражданских сооружений Центральной мексиканской месеты — священный город Теотихуакан (находится менее чем в 100 километрах от Мехико). Однако сооружения

Теотихуакана — например Пирамида Солнца, мало чем уступающая знаменитым египетским пирамидам, — да и огромные размеры самого города опровергали подобные предположения. Теотихуакан явно не умещался в представлениях, сложившихся о Туле по устным легендам. Действительно, как поверить, что пирамида Солнца высотою в 65 метров, на вершине которой

к тому же в древности стоял храм (судя по его основанию, он был весьма внушительной величины), вдруг настолько уменьшилась, что даже ускользнула из легенды?! Скорее наоборот — подобная пирамида из года в год продолжала бы расти в устах сказителей, передававших друг другу легенду, пока не достигла бы фантастических размеров.

И это только один, правда, наиболее рельефный по своим масштабам пример, опровергавший любую попытку увидеть Тулу из древней индейской легенды в развалинах священного Теотихуакана. Сама величественная грандиозность его молчаливых громад убедительней всего говорила свое решительное «нет» таким предположениям.

Были попытки обнаружить Тулу в развалинах иных

древних городов или религиозных центров, но и они, как правило, рано или поздно отвергались ученым миром с достаточной решительностью, а главное, неопровержимо убедительно.

Между тем в штате Идальго, всего в 80 километрах от мексиканской столицы — города Мехико, центра исследования древних доиспанских культур, в изобилии разбросанных щедрою рукою Истории по всей территории страны, находился скромный, ничем особо не выделявшийся провинциальный городок, единственной достопримечательностью которого были церковь и францисканский монастырь, построенные еще в середине XVI века.

То, что городок носил то же легендарное имя, что и столица воинственных тольтеков, почему-то не привлекало внимания ученых, занятых ее поисками. Их не волновало даже то, что рядом с провинциальной Тулой на невысоких холмах еще в прошлом столетии были обнаружены развалины каких-то древних сооружений: мало ли их в Мексике!

По-видимому, сама идея увидеть в сегодняшней прозябающей в провинциальной дремоте Туле Тулу тольтекскую, буйно празднующую победу над очередным врагом или сотрясаемую необузданными человеческими страстями и великими трагедиями, казалась поистине нелепой. И очевидные факты, сами по себе достаточно красноречивые, даже не сопоставлялись.

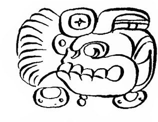
Но вопрос о Туле не давал покоя ученым. Открытие ее местонахождения и исследование материальных остатков тольтекской культуры означало бы гигантский сдвиг в изучении многих, если не большинства еще не разгаданных страниц истории Американского континента, особенно цивилизаций, важнейшие очаги которых находились на территории нынешней Мексики.

Древняя Тула должна была быть найдена и ее действительно нашли благодаря совместным усилиям двух мексиканских ученых. Один из них, Хименес Морено, досконально исследовал весь словесный материал о Туле и тольтеках, сохранившийся от периода конкисты; другой — археолог Хорхе Р. Акоста — в 1940 году

приступил к систематическому изучению древних развалин вблизи сегодняшней мексиканской Тулы. Их работа увенчалась полным успехом.

И дело не только в том, что они неопровержимо доказали, что провинциальная Тула из штата Идальго и есть легендарная Тула тольтеков. Исследования мексиканских ученых наглядно показали, сколь огромно было тольтекское влияние, распространившееся в IX—XI веках на обширнейшей территории, включавшей даже далекий Юкатан.

Так ожила древняя легенда о Пернатом змее — Кетсалькоатле. Но теперь она зазвучала совсем иначе...

В мексиканской Туле

Моросит мелкий дождь. Он начался часа в два или три после полудня и теперь не кончится до самой ночи — так говорят мексиканцы, а они знают свою погоду. Пыльная проселочная дорога не принимает влагу — по-видимому, ее слишком мало для пересохшей земли, — и капли дождя лежат на ней малюсенькими пыльными шариками. Чудно!..

Вот она, легендарная, столько лет неуловимая Тула!

Теперь сюда можно за час добраться на машине прямо из города Мехико, а раньше... Раньше эту землю, кое-где поросшую травой, топтали лишь копыта обычных лошадей да коров. И теперь ее топчут, но только модные ботинки и каблучки незадачливых иностранных туристов да босые пятки вихрастой стайки маленьких мексиканцев из близлежащих селений. Они настойчиво предлагают вам свои услуги: хотите, будут вашими гидами; хотите, продадут по сходной цене глиняные фигурки, сделанные руками их далеких

предков, а чаще всего отцов, наловчившихся великолепно подделывать разные образцы остатков материальной культуры когда-то великого города Тулы. Сегодня Тула — модный объект для туристов, и на этом можно хорошо заработать.

Несколько пологих холмов-пирамид, выравненных сверху человеческой рукой; ровные каменные плиты, покрытые барельефными изображениями шагающего ягуара со следами выцветших красок, — тысячу лет назад тольтекские художники искусно тонировали красками сами плиты и зверей! Десятки невысоких колонн — некоторые сохранились полностью; большинство же разбито и торчит из каменного пола широкого «вестибюля», примыкающего к гордости древней Тулы — пирамиде и храму Кетсалькоатля.

Длинные открытые коридоры, сплошь украшенные резными барельефами — человеческие фигуры в нарядных одеяниях с роскошными головными уборами из перьев — вычерчивают вокруг храма и пирамид четкие геометрические линии. Этому не приходится удивляться. Достаточно взглянуть на небольшой макет дворца, сделанный тольтекскими зодчими из глины, чтобы понять, насколько высокими и совершенными (при всей своей технической несовершенности) были архитектура и строительное искусство этого народа.

Толлан прожил недолгую, но бурную жизнь.

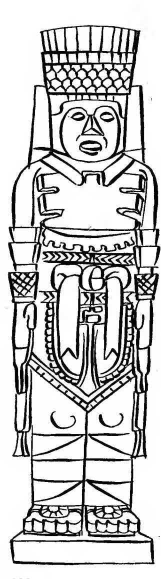
Его основал в IX веке нашей эры вождь тольтеков Мишкоатль. Он привел сюда свой народ после долгих лет скитаний по огромной Мексиканской месете, полных непрерывных стычек, кровопролитных боев и постоянного преследования диких варварских племен, вторгавшихся с севера в эту плодородную долину. Большинство ученых склонно считать, что начало скитаний тольтеков скорее всего было связано с гибелью Теотихуакана — одной из самых выдающихся и пока еще не разгаданных культур Мексики, оказавшейся бессильной перед нашествием варваров-кочевников. Были ли тольтеки прямыми потомками теотихуаканцев, сейчас сказать невозможно, однако вполне вероятно, что крушение поистине гигантского города-госу-

дарства, каким являлся Теотихуакан, должно было всколыхнуть невиданный по своим размерам поток — переселение многих, если не всех народов, населявших Мексиканскую долину.

Тольтеки — мы уже говорили, что это имя они получили от названия своей столицы Толлана и неизвестно, как они назывались до этого, — сумели на новом, необжитом месте за короткий срок не только построить крупный город и прочно закрепиться в нем, но и покорили все близлежащие земли, создав мощное воинственное государство.

У Мишкоатля родился сын Топильцин, названный календарным именем Се Акатль. По-видимому, в конце шестидесятых годов Топильцин приходит к власти, объявляет себя верховным жрецом и принимает имя Кетсалькоатля — одного из главных божеств тольтеков. Старый культ верховного божества Тескатлипока сменяется новым культом правителя-полубога Кетсалькоатля. Его приход к власти и особенно введение нового культа вряд ли прошли мирно. К тому же Топильцин был внебрачным сыном Мишкоатля и, следовательно, не имел достаточно веских, а главное, законных прав претендовать на престол. Дальнейшие события — борьба Кетсалькоатля и его новой религии с запрещенными обрядами и потерявшим свою власть старым жречеством, длившаяся в течение десятилетий, — в конце концов закончились поражением правителя-полубога и его изгнанием (или побегом?) из Толлана.

Фигура Кетсалькоатля Топильцина породила множество легенд, разобраться в достоверности которых порою крайне сложно. Не следует забывать, что если Кетсалькоатль Топильцин был личностью исторической, то в пантеоне мексиканских богов имелся и чисто мифический Кетсалькоатль. Даже внешность Кетсалькоатля согласно некоторым устным преданиям была необычной — высокого роста, белолицый, светловолосый, с густой бородой, он действительно должен был казаться черноволосым, смуглым и безбородым тольтекам если не самим божеством, то по крайней мере его посланцем и ставленником на земле.

Необычная внешность Кетсалькоатля (хотя этот факт никем не доказан) даже и в наши дни продолжает порождать легенды, — высказывались вполне серьезные, хотя научно не обоснованные предположения, что Кетсалькоатль был один из древних европейских мореплавателей (норманнов?), достигших берегов Америки в те далекие времена.

После ухода Кетсалькоатля (987—999 годы?) Толлан простоял еще немногим более 100 лет. Он пал, как и Теотихуакан, разгромленный и сожженный племенами кочевников...

Однако вернемся к развалинам Толлана.

Из просторного «вестибюля» по узким крутым ступеням пирамиды мы подымаемся туда, где когда-то возвышался величественный храм Кетсалькоатля. Воины-кочевники и разрушительное время оставили нам лишь немногое, но и это немногое потрясает своей монументальностью и красотой.

Гигантские каменные атланты высотою почти в 5 метров (!) держали на своих «головах» массивную крышу — перекрытие храма. Маленькими и бессильными казались люди рядом

с каменными колоссами. Может быть, именно здесь, прислонясь головой к «колену» огромного воина-колонны, терзаемый тысячами сомнений, мучительно решал свою судьбу правитель-полубог Толлана, когда понял, что окончательно проиграл сражение с жестокими и вероломными служителями своего соперника — бога Тескатлипока? О чем думал он, глядя на собравшуюся внизу на площади толпу когда-то верных ему тольтеков?..

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

ПРОКЛЯТЬЕ ПЕРНАТОГО ЗМЕЯ

Толлан — Город Солнца

Широкая площадь была заполнена нарядно одетыми людьми. Короткие куртки и длинные плащи, сотканные из нежных разноцветных перьев редких птиц, горели яркими причудливыми узорами, среди которых преобладало изображение ширококрылых бабочек. Юбки-фартуки плотно облегали сильные, стройные торсы, спускаясь впереди тупоносыми треугольниками, едва достигавшими колен. Фартуки были перехвачены на талии высокими поясами из выделанной оленьей кожи и завязаны замысловатыми узлами. Широкие браслеты, похожие скорее на наручни воина, нежели на украшения франта, точно такие же щитки на ногах, крепко привязанные ремнями к обнаженным мускулистым голеням, и, наконец, изящные легкие сандалии завершали великолепные убранства то ли воинов, то ли жрецов, собравшихся на площади в тот солнечный день.

Однако самой замечательной частью одежды были головные уборы: плотно надвинутая на лоб плетеная повязка почти доходила до бровей; тщательно подобранные одно к одному перья вырастали из повязки сплошным высоким частоколом, образуя перевернутый конус со срезанной верхушкой. При движении головы сине-зеленые перья переливались в лучах солнца. С их сказочной красотой соперничали лишь украшения из изумрудов, бирюзы и других камней, дополнявшие наряды.

Со стороны могло показаться, что пришедшие сюда мужчины — женщин на площади не было — принесли на себе богатства целого царства. Впрочем, этому не приходилось удивляться: на площади собралась вся знать, весь цвет могущественного Толлана, Города Солнца, бесстрашные воины которого покорили города и царства обширной страны, называвшейся Мешико.

Под стать одеяниям тольтекской знати были великолепные сооружения, окружавшие центральную площадь Толлана с четырех сторон, строго соответствовавших сторонам света. Высокая пирамида, увенчанная массивным Храмом бога войны — Тескатлипока, служила ее восточной границей. Прямо против пирамиды находилась длинная стена, скрывавшая площадку для игры в мяч, она ограничивала площадь с запада. На южной стороне стояло несколько храмов на невысоких платформах. Однако главное украшение площади, великого города Толлана и всех земель, подвластных тольтекам, возвышалось на северной стороне.

Это был Храм Кетсалькоатля — Пернатого змея, верховного божества тольтеков, носившего также поэтическое имя «Утренняя звезда», Тлахуицкальпантекухтли.

Зодчие и строители-тольтеки создали подлинное чудо архитектуры и искусства. Широкая платформа высотою в пять локтей растянулась почти во всю северную сторону площади, примыкая вплотную к сооружениям Храма Тескатлипока своим Г-образным выступом. Три длинных ряда строгих прямых колонн, соединенных перекрытиями из резного камня, служили чем-то вроде вестибюля у подножья главного здания, смещенного резко вправо. То ли зодчие хотели сблизить оба эти сооружения, то ли просто использовали естественный холм для строительства пирамиды — основания храма Кетсалькоатля?

Прямо из вестибюля в храм подымалась широкая лестница, насчитывавшая более сорока высоких и узких ступеней, а справа и слева от лестницы между колоннами в специальных углублениях в полу — тлекуилях — горел вечный огонь.

Сам храм покоился на пирамиде, построенной в виде пяти огромных ступеней — уступов. Вертикальные стены каждого уступа (четыре локтя в высоту!) были сплошь покрыты великолепными двухъярусными барельефами, опоясывавшими пирамиду со всех четырех сторон. По верхнему ярусу шагали ягуары; изредка среди них попадались и койоты. Нижний ярус занимали барельефные изваяния орлов, пожирающих человече-

ские сердца, и устрашающие «лики» самого Кетсалькоатля: из чудовищной пасти Периатого змея выглядывало человеческое лицо. Животиые, птицы и маски Кетсалькоатля были слегка тоиированы естествеииыми цветами; иа темио-красиом, почти буром фоие оии выглядели иеобычайио выразительио и казались живыми.

Сколько труда, умеиия, зиергии потребовалось для того, чтобы создать этот десятиярусиый барельеф!

Но люди, собравшиеся иа площади, ие обращали иа иего никакого виимаиия. Их взоры были устремлеиы иа вершиину пирамиды, увеичаиную Храмом Кетсалькоатля. Впрочем, если судить по их взглядам, вряд ли оии любовались зтим чудом архитектуры; скорее всего оии кого-то ждали.

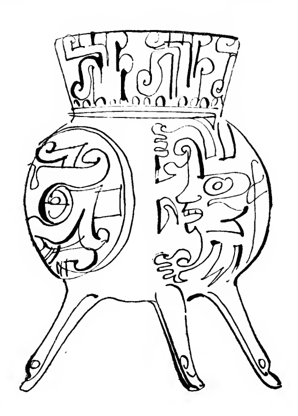
А между тем стоило виимательно рассмотреть зто удивительиое сооружеиие. Вход храма охраияли два огромиых камеииых змея-колоииы; страшиые, с широко раскрытой пастью голсвы чудовищ распластались прямо иа полу; их туловища (в два обхвата толщииой), сплошь «заросшие» перьями птиц, вздымались вверх. Виутреиние покои храма также охраиялись: там стояли гигаитские атлаиты — камеииые воины-колоииы, вооружеиные пращами и дротиками, удивительио похожие иа тех живых, заполнивших виизу площадь. Воины и периатые змеи служили опорой для массивиого перекрытия из камеииых плит, украшеииых разиоцветиыми барельефами.

Но если люди, собравшиеся иа площади, горделиво выставляли иапоказ свои драгоцеииости и украшеиия, Храм Кетсалькоатля скрывал свои сокровища от любопытного взгляда. Мало кто даже из самых зиатиых жителей Толлаиа был удостоеи чести хотя бы мельком взгляиуть иа четыре «дома», четыре виутреииие камеры храма, в которых обитал божествеиный Кетсалькоатль. Одиа из иих — восточиая — была сплошь обшита тоикими листами чистого золота, и поэтому ее иазывали Золотым домом. Западиую имеиовали Домом изумруда и бирюзы (иикто ие зиал, сколько зтих прекрасиых камией было вделаио в ее стеиы). Жемчуг и серебро украшали южиую комиату, а северную — огромиые морские раковииы и разиоцветиые камии.

Только Кетсалькоатль, могуществу и богатству которого ие было предела, мог построить для себя такую обитель. Правда, говорили, что сам ои предпочитал другой «дом», иаходившийся вие стеи храма. Его иазывали Дворцом перьев, хотя ои был построен, как и все сооружеиия Толлаиа, из камией, скреплеииых

известью, и отделан гладкой штукатуркой. Просто потолки и стены внутренних комнат дворца были покрыты огромными коврами из перьев. Восточная комната — желтыми; западная — синими; южная — белыми, а северная — красными.

Но божественный Кетсалькоатль — Пернатый змей не был неосязаемым духом, обитателем потусторонних миров. Он правил людьми не из заоблачных высот тринадцати небес или мрачного подземного мира — чрева земли. Кетсалькоатль жил среди людей и правил ими из своих великолепных храмов и дворцов, построенных руками тысяч простых крестьян-тольтеков и рабов, взятых в плен храбрыми воинами Толлана. Тольтекская знать, собравшаяся на площади в тот солнечный день, ожидала появления своего правителя-полубога. Но в томительном ожида-

нии, в изысканной парадности одеяний, в робких взглядах одних и дерзновенно смелых — других, устремленных к змееобразным колоннам храма, откуда должен был появиться Кетсалькоатль, угадывалось что-то необычное, тревожное и даже зловещее...

Боги тоже болеют

Вторую неделю Кетсалькоатль не вставал с ложа в своей любимой желтой комнате Дворца перьев. Стены и потолок комнаты были увешаны коврами, сотканными из желтых перьев всех оттенков. Их едва заметные узоры, выполненные руками искуснейших мастериц, оживали от легкого дуновения ветерка, изредка проникавшего в покои правителя и Верховного жреца Толлана через толстый занавес над входом, также сотканный из желтых перьев. Но особенно хороши были пол и ложе, покрытые сплошным пушистым ковром из ласковых, мягких перьев цакуана: черные, они отливали благородным золотом.

Недуг не хотел расставаться с телом Кетсалькоатля; мучительные страдания причиняли ноги: они отекли, покрылись бурыми пятнами и днем и ночью не давали сомкнуть глаз больному полубогу.

Жрецы-лекари сбились с ног в поисках целебных трав и снадобий. Ежедневно в положенный час они приносили в жертву змей и бабочек на огромном жертвенном столе Храма Пернатого змея, хотя с каждым днем все труднее и труднее становилось добывать этих ползучих гадов и порхающих красавиц: страшная засуха, истерзавшая страну, подкралась к великолепным садам Толлана, угрожая уничтожить все живое и в этом маленьком оазисе, окруженном выжженной солнцем землей.

Боль отнимала силы, нарушала привычное течение мыслей, а между тем думы Кетсалькоатля были тяжелыми, безрадостными...

Третий год на страну обрушивались страшные несчастья. Вначале ливни смыли, уничтожили посевы маиса. Запасов хватило ненадолго, и воины Толлана лишь с огромным трудом смогли добыть маис в далеких, подвластных тольтекам селениях. Жители Толлана, особенно бедняки, с нетерпением ждали следующего урожая, но и он оказался ничтожно малым — много ме-

сяцев подряд ни одно облачко не появилось на туманно-синем небе. Солнце безжалостно обжигало все живое своими колючими лучами-стрелами; реки почти пересохли: земля покрылась старческими морщинами; дикие звери и птицы покинули владения тольтеков.

И снова Толлану пришлось снаряжать в далекие походы боевые отряды своих воинов. Много томительных дней и недель ожидал их Кетсалькоатль, но отрядов все не было и не было. Только через три долгих месяца, когда в городе уже ощущались признаки настоящего голода, они стали возвращаться один за другим. Пленники-рабы принесли немалую добычу, но радость и ликование были недолгими — отряды тольтеков недосчитывали в своих рядах многих бойцов. Дорогой ценой расплачивался могущественный и блистательный Толлан за обрушившиеся с неба несчастья.

И вот впервые за многие годы царствования Кетсалькоатля поползли слухи, тревожившие душу полубога, правителя и Верховного жреца Города Солнца. Тольтекская знать и жречество, избалованные изобилием и богатством, не хотели мириться с трудностями и лишениями, которые, особенно в первый год, меньше всего коснулись именно их. И вера жителей Толлана в могущество земного божества пошатнулась. Все настойчивее зазвучали голоса тех, кто вначале нашептывал тайно, а теперь почти открыто говорил на городских площадях, что великие боги покарали Город Солнца за отступничество от древних священных обычаев и ритуалов прежней религии. Что всемогущий Тескатлипока — бог войны и верховное божество их отцов и дедов, благодаря покровительству и заступничеству которого тольтеки покорили все остальные народы и племена и создали свое непобедимое царство, полон ярости и гнева. Что ярость и гнев его справедливы, ибо нельзя насытить всепоглощающую утробу свирепого божества жертвоприношениями каких-то бабочек и змей, даже если переловить и принести в жертву Тескатлипока бабочек и змей всего света.

Нашлись люди, вспомнившие слова древней молитвы, обращенной к свирепому богу войны:

О Тескатлипока!..
Бог земли раскрыл свою пасть.
Он голоден.
Он с жадностью проглотит кровь многих,
Которые умрут...

— Разве трещины на иссохшей матери-земле не говорят о том же? — шептали они.

...Дать пищу и питье богам неба и преисподней,
Угощать их кровью и мясом людей.
Они умрут на войне...

— Разве воинам-тольтекам не пришлось сражаться и умирать на войне, чтобы священный Толлан не погиб от голода? Племена, безропотно отдававшие в прежние времена своих лучших сыновей для жертвенного камня Храма Тескатлипока, теперь осмелились поднять оружие на тольтеков! — говорили люди на площадях.

— Только Тескатлипока, великий бог войны, может спасти тольтеков, вернуть нам прежнюю силу и покарать непокорных. Толлан провинился перед тобой, Тескатлипока! Толлан молит тебя о прощении! Толлан накормит и напоит тебя! — кричали они, повторяя слова молитвы:

...О Господин сражений, Правитель над всеми,
Имя твое Тескатлипока.
Бог невидимый и неосязаемый!..

Неизвестно, доходили ли слова молитвы до Тескатлипока, но Кетсалькоатль узнал о них сразу. В отличие от Тескатлипока он не только был видим, но и осязаем и поэтому не мог не понять, какую уступку от него требуют те, кто так быстро сумел забыть его учение, кто вспомнил прежние молитвы и обряды, процветавшие еще в годы царствования его отца Мишкоатля, Облачного змея, — великого завоевателя и первого строителя новой священной столицы тольтеков Толлана, Города Солнца. Это он, Мишкоатль, привел тольтеков в эту гигантскую долину после долгих лет странствий и беспрерывных войн. Сколько тысяч пленных и рабов находили свою смерть на жертвенном камне Храма Тескатлипока в те, казалось, уже навсегда ушедшие в прошлое времена? И каждый день пирамида, сложенная из человеческих черепов, росла и ширилась...

Разве он, Кетсалькоатль, был не прав, запретив человеческие жертвоприношения? Неужели боги обрушили на Толлан свой гнев, потому что он предал их, оскорбил своим непослушанием, осквернил старую веру новыми обрядами, новой верой в человека-полубога, правителя и Верховного жреца Города

Солнца, в себя, в Кетсалькоатля? Нет, он не хотел оскорблять богов.

Да, он родился от смертной женщины Шочикетсаль, Цветок Кетсаля, и правителя Толлана Мишкоатля и при рождении его нарекли именем Топильцин Акшитль Се Акатль, но сами тольтеки стали называть его священным именем Кетсалькоатль, когда он принял трон своего отца и стал Верховным жрецом Толлана. Своей новой религией, своими деяниями он доказал на это право. Неужели жрецы Храма Тескатлипока не ошибаются и их жестокое божество теперь покарало Толлан?..

Свершилось непоправимое

...Родник бил прямо из-под огромного камня, возвышавшегося почти в центре небольшой лужайки перед Дворцом перьев. Его теплая, словно специально подогретая вода, убегала по узкому ровному каналу, вырытому человеческой рукой. Канал-ручеек исчезал в кустарнике, чтобы появиться вновь уже по ту сторону густых зарослей, сразу за которыми находился бассейн. Он был выдолблен в скале; дно и края выровняли и отполировали до блеска.

Ровно в полночь сюда для омовения принесли больного правителя. Кетсалькоатль сидел на низкой каменной скамье. У его ног журчал ручеек, падавший в бассейн. Кетсалькоатль любил это тихое место и несмолкаемое журчание воды, напоминавшее о вечности мира. Только здесь отдыхал, предаваясь думам и размышлениям. Жрецы-прислужники опустили его в теплую воду и ушли. Боль в ногах стала утихать. Теперь можно было еще раз все спокойно обдумать и принять решения, достойные его, Кетсалькоатля, полубога и правителя Толлана.

Год новых посевов наступил, но и он не предвещал ничего хорошего. Несмотря на ежедневные заклинания жрецов, долгожданные дожди никак не приходили, и выжженная солнцем земля отказывалась принимать зерна маиса. Они отскакивали от нее, словно голыши от гранитной скалы. А ведь каких невероятных усилий стоило сохранить их для посевов! Люди пухли от голода. Воинам, вооруженным боевыми топорами, приходилось оборонять хранилища зерна от толп изголодавшихся жителей Города Солнца. Драки, переходившие в настоящие сраже-

иия, чуть ли ие каждый деиь вспыхивали у храиилищ. И только с иаступлением периода посева маиса люди стихли, немиого успокоились. Но иадолго ли?

Голод и смерть по-прежиему витали иад владениями тольтеков. Во время посевов кое-кому из землепашцев удалось тайком набить желудки твердыми сухими зериами маиса. Расплата ие заставила себя долго ждать — оии умерли в страшиых мучеииях прямо иа полях. В назидаиие жрецы и иадсмотрщики насмерть забили палками тех, кто остался в живых...

А потом как-то иочью иа поля пробрались рабы. Оии иастолько обессилели от голода, что за ними уже давно не следили. Лишь немногим удалось доползти до посевов. Оии хотели подкормиться семеиами, с таким трудом посажеиными в землю, но в ночной темноте было трудио отличить семена маиса от мелких камней и ссохшихся комочков земли. Поэтому утром, когда тольтеки вышли иа свои поля в иадежде увидеть зеленые побеги молодых всходов, перед ними предстала усеяиная трупами мертвая земля.

Озверевшие, оии бросились в город к загоиам, где иаходились рабы, и, если бы ие вмешательство самого правителя-полубога, иеизвестио, чем бы закоичилось это побоище.

Случилось и самое страшиое, чего больше всего опасался Кетсалькоатль: иачалось людоедство. Правда, тайиое, его совершали ие так, как в далекие времеиа, когда, освящая пышиыми церемоииалами торжествеииый обряд жертвоприношеиия, правитель и жрецы лакомились мясом прииесеииого в жертву человека. Впрочем, по особо торжествеииым дням человеческое мясо подавали к столу во всех зиатиых семьях Толлаиа. Дошло до того, что на городском рыике уже стали продавать рабов специальио иа убой, предварительио откармливая и отпаивая их.

Кетсалькоатлю стоило нечеловеческих усилий покончить с этим древиим обычаем своих предков, освященным религией. Самых иепокориых жрецов Храма Тескатлипока, требовавших иасытить бездоиное чрево и утолить иеутолимую жажду богов человеческой плотью и кровью, ои жестоко покарал; других посулами переманил на сторону своей иовой религии. Рабов перестали убивать. Их заставляли трудиться иа полях, на строительстве новых

храмов и дворцов. Толлан богател. Бурно развивались науки и ремесла. Все новые и новые царства и земли покорялись его блистательному могуществу... пока не пришли эти три года тяжелых испытаний...

Правитель Толлана понимал, что страшный голод толкал тольтеков на людоедство. Но те, кто сейчас почти открыто проповедовал возврат к древним обрядам, взваливая всю вину за обрушившиеся на Толлан несчастья на отступников, непременно воспользуются этим. Голод стал их верным и могучим союзником, он придавал силу их словам, он указывал путь спасения, а правитель-полубог и его религия ничего не предлагали тольтекам, кроме безропотного, покорного послушания и невыносимых страданий.

Наконец, были еще и рабы. Кетсалькоатль не знал, что с ними делать. Чтобы заставить рабов трудиться, их нужно кормить. А древний обряд жертвоприношений не только освобождал город от этой непосильной обязанности, но и...

Кетсалькоатль отогнал страшную мысль, боясь, что она может и ему показаться спасительной. Боль в ногах, утихшая было от теплой воды бассейна, стала настойчиво напоминать о себе. Он подал знак, и прислужники, неусыпно следившие за каждым движением своего правителя-полубога, бросились вынимать его из воды. Кетсалькоатль попытался встать сам, но ноги не слушались. Его усадили в носилки и осторожно, как наполненный до краев сосуд с драгоценной влагой, понесли в желтую комнату Дворца перьев. Потом больного переложили на широкое низкое ложе, и тело Кетсалькоатля утонуло в мягких черных перьях, отливавших при тусклом свете ночного светильника, наполненного пахучими смолами, не золотом, а кроваво-красным пурпуром.

Неподвижная мертвая тишина парализовала жизнь дворца.

Внезапно тяжелый занавес из перьев колыхнулся от прикосновения чьей-то руки, и Кетсалькоатль услышал вкрадчивый голос:

— О человечнейший и милостивейший господин наш, любимейший и достойный большего поклонения, чем все драгоценные камни, чем все богатые перья! — так обращались к правителю только высокопоставленные царедворцы.

Кетсалькоатль узнал голос знатнейшего вельможи Толлана, пользовавшегося его особым доверием. Он ждал его прихода и тихо прошептал:

— Входи! Чем огорчишь или порадуешь нас? — спросил он без обычного раздражения, не покидавшего его в дни болезни.

Папанцин был опытным придворным. Он умел не только льстить своему владыке, в чем никому не уступал пальму первенства, но и безошибочно уловить мгновение, когда следовало сказать правду, даже если она была очень горькой. За это и любил его Кетсалькоатль, удостаивая самых высоких почестей и дорогих подношений.

— Я слушаю тебя, — почти прошептал Кетсалькоатль: боль усиливалась, и ему становилось все хуже и хуже.

Папанцин неторопливо начал свой рассказ. Он говорил о голоде, об опустошенных хранилищах продовольствия, о слоняющихся в поисках еды толпах людей, забросивших свою работу, непослушных и непокорных. Они с жадностью ловили каждое слово тех, кто продолжал сеять смуту, а жрецы Храма Тескатлипока наглели, призывая тольтеков молиться их «жестоким, но справедливым богам». Между тем храм-обитель Кетсалькоатля пустел; число же поклонявшихся Храму Тескатлипока с каждым часом росло. Голод правил всеми хижинами и дворцами Толлана, устанавливая свои порядки. Даже служители храмов теперь больше помышляли о еде, чем о священных обязанностях. Сегодня, например, чуть было не погас вечный огонь в одном из тлекуилей...

Кетсалькоатль вздрогнул. Папанцин понял, как сильно взволновали правителя последние слова. Напрягая зрение, он старался уловить на лице больного ответ на терзавший его вопрос: следует ли ему именно сейчас рассказать о самом важном и самом страшном событии дня? Как воспримет его правитель-полубог и как вообще рассказать об этом?

Он немного помолчал, вслушиваясь в прерывистое дыхание больного, и, наконец, заговорил своим мягким, убаюкивающим голосом:

— О человечнейший и всемилостивейший господин наш... Люди Толлана преподнесли сегодня Храму Тескатлипока древнее подношение, и жрецы приняли его с великой радостью и ликованием... Достойно ли это всемогущих богов? — спросил Папанцин в надежде услышать ответ Кетсалькоатля и узнать, понял ли тот значение сказанного.

Но Кетсалькоатль ничего не ответил придворному осведомителю. Последние дни он со страхом ждал этих слов и вот

сейчас, услышав, воспринял случившееся с удивительным спокойствием и безразличием. «Может быть, лихорадка мешает его разуму понять мои слова?» — подумал Папанцин, не рассчитывавший, что его сообщение будет так спокойно воспринято. Он просто боялся рассказать Кетсалькоатлю, как жрецы распяли на жертвенном камне у подножья пирамиды Храма Тескатлипока кем-то приведенного туда раба, как они вырвали из его рассеченной жертвенным ножом груди трепещущее сердце и, обливаясь кровью жертвы, обмазывали ею свои волосы и страшные лица под дикий, восторженный вой толпы. Кетсалькоатль не мог не услышать его в своем дворце! Правда, Папанцин решил умолчать о том, как толпа вместе с жрецами бросилась разрывать жертву на куски и с жадностью койотов пожирала тело принесенного в жертву человека...

— Боги молчат, — чуть слышно прошептал Кетсалькоатль, прервав размышления Папанцина. — Я не услышал голоса их гнева; я слышал лишь вой койотов... О великие и справедливые боги!..

Он лежал неподвижно в огромной черной постели. Его длинное некрасивое бледное лицо с густой бородой, благодаря ей внешность Кетсалькоатля казалась столь необычной среди безбородых тольтеков и других народов, с которыми им доводилось сталкиваться, четко выделялось белым пятном на темном покрывале. Лицо было мертвенно-бледным, и только глаза, такие же смолянисто-черные и продолговатые, как и у людей его народа, горели то ли яростным, то ли безумным блеском.

— О человечнейший и милостивейший господин наш! — Папанцин заговорил громче и чуть-чуть торжественнее.— Позволь недостойному рабу вернуть тебе силу и здоровье. Голод сводит людей с ума, они стали подобны диким зверям. Только ты, наш великий бог и покровитель Толлана, вернешь им правду, скажешь, куда идти, чем насытить опустошенную плоть, как усмирить взбесившийся разум. Прикажи, и я позову мою младшую дочь, мою Шочитль. Она изготовила для тебя спасительное снадобье. Боги обучили ее искусству варить эту целительную влагу, дарующую жизнь. Она здесь, за твоим порогом и молит твоего позволения вернуть силы и здоровье великому Кетсалькоатлю. Прикажи, о великий, и она войдет...

— Шочитль... — пробормотал Кетсалькоатль, — Цветок... Он похож на бабочку, красавицу бабочку... Она порхает среди цве-

тов и пьет их нектар... Среди цветущих полей... О жестокое Солнце!.. Цветок не должен увянуть, он не смеет умереть...

Кетсалькоатль бредил; безумные от лихорадки глаза неподвижно глядели вверх. Папанцин нерешительно взглянул туда же, на потолок, словно надеясь увидеть там ответ на свои слова, потом тихо встал и скрылся за занавесью. Через мгновение он вернулся в опочивальню, ведя за руку высокую стройную девушку. Движением головы он показал ей на белое пятно, голову больного Кетсалькоатля, и удалился. Бесшумно ступая босыми ногами по мягкому ковру, девушка нерешительно подошла к ложу. Затем она опустилась на ковер, осторожно приподняла пылающую голову и поднесла к пересохшим губам узкое горлышко изящного кувшина.

— Пей, о Великий! — тихо пропел ее мелодичный голос. — Пей...

Кетсалькоатль судорожно глотнул ароматную жидкость, потом еще и еще. Он пил жадно, не отрываясь от сосуда; нежная, заботливая рука поддерживала его голову...

В плену у Цветка

Кетсалькоатль с трудом открыл глаза. Он хотел приподняться, но голова оказалась такой тяжелой, что он не смог оторвать ее от пушистого покрывала. Кетсалькоатль с удивлением заметил, что в комнате светло — значит, полдень давно миновал. Выходит, он спал долго, ибо заснул, вернее — забылся, ночью, когда Папанцин закончил свой рассказ о том, чего он так боялся.

Горло сжала судорога; сразу захотелось пить. Кетсалькоатль медленно повернулся на бок, и взгляд его уперся в пару огромных неподвижных глаз: две продолговатые миндалины, обрамленные густым веером мохнатых ресниц, смотрели на него с любопытством и настороженностью. Глаза находились так близко — длинные мохнатые ресницы почти касались его лица — и казались столь невероятно прекрасными, что Кетсалькоатль решил, будто он еще не проснулся, и закрыл глаза. Минуту спустя он открыл их снова; глаза-миндалины теперь находились немного дальше, а над ними появились тонкие прямые стрелы бровей. Он заметил, что они медленно удаляются от

него... Появился тонкий нос с горбинкой, яркие сочные губы, синева черных гладких волос, изящная шея, украшенная двойной цепочкой крупных изумрудов, маленькие уши с непомерно большими серьгами из яшмы в прозрачных крохотных мочках...

Кетсалькоатль совершенно явственно ощутил, как что-то нежное и прохладное заползает к нему под голову. Теперь это «что-то» осторожно, но довольно настойчиво пыталось приподнять его отяжелевшую голову. Одновременно он почувствовал на губах знакомый приятный аромат, а в пересохшем рту — холодный, упоительно сладкий напиток.

Кетсалькоатль пил жадно и много. Он чувствовал, как вместе с напитком, утолявшим жажду, в него вливаются бодрость, сила и уверенность. Наконец он оторвался от сосуда и легко и радостно отбросил назад голову.

«Кем могла быть эта девушка и как она сюда попала?» — думал он, рассматривая узоры из перьев на потолке. После того как злые духи проникли в его тело, он ни разу еще не чувствовал себя так легко и хорошо. Неужели это связано с появлением девушки в его покоях? Женщина в его опочивальне?! Раньше они никогда не приходили сюда. Им было запрещено под страхом самых суровых наказаний и даже смерти переступать порог его дворца, и никто никогда не осмелился нарушить приказ. Знает ли она об этом? Кто она и как ее зовут?

— Шочитль, — тихо прозвучал мелодичный голос. — Меня зовут, о человечнейший и милосерднейший господин, Шочитль— дочь твоего верного слуги и раба.

Кетсалькоатль был поражен. Быть может, он бредил вслух? Как она угадала его мысль? Легко, почти без всяких усилий, он повернулся на голос.

Подобрав под себя ноги, девушка сидела прямо на полу, далеко от ложа правителя, почти у самой стены. Теперь он смог разглядеть ее всю целиком, а не только одно лицо, так поразившее его своей совершенной красотой.

Ей было не больше пятнадцати или шестнадцати лет — возраст, когда девушка уже перестает быть ребенком, но еще не обретает величественного великолепия зрелости женщины-матери. Красная короткая юбка плотно облегала в меру полные крутые бедра, одновременно подчеркивая тонкую талию, перехваченную узким ремешком. Собственно, это и была вся ее

одежда, если не считать богатых украшений на шее и тонких запястьях рук. Изумрудные ожерелья, казалось, соединяли стройную длинную шею с узкими покатыми плечами. Упругие девичьи груди по-козьи смотрели в стороны; правая рука упиралась в пол, левая лежала вдоль бедра. На обнаженном гладком колене покоилась изящная тонкая кисть с длинными пальцами, унизанная кольцами.

Кетсалькоатль поймал себя на том, что не просто рассматривает девушку, удовлетворяя естественное любопытство, а с наслаждением любуется этим совершенством красоты и неповторимой свежести, свойственной одной только молодости. Ощущение пьянящего дурмана, проникшего в тело вместе с чудотворным напитком, постепенно усиливалось, и, хотя ему казалось, что сила и бодрость рвутся из его тела наружу, он испытывал такое стремительное головокружение, что снова отбросил голову на ложе. Голова продолжала кружиться, правда, теперь ему было приятно и радостно.

— Шочитль, — то ли позвал, то ли повторил он имя девушки. — Цветок... Он прекрасен и похож на бабочку, красавицу бабочку, порхающую среди цветов... — Кетсалькоатль снова повернулся к девушке лицом.

Девушка вспорхнула, как изящная стрекоза. Она оказалась выше, чем ему показалось вначале, и гораздо стройнее. В безупречных линиях ее фигуры была какая-то детская хрупкость: дотронься до них грубой рукой, и они согнутся, надломятся в болезненном изгибе...

Он позвал к себе Шочитль...

Золотая клетка поздней любви оказалась мучительно приятной. Временами, когда Кетсалькоатль вырывался из дурмана любви и пьянящего напитка, наполнявшего разум сладостным обманом, он принимал решение разорвать паутину, сковывавшую его волю. Но Шочитль, безошибочно угадывавшая душевное состояние своего возлюбленного, успевала неистощимым потоком ласк или кувшином пьянящего напитка, а чаще всего тем и другим снова и снова подчинять себе ослабленную волю и разум правителя Толлана. Он был пленником этого очаровательного Цветка, дурманящий аромат которого, казалось, навсегда лишил его свободы.

Однажды ночью Кетсалькоатля разбудил страшный грохот, сотрясавший дворец. Так он узнал, что, наконец, пришли долгожданные дожди, но сладкий призывный поцелуй и несколько

глотков пульке * — так Шочитль называла свой напиток, ставший теперь для него почти жизненной потребностью, — снова сделали его равнодушным и безразличным ко всему, кроме Шочитль и ее божественного пульке.

Отголоски бурных событий, проходивших где-то там, далеко, вне пределов его маленького сказочно прекрасного мирка, окутанного дурманящим туманом, иногда доходили до него, но он потерял нить, соединявшую его с другой жизнью. Теперь она казалась ему фантастической, потусторонней. Только Шочитль, ее губы, не знающие устали, и пламенные объятия были той реальностью, которой он жил и наслаждался.

Папанцин ни разу не появился во дворце, но Кетсалькоатль постоянно ощущал его незримое присутствие. Еще в первые дни добровольного плена память восстановила разорванную на клочкн картину той мучительной ночи, когда в болезни наступил кризис. Он был убежден, что именно Шочитль — дочь его любимого царедворца — и ее пульке спасли ему жизнь. Это успокаивало, и он верил, что Папанцин обязательно появится в то самое мгновение, когда правитель Толлана будет нуждаться в нем. Его отсутствие он воспринимал как прнрожденную тактичность своего придворного, и Кетсалькоатлю оставалось лишь наслаждаться любовью и ждать, когда Папанцин распахнет двери золотой клетки.

Проклятье Кетсалькоатля

И Папанцин пришел. Но он пришел не один — вместе с ним порог опочивальни правителя Толлана переступили жрецы — служители Храма Тескатлипока. Их было пятеро. В мрачной торжественной позе застыли они прямо у входа, и, пока Папанцин беседовал с Кетсалькоатлем, никто из них не проронил нн единого слова, даже не шелохнулся.

— О человечнейший и всемилостивейший господин наш! — приветствовал Папанцин своего полубога и правителя, почтительно склоняясь до самого пола.

Кетсалькоатль не спал вторую ночь. Два дня назад исчезла

* Пульке — мексиканский напиток из перебродившего сока агавы и меда.

Шочитль и вместе с нею чудесный дурманящий напиток. Любовь самого прелестного создания природы, каким была для Кетсалькоатля Шочитль, и пульке стали для него жизнеиной потребностью. Они вместе, Шочитль и пульке, внезапно и неотвратимо ворвались в его жизнь, нарушив им самим устаиовленные порядки, казавшиеся дотоле незыблемыми. Правда, он был болен в ту страшную иочь; его волей и поступками руководили боги неба или преисподней — не все ли равно? — но потом, лочему потом у него не нашлось силы сорвать зту пелеиу дурмаиа?..

— О человечнейший и всемилостивейший господин наш! — повторил Папанцин, видя, что правитель не обращает на иего никакого вниманиия. — Великий совет жрецов моими устами справляется о твоем здоровье...

...Несколько глотков пульке — как нежно звучало зто слово в устах Шочитль! — и сила и бодрость вернулись бы к нему. Нет, не сила и ие бодрость. Зачем обманывать себя? Пульке заполняло разум и тело сладостной верой в силу, столь же приятиой, сколь обманчивой... «Совет жрецов...» — он не ослышался? Папанцин сказал: «Великий совет жрецов»?! Эти слова заслуживали внимания. Что еще бормочет царедворец?..

— Боги вняли молитвам и древним обрядам... Великий город Толлан — Город Солнца спасен... Земля и люди утолили жажду, они впитывают новые силы... Великий совет жрецов постановил: Храм Тескатлипока станет еще могущественнее, еще величественнее... Ступени его пирамиды еще выше подымутся к солнцу, чтобы молитвы богам еще быстрее доходили до их ушей... Боевые отряды тольтеков готовы выступить на тропу войны... Пусть человечнейший и всемилостивейший господин наш Се Акатль Топильцин прикажет...

— Довольно! — резко оборвал царедворца Кетсалькоатль. — Если в Толлане люди уже не помият имени своего господина и повелителя, то боги не забыли своего брата. Ступай! Завтра на площади Толлана Кетсалькоатль будет говорить со своим народом!..

О том, что произошло в городе во время болезни и своего «плена», Кетсалькоатль узнал от верного жреца-прислужника. Ои давно выделял его среди дворцовой челяди, хотя внешне зто никак не проявлялось. Жрец умел угадывать немые вопросы своего правителя-полубога — не мог же Кетсалькоатль беседовать с простым прислужником! — и отвечать на них едва при-

метным жестом, а иногда и словом, оброненным как бы случайно. И придворной знати оставалось лишь удивляться поразительной осведомленности своего правителя, тщательно скрывавшего ее источник.

Но теперь речь шла о слишком многом, и некогда было думать о предосторожностях. Нужно было узнать все, все, до самых мельчайших подробностей, и Кетсалькоатль позвал жреца-прислужника.

Глухая ненависть и затаенная злоба служителей храма Тескатлипока, лишенных Кетсалькоатлем власти, а вместе с нею и несметных богатств, вырвались на свободу. Свирепый голод, обрушившийся на Толлан, и болезнь правителя-полубога стали их естественными союзниками. Они помогли жрецам возродить ужасный обряд человеческих жертвоприношений. В ту страшную ночь, когда в болезни Кетсалькоатля наступил кризис, началось массовое избиение рабов. Вначале их тащили к Храму Тескатлипока, чтобы вырвать сердце на жертвенном камне у главного алтаря. Потом... потом рабов убивали всюду, где обезумевшие от голода и кровавых оргий тольтеки настигали свои жертвы. Освященное служителями Храма Тескатлипока, возродилось людоедство. Для многих оно было лишь средством избавления от невыносимых страданий, причиняемых голодом. Другие верили в чудодейственную силу древнего обряда: верили, что религия их отцов, от которой они отказались ради своего правителя-полубога — а был ли он богом? — спасет великий Толлан от неминуемой гибели, коль скоро сам Кетсалькоатль не мог их спасти...

День и ночь горели гигантские костры у каменных алтарей Храма Тескатлипока, залитых человеческой кровью. Она не успевала высыхать — жрецы убивали одну жертву за другой. Тысячи тольтеков день и ночь толпились у подножья пирамиды храма. Они молили Тескатлипока простить их отступничество и спасти священный Толлан. Мощный тысячеголосый хор толпы вместе с пламенем и дымом костров устремился вверх, в бесконечную небесную даль, но небо не слышало молитвы. Оно молчало...

Но и этих несчастий оказалось мало. С непостижимой быстротой люди научились готовить пульке. Пьянящий напиток не только утолял жажду — воды не хватало даже для питья, —

он заглушал чувство голода. Пульке пили все — взрослые, дети, старики. Ослабленные голодом, они быстро хмелели, теряя рассудок...

Однажды ночью на город обрушилась страшная гроза. Свирепые молнии разрывали непроглядную черноту неба. Храмы, дворцы и даже пирамиды, казалось, сотрясались от оглушительных раскатов грома. Страх согнал жителей Толлана на главную площадь. Люди шептали: уж не решил ли Кетсалькоатль покарать их своим гневом?..

Внезапно из бездонной темноты откуда-то сверху вырвалось гигантское чудовище. Извиваясь, как змея, оно ослепило своим пышным огненным оперением охваченную ужасом толпу и исчезло в Храме Кетсалькоатля. Вопль отчаяния утонул в невообразимом грохоте. Затем на мгновение все стихло, словно захлебнулось непроглядной тьмой... И вдруг там, за храмом, что-то зашипело, завыло, затрещало... Кроваво-бурое зарево осветило высокие колонны храма; потом оно угасло, чтобы минутой спустя взвиться к небу огромными оранжевыми языками пламени — это пылал Храм Кетсалькоатля!

Восторженный крик жрецов подхватила толпа. Она неистово ликовала, забыв о сомнениях и страхах, еще недавно терзавших ее. Люди приветствовали крушение своего кумира, и тогда небо, как бы желая вознаградить их за перенесенные страдания и торжествуя над поверженным врагом, опрокинуло на землю нескончаемый поток воды.

Ликование было всеобщим. Люди рыдали от счастья; они обнимались, плакали, смеялись, пели и плясали от радости. Косые стрелы тропического ливня безжалостно хлестали их по лицам и обнаженным телам, но никто не обращал на это внимания. И точно так же никто не заметил, что дождь погасил пламя, пожиравшее деревянные постройки Храма Кетсалькоатля — огонь даже не коснулся обители Пернатого змея.

Разве это не было предзнаменованием? Но каким? Кто мог ответить на этот вопрос жителям Толлана?

Шли дни и недели. Земля покрылась буйным зеленым покровом. Сказочно быстро тянулись к солнцу ростки маиса, каждый час наливаясь живительной влагой, которую щедро дарило небо. А в городе по-прежнему было неспокойно.

Жрецы Храма Тескатлипока без устали повторяли, что это они спасли от гибели священный Толлан, и в подтверждение

своих слов каждый день на жертвенном камне храма приносили в жертву Тескатлипока рабов, чудом уцелевших от всеобщих побоищ. Но рабов было мало, и жрецы все настойчивее требовали направить боевые отряды тольтеков на охоту за новыми жертвами для ненасытного и могущественного Тескатлипока. Иначе, говорили они, Тескатлипока сожжет не только Храм Пернатого змея, но весь Толлан. Разве он не предупредил тольтеков, когда зажег своим огнем пристройки храма?

В противоположность им служители храма Кетсалькоатля посвоему толковали минувшие события: они говорили, что Кетсалькоатль сам зажег свой храм, чтобы обратить взоры и разум людей к истинной вере, которой он обучил их. Он показал им свое могущество и грозно предупредил отступников, погасив пламя в тот самый момент, когда казалось, что оно уничтожит Храм Кетсалькоатля. Но, будучи добрым божеством, Кетсалькоатль смилостивился над людьми и послал им одновременно столь долгожданный дождь. Тех же, кто будет верен запрещенным обрядам человеческих жертвоприношений, ждет неминуемая гибель...

Кетсалькоатль молча слушал жреца-прислужника, ни разу не перебив его. Жрец умолк. Не решаясь взглянуть на правителя, он смотрел себе под ноги, будто рассматривал перья разостланного на полу пушистого ковра.

— Ты еще что-то хотел сказать, но боишься. Говори! — тихо произнес Кетсалькоатль.

— О всемогущественный и всемилостивейший господин наш! Наверное, я ошибся, но вчера в каменной беседке Большого сада жрецы твоего храма долго беседовали о чем-то с врагами твоей веры. Я хотел подслушать, но они говорили тихо. Жрецы договорились о чем-то, но о чем — я не знаю!

— Ступай! — бросил отрывисто Кетсалькоатль.

Всю ночь он обдумывал услышанное от верного жреца-прислужника. Где-то в глубине души он надеялся, что вот-вот заколышется покрывало над входом в его опочивальню и на пороге появится Верховный жрец или Папанцин. Однако Кетсалькоатль обманывал сам себя: он страстно ждал и смертельно боялся прихода Шочитль...

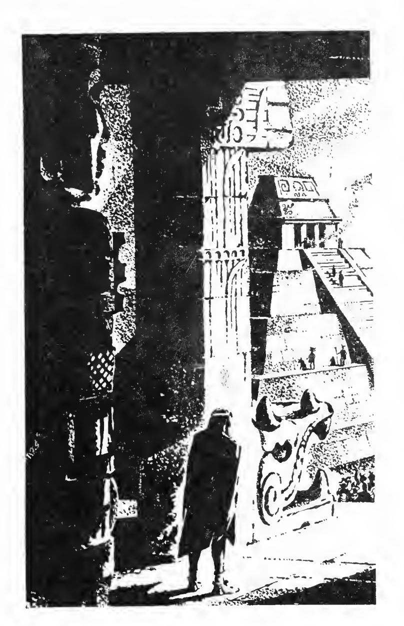
Занавес провисел неподвижно всю ночь. Он не шелохнулся и с наступлением дня, который должен был решить судьбу великого города Толлана. Люди не пожелали прийти на помощь

своему полубогу. Впрочем, разве боги нуждаются в помощи людей?..

Прислонясь головой к «колену» гигантской каменной колонны-воина, Кетсалькоатль не думал о том, что он скажет своему народу. Он знал, что там, внизу, на главной площади, собралась вся тольтекская знать, весь цвет славного города Толлана. Стоя на вершине пирамиды в прохладной тени своего храма-дворца, он не мог видеть робкие взгляды одних и дерзновенно смелые — других, одинаково устремленные сюда, к змеевидным колоннам, мимо которых ему предстояло пройти. Но всем своим разумом, всем своим существом Кетсалькоатль угадывал то тревожное и даже зловещее, чем жила ожидавшая его появления толпа. Ему захотелось бросить все и уйти в свою любимую желтую комнату, туда, где он еще надеялся увидеть свою Шочитль, свой Цветок, свое мимолетное счастье. Он не удержался и даже обернулся, ощутив сзади чей-то пристальный взгляд, но там, в глубине храма, Кетсалькоатль увидел лишь пять неподвижных фигур жрецов со скрещенными на груди руками. Путь к отступлению был отрезан, и Кетсалькоатль шагнул вперед.

Толпа умолкла. Казалось, что площадь внезапно опустела, и только в тлекуилях потрескивал кем-то вновь зажженный священный огонь Пернатого змея. Он горел весело и беззаботно словно не было ни этой площади, ни разодетой толпы, застывшей в немом оцепенении, ни многих лет тяжелых страданий, голода, смерти и грехопадения правителя-полубога, отдавшего свой разум и тело распутству с женщиной и вину; ни человеческих жертвоприношений, залививших кровью камни священного Толлана; ни жестокой смертельной борьбы между сторонниками старой и новой веры, между Тескатлипока и Кетсалькоатлем... Священный огонь горел, вызывая удивление и страх, ненависть и любовь...

Все ждали выхода Кетсалькоатля, и все же его появление оказалось внезапным: из зияющей пустоты черного проема между колонн медленно вышел на яркий солнечный свет высокий худой человек в длинном белом покрывале. Взлохмаченная грива совершенно седых волос и огромная борода обрамляли смертельно бледное некрасивое, почти уродливое лицо правителя-полубога Толлана. Он шел прямо на толпу, и люди в богатых ярких одеяниях расступались перед ним, образуя живой коридор. Но чем больше углублялся Кетсалькоатль в эту

неподвижную людскую массу, направляясь к центру площади, где возвышалась каменная трибуна, тем явственнее он ощущал, как тает оцепенение, охватившее было толпу при его появлении, а вместе с ним и его безграничная власть над судьбами этих людей. Там, наверху, он казался им недоступным божеством; здесь же, на площади, был высокий сгорбившийся старик, обессиленный болезнью и безрассудным беспутством. И хотя любой из них, возможно, был намного хуже и грязнее его, люди на площади не хотели и не могли понять этого. Они видели лишь морщинистое лицо и дряхлую фигуру, неуклюже карабкавшуюся на высокую каменную трибуну. Его взлохмаченные волосы, борода, необычная бледность лица могли вызвать у них лишь смех или в крайнем случае сострадание.

Вначале кто-то тихо хихикнул, потом засмеялся, нет, захохотал громко и заразительно.

Старик уже взобрался на каменную трибуну. Он повернулся в сторону смеющегося и крикнул:

— Люди Толлана! Я проклинаю вас...

И тогда захохотала, засвистела и заулюлюкала вся толпа. Людей охватило безумное веселье, им было невыносимо смешно смотреть на нелепую фигуру этого дряхлого старца, размахивающего длинными жердями рук, торчавшими из-под не менее нелепого белого балдахина. Они видели, как он продолжал что-то кричать, как гримасничало его волосатое лицо, но от этого им становилось еще смешнее... И мало кто из тольтеков услышал последние слова Кетсалькоатля:

— ...Я проклинаю вас, но я вернусь!..

Жрецы храма Тескатлипока, упивавшиеся своей победой, опьяненные вновь обретенным могуществом, а может быть, просто пульке, только наутро следующего дня узнали, что Топильцин, названный по календарному дню своего рождения Се Акатль, незаконнорожденный сын Мишкоатля — основателя великого Толлана, — осмелившийся именовать себя священным именем Кетсалькоатль, бежал во главе небольшого отряда личной гвардии в сторону бескрайнего моря, откуда каждый день приходило на земли тольтеков великое и могучее Солнце... Жрецы послали за беглецами погоню, приказав любой ценой настичь Топильцина и доставить его живым в священный город Толлан, где отступника ждал жертвенный алтарь храма Тескатлипока...

Побоище в Синалоа

Бескрайняя равнина утонула в ночной мгле. Черное небо, укутанное в мягкое покрывало облаков, казалось, опустилось на землю и растеклось студенистым удушьем по бесплодной пустыне. Все застыло, замерло, оцепенело. И только тишина, тягучая и густая, напряжеиио стучащая в висках ритмичными ударами пульса, безраздельно царствовала теперь над природой и людьми, забывшимися на голой камеиистой земле в мучительно-тревожном сне беглецов.

Где-то далеко-далеко жалобно завыл койот. Часовой вздрогнул. Взгляд его воспаленных от усталости и напряжеиия глаз невольно устремился туда, откуда прилетел этот щемящий душу звук. Но там и кругом была лишь одна темнота тропической ночи...

Трое суток без отдыха, еды и сна уходил отряд от преследователей. Трое суток, будто обложеииый охотииками зверь, метался ои по перевалам, среди глубоких ущелий горной гряды, стремясь вырваться из опасного окружения. И только на исходе четвертого дня, когда оставшиеся позади причудливые очертаиия гориых вершин почти слились с линией горизонта, седовласый предводитель отряда разрешил своим вконец измученным людям столь долгожданный отдых. К иочлегу ие готовились: воины падали там, где их застал приказ, мгновеиио засыпая. И лишь один человек остался стоять; он не имел права спать. Ему поручили охранять покой немногочисленного отряда, и он гордился этим. То была великая честь. Только самого сильного, самого выиосливого могли удостоить ее.

Вождь выбрал имеиио его, что ж, часовой не подведет своего вождя. Правда, завтра ему уже ие выдержать нового испытаиия. Завтра на рассвете вместе с отрядом он тронется в свой последний путь. Виачале он стаиет потихоньку отставать от своих отдохиувших за ночь товарищей. Конечио, он догоиит их... Может быть, раза два или три, но потом ноги откажутся повиноваться, и он упадет на землю, уткиувшись лицом в камень и песок. И иикто не остаиовится. И иикто ие перевернет на спииу его безжизиенное тело, чтобы, умирая, ои смог в последний раз насладиться лазурью неповторимо прекрасного неба любимой земли, той земли, от которой так стремительно убегал отряд. Да, ои отправится в мир тринадцати небес. Это

произойдет завтра, а сегодня часовой не сомкнет своих усталых глаз...

Койот снова завыл. Теперь ои был где-то рядом. Часовой поднял голову. Напрягая зрение и слух, он силился понять, почему дикий зверь, обычно избегавший встречи с человеком, так решительно и быстро приближается к иочиому пристанищу беглецов. Но ничего не увидел и не услышал...

Стрела просвистела по-змеиному тихо и тоико. Кровь заклокотала в горле, приглушив предсмертный крик ужаса и боли.

— Трево... — захлебиулся в звеиящей тишине хриплый крик часового, но и этого оказалось достаточно: мертвые от усталости люди мгновенно ожили.

Еще мгновение — и оии уже сомкнулись в боевой строй. Так решительно и быстро могли действовать лишь воины-гвардейцы великого правителя-полубога священного города Толлана. Молча, без едииого возгласа, оии бросились вперед иа едва заметную чериую шеренгу преследователей, наползавшую из темноты...

Сражение длилось долго. Оио не утихало, пока не был сражен последиий из гвардейцев Кетсалькоатля. Никто ие просил пощады. Даже раиеные ие стонали. Только хриплое дыхание да тупые удары боевых палиц и пронзительиый скрежет обсидиаиовых мечей говорили о напряжеиии боя. Ценой огромиых потерь преследователи — их было во много раз больше, чем беглецов, — одолели своего противника.

Величествеииой и ужасной была смерть последнего из воииов Пернатого змея. Весь исколотый пиками и мечами, с обломками стрел, торчащими из кровавых ран, он стоял на иевысоком бугре, силясь еще хоть раз оторвать от плеча свою боевую дубиму, чтобы обрушить ее на головы врагов. С нескрываемым удивлеиием и восхищеиием смотрели преследователи на черный силуэт умирающего воина, резко выделявшийся иа потеплевшем у горизонта ночиом иебе. Оии узиали в ием великого полководца Толлана, командовавшего личной гвардией Кетсалькоатля. Никто не решался нанести смертельный удар этому обессилеииому, но гордому человеку, сильиому духом. Но вот воии-силуэт коивульсивио вздрогиул. Отчаяиным усилием ои стянул с плеча свое грозное оружие, одиако силы окончательио покииули его, и палица вырвалась из рук. Падая, она глухо шмякиулась о безжизиенное тело врага, распластаииое у ног полководца, и нехотя откатилась в сторону. То ли от по-

тери палицы, то ли подчиняясь последнему усилию воли, умирающий резко покачнулся, шагнул в сторону, но не упал. Он выпрямился во весь свой огромный рост, только теперь лицо его было обращено не к врагу, а на восток, откуда должно было появиться солнце.

Внезапно черты искаженного страданиями лица озарила счастливая улыбка, и тут же, как птица, взмахнув руками, с криком «Улетел!» он рухнул на землю.

И тогда воины-победители поняли, что страшное побоище в этой бесплодной пустыне не было их победой. Они поспешили на бугор, теперь уже никем не охранявшийся, и увидели далеко на равнине несколько маленьких темных точек, стремительно убегавших к краснеющей линии горизонта. Одна из точек казалась светлее других.

— Сак бук! — сорвалось с чьих-то запекшихся губ.

Да, это был «белый плащ» великого Пернатого змея, улетавшего к солнцу на восток. И словно по волшебству, огненный диск выплыл из-за горизонта и кроваво-красные лучи небесного светила закрыли своим ослепительным покрывалом маленькие человеческие фигурки, летевшие ему навстречу.

Старший из воинов-преследователей, пав ниц перед обнаженным ликом великого небесного божества, тихо заговорил:

— Великий, всемогущий и всемилостивейший господин наш Солнце! Ты пожелал спрятать беглецов своим сияющим покрывалом. Ты забрал к себе грешного отступника Сак бука. В пустыне нет воды, нет пищи, и страх будет гнать его все дальше и дальше, пока он не придет к твоему Желтому дереву мира. Да, он придет к тебе сам. Прости нас. Мы не смогли остановить его бег. Мы не смогли выполнить приказание твоих великих жрецов. Сак бук не отправится к богам с главного алтаря священного храма Тескатлипока. Прости нас. — Воин встал и, ни к кому не обращаясь, еще тише добавил: — Нам тоже не вернуться в Толлан...

Великий завоеватель

Пути назад не было. Прошлое кануло в черную, как девять подземных миров, вечность. Трон правителя и Верховного жреца могущественного государства тольтеков был утерян навсегда. Нет, не измена Папанцина и многочисленной своры при-

дворных и не предательство жрецов заставили Кетсалькоатля Топильцина поверить, что он окончательно лишился власти над своим огромным царством. Битва с жрецами была проиграна там, на главной площади Толлана, когда тольтекская знать ответила на его слова проклятия безудержным, безумным хохотом. Вот тогда-то и не стало больше ни грозного правителя, ни великого реформатора, ни земного божества Кетсалькоатля — Пернатого змея с его новой религией...

Ужасный, невыносимо-мучительный хохот толпы продолжал звучать в ушах Кетсалькоатля Топильцина. Он не покидал его ни ночью, ни днем, даже в минуты смертельной опасности... Он был всюду и во всем — в скрипе песка и цокоте камней под ногами беглеца, преодолевшего за несколько дней изнурительного похода гигантское расстояние в тысячи полетов стрелы, в хрипе кровавого побоища в Синалоа, когда погибли отважные воины-гвардейцы, прикрывшие своими телами отход свергнутого, безжалостно преследуемого, но не сломленного правителя-вождя, в спасительном журчании ручейка, посланного беглецам богами посреди безводной, выжженной солнцем пустыни, в вое ветра на горных перевалах, в рокоте огромных пенистых валов, выраставших из сине-зеленой бездны океана у песчаных берегов...

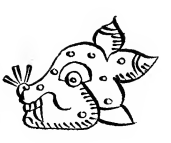
Ему казалось, что высокие, горделиво-прекрасные пальмы вместе с зарослями дикой девственной сельвы, окружившие с трех сторон неприступной стеной новую обитель Кетсалькоатля Топильцина, тихо посмеиваются, хихикают, а иногда и во весь голос хохочут над поверженным правителем-полубогом.

Только люди не осмеливались смеяться в присутствии Кетсалькоатля. Горе тому, кто рискнул бы это сделать.

Как-то однажды жрец-прислужник, поведавший правителю еще в Толлане о сговоре жрецов, играл с малолетним сыном своего властелина Почотлем. Внезапно он тихо рассмеялся забавным проказам малыша. На его несчастье, Кетсалькоатль находился рядом и до его ушей долетел столь ненавистный ему звук. Расплата была ужасной: правитель приказал бросить верного слугу в яму пыток.

Не было в тех землях более страшного и жестокого наказания. Даже на жертвенный камень обреченные шли с надеждой на иную, возможно, более чудесную, чем на земле, жизнь — ведь их ждала встреча с богами! Яма пыток не оставляла никаких надежд. Она была устлана толстым «ковром» из свеже-

срубленных гибких ветвей, сплошь утыканных огромными ядовитыми шипами. Если осужденный пытался выбраться из ямы, ветви, «оживавшие» от малейшего движения, опутывали обнаженное тело жертвы, разрывая кожу в клочья; лежать неподвижно на таком «ковре» было попросту невозможно — яд шипов вызывал

нестерпимый зуд, усиливавшийся от жары и пота. Только смерть могла избавить от нечеловеческих страданий, но она не спешила к обреченным, и «ковер» шевелился и стонал иногда в течение многих невыносимо долгих дней.

Уже несколько лет жил Кетсалькоатль в стране Ноновалько. Он основал свою новую столицу на берегу одного из девяти рукавов дельты многоводной реки Усумасинты, прямо при ее впадении в бескрайний океан. Это было царство без владений и вассалов, государство без страны и даже столица без города — скромный дворец на высоком обрывистом берегу и небольшой храм Кетсалькоатля являлись единственными сооружениями «гнезда» Пернатого змея.

Нет, не случайно выбрал он это место для своей новой столицы. Здесь проходил рубеж; здесь была граница; здесь лежала ничейная земля. Здесь, в долине Девяти рек, как в гигантском муравейнике, жили, копошились, словно в водовороте, многочисленные дикие племена варваров-кочевников. Даже отважные воины Толлана не осмеливались проникать в это царство дикости, необузданной жестокости, безумной храбрости, вечной войны и... ненасытного голода. Постоянно враждовавшие между собой, готовые в любую минуту кинуться в смертельную схватку с каждым, кто захотел бы посягнуть на их неограниченную свободу, на их несуществующие богатства и владения, кто просто был сыт, богат и не ведал, как они, мучительного чувства вечного голода, племена людей ица, кичэ, какчикели, тутульшив представляли великую, грозную, но не организованную силу. Кетсалькоатль знал об этом еще в Толлане, и тольтеки не облагали данью племена, не вторгались в эти ничейные земли, а варвары-кочевники верно служили стражем восточных границ тольтекского государства. Понимали ли они это — трудно сказать. Их жадные взоры изголодавшихся людей были устрем-

лены туда же, куда с опаской и тревогой поглядывали тольтеки. Там, на северо-востоке от долины Девяти рек, в глубине огромного материка, простиравшегося далеко на юг, в туманной дымке таинственной неизвестности угадывались грозные и величественные очертания могущественных и сказочно богатых царств великого и гордого народа майя.

Уже много столетий не осмеливались проникать туда чужеземцы, а тот, кто все же решался предпринять столь рискованное дело, никогда больше не возвращался назад. Один за другим гибли отряды кочевников, совершавшие набеги на богатые владения этих царств. И лишь немногие, самые хитрые и изворотливые купцы умудрялись добираться со своим немногочисленным товаром до самых дальних поселений майя. Вот они-то больше всего и интересовали Кетсалькоатля Топильцина.

Молча выслушивал он рассказы купцов о тучных полях маиса, о гигантских белокаменных городах со взметнувшимися к небу высокими пирамидами, увенчанными храмами божественной красоты, о роскошных дворцах всесильных правителей, о могущественных жрецах и их несметных богатствах, о великих познаниях и мудрости трудолюбивого народа...

Кетсалькоатля интересовало все, до самых мельчайших подробностей, и купцы только удивлялись непонятной им жажде знаний этого свирепого, обросшего волосами могучего исполина. Они знали его необузданный нрав и не без страха поглядывали на яму пыток, рядом с которой имел обыкновение проводить свои беседы с купцами Кетсалькоатль Топильцин. Особенно словоохотливыми они становились тогда, когда «ковер» в яме стонал и шевелился. «Должно быть, предыдущий собеседник правителя оказался чересчур неразговорчивым», — догадывались купцы.

Но никто не знал и даже не предполагал, сколь невероятный план вызревал в голове этого действительно необычного человека. То, что задумал поверженный правитель Толлана, было скорее похоже на бред сумасшедшего или больного, сраженного тропической лихорадкой. Но Кетсалькоатль Топильцин не был ни сумасшедшим, ни больным. Униженный, оскорбленный, доведенный почти до отчаяния сокрушительным поражением в битве с древней религией своих отцов, он все же не мог примириться с мыслью, что ему уже больше не суждено быть Господином, Властителем судеб простых смертных, Великим правителем и жрецом...

Кетсалькоатль Топнльцин сумел найтн в себе снлы, чтобы вырваться из смертельного окружения в Толлане, он спас свою жизнь в безумном состязании с отрядом преследователей. Более того, он снова, как н прежде, обладал поразительной способностью подчинять своей воле окруживших его людей. Он твердо знал, что в Толлане сам проиграл сражение. Жрецы никогда не сбросилн бы его с пьедестала правителя-полубога, если бы он не допустнл роковую ошибку. Зачем, больной, обессиленный страшным зельем, он вышел к народу и спустился прямо в толпу?.. Шочнтль в своей необузданной страстн и стремлении сохранить любимого правнтеля только для себя, сама подорвала его силы н чуть не погубила их обоих...

Время — великнй нсцелитель, и он снова стал самим собою; его уже ннчто не страшило, даже пульке. Вновь он вернл в себя, в свое могущество над людьмн. Ведь недаром вождн диких племен кочевников боялись н преклонялись перед седовласым, но по-прежнему могучим гигантом... Что ж, они не ошибутся в нем. Пернатый змей поведет нх в бой н завоюет мир! Нет, он не пойдет на Толлан. Туда пути не было. Кетсалькоатль никогда не вернется назад. Он пойдет только вперед, в велнкий военный поход. Он все продумал, все решил. Годы, проведенные в долине Девятн рек, не пропали даром. Он точно представлял каждую тропинку, каждое ущелье и перевал, по которым двинутся его боевые отряды в гигантскую страну майя. Он научит варваров воевать, стрелять нз лука, брать приступом высокие каменные пирамиды; он заставит нх месяцамн терпелнво выжидать часа н минуты, когда нужно совершить очередной бросок, чтобы застать на вражеских полях уже зрелый маис, тыкву и фасоль. Войско не может нестн с собой провиант — на себе сколько унесешь? Голод же плохой советчнк, н, чтобы воины не разбегалнсь в понсках съедобных кореннй, Кетсалькоатль будет приводить их к стенам вражеского города, когда тучнеют поля, а город ослаблен и нуждается в пополненни запасов благословенного кормнльца-маиса. Да, он предусмотрел все и даже знал наперечет колодцы н ручьи, где боевые отряды смогут утолнть жажду во время похода.

Горе вам, людн великого народа, горе вам, утопающие в роскоши правители н жрецы! Пернатый змей несет конец вашему всемогуществу! Он воспользуется тем, что вы грызетесь между собой, словно свора взбесившихся псов. Берегитесь! Великий Пернатый змей двинет на вас черные тучи своих изголо-

давшихся воинов, не знающих страха и жалости. Великий змей расправляет перья для великого полета!..

— Великие вожди! Владыки мира! Пернатый змей собрал вас сюда для военного совета! — Кетсалькоатль стоял в центре живого круга, образованного сидевшими прямо на земле на корточках людьми. — К'ук'улькан будет говорить с великими вождями! Слушайте меня, священного Пернатого змея!

Вожди почтительно склонили головы, скрестив руки на груди. Они явно были довольны столь лестным для них обращением. К тому же Великий правитель и жрец впервые назвал свое имя Пернатого змея на их родном языке.

— Великие вожди! Владыки мира! Голодная смерть не лучше смерти на полях наших врагов. Но маленькое облако никогда не закроет своей тенью даже самое маленькое поле, даже самое маленькое селение. Я соберу облака в тучи и закрою ими солнце над всей вражеской землей. Мы налетим на самые богатые поля мира! Мы обрушимся на самые плодородные долины! Мы сметем с земли самые большие города! Они будут казаться жалкими селениями бедняков, когда мы построим свою столицу — новую обитель великого К'ук'улькана — непобедимого Пернатого змея!.. Земля задрожит под нашими ногами! Люди и звери будут трепетать перед нашим великим царством! К'ук'улькан насытит свое чрево человеческой плотью! Пусть встанут девять рек и выйдут из своих берегов. Мы затопим телами своих врагов весь мир! Мы будем царствовать всюду! Великий К'ук'улькан спустился с неба, чтобы покорить весь мир! К'ук'улькан и его братья идут великой войной!

Атилла или Александр Македонский?

Очень трудно представить, хотя мы и попытались это сделать в предшествующем рассказе, какие слова нашел Се Акатль Топильцин Кетсалькоатль, чтобы убедить диких варваров-кочевников предпринять именно

под его руководством одно из самых грандиозных завоеваний, какое только знает история человечества. Гораздо проще разобраться в объективных причинах, толкнувших на это кочевников. Зажатые в долине реки Усумасинта государствами тольтеков и майя Классического периода, разрозненные племена кочевников, принадлежавшие, как и майя, к единой языковой семье майя-кичэ, находились на более низкой ступени общественного развития. Поэтому они видели для себя в ограблении поселений земледельцев единственный выход и спасение. Голод был той движущей силой, которая толкала их на тучные поля маиса, возделанные крестьянами-земледельцами. Охота и собирательство — основное занятие кочевников, — так же как и набеги малыми силами, не могли ликвидировать состояние систематического недоедания племен, численность которых к тому же постоянно возрастала. Они грабили и убивали и делали это лишь для того, чтобы не умереть с голоду, преодолеть который иным путем в силу своей отсталости попросту не умели.

Легко понять, что в этих условиях перед Кетсалькоатлем Топильцином, вряд ли утратившим честолюбие после изгнания из Толлана — скорее наоборот, это чувство лишь обострилось, — лежало великолепное поле для «агитационной» деятельности в пользу военного похода против богатых государств земледельцев майя. Несомненно, что Кетсалькоатль продолжал считать себя тольтеком и поход на Толлан счел бы предательством. Более того, судя по сохранившимся памятникам тех времен, Пернатый змей весьма решительно насаждал тольтекскую культуру и, возможно, даже выдавал себя за царствующего правителя Толлана. В величии Толлана он черпал для себя моральную силу.

История не сохранила для нас сведений ни о «методике», ни о «пропагандистском» содержании проделанной Кетсалькоатлем Топильцином работы, но его «агитация» возымела действие: боевые отряды кочевников, объединенные по племенным признакам (то есть по прямому родству), двинулись на Юкатан и

в Гватемалу. Так началась уму непостижимая военная операция, во главе которой встал бывший правитель Толлана.

«Грандиозное», «уму непостижимое» — не слишком ли это громкие слова для оценки весьма далеких и к тому же не столь глубоко исследованных событий, кстати, по причине недостаточности сведений о них? Нет! Нет! И еще раз — нет!

Что же дает нам право на столь категорическое утверждение? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте

еще раз восстановим ход тогдашних событий и попытаемся разобраться в них.

По памятникам материальной культуры и письменным источникам колониального периода достоверно известно, что в год 8 Текпатль (876 год) правителем Толлана становится Се Акатль Топильцин, принявший также титул (жреческое звание?) Кетсалькоатля. В результате каких-то внутренних распрей, — скорее всего на религиозной основе, хотя не следует забывать, что он был незаконнорожденным сыном осно-

вателя Толлана — он был вынужден бежать из своей столицы. Известна такая деталь: за ним была послана погоня; преследователи настигли отряд беглеца в пустыне Синалоа * и полностью уничтожили его, однако сам Кетсалькоатль Топильцин спасся.

Через несколько лет (на рубеже первого и второго десятилетия X века нашей эры) Кетсалькоатль Топильцин вновь появляется на исторической сцене: он оказывается в стране Ноновалько, или долине Девяти рек (по числу рукавов дельты реки Усумасинты, штат Табаско). Известно также название резиденции тольтеков — Тулапан-Чиконаухтлан (Столица страны девяти рек). Можно предположить, что из Толлана сюда перебираются и некоторые из уцелевших сторонников свергнутого правителя. Теперь уже Топильцина зовут К'ук'ульканом, то есть тем же Пернатым змеем, но на языке майя.

Именно отсюда К'ук'улькан во главе отрядов людей ица начинает свой победоносный поход во владения майя (928 год). Но это не очередной набег кочевников; одновременно снимаются с насиженных мест и другие «люди» (племена): тутуль-шив (двигаются на Юкатан через юкатанскую пустыню), кичэ и какчикели (уходят в Гватемалу). Все это, повторяем, происходит одновременно.

В течение нескольких столетий (!) никто не решался вторгаться во владения грозных и могущественных городов-государств классических майя. Их «городское ополчение» — отлично организованное и дисциплинированное войско — слыло непобедимым. Многочисленные пирамиды, храмы и дворцы внушали не только восхищение, но и страх: они казались неприступными крепостями. Огромные богатства были собраны в руках всесильных правителей и жрецов. Большая плотность населения, сконцентрированного вокруг крупных и малых религиозных центров, создавала впечатление, что обитателям этих земель нет счета и конца.

---

* По-видимому, территория нынешнего штата Мексики с тем же названием не имеет отношения к этой местности.

К'ук'улькан не мог не знать всего этого, и все же он решился на то, что казалось невероятным. Почему? Видимо, он сумел разобраться в другом, куда более важном явлении в жизни классических майя: благополучие и могущество их государств были уже подорваны изнутри непреодолимыми противоречиями общественного характера, и между городами шла ожесточенная борьба (пусть читатель не подумает, что мы приписываем К'ук'ульхану современную научную терминологию; он пользовался иными терминами, понятиями и категориями).

Выступление варваров-кочевников против классических майя было исторически неизбежно. Сама жизнь поставила его на повестку дня. Нужно было только уловить подходящий момент. История «поручила» это сделать К'ук'улькану. Именно он двинул в великий поход боевые отряды ица, тутуль-шив, кичэ и какчикели.

Поразительно то, что варвары-кочевники приходили именно тогда и именно туда где им было легче всего одолеть сопротивление классических майя. Затем, накопив силы, они наносили новый удар в нужный момент и по самому слабому месту. А если при этом мы вспомним о «технических» средствах ведения войны, которыми они располагали, и измерим по карте пройденные воинами расстояния, станет очевидным, что вся эта гигантская военная кампания могла быть осуществлена лишь по строго и заблаговременно разработанному стратегическому и тактическому плану.

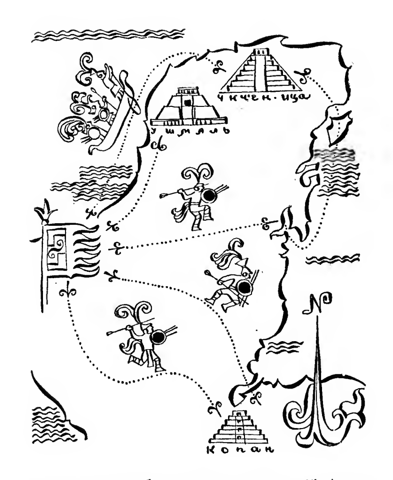
Орды К'ук'улькана прошли пешком тысячи километров! Они несли на себе всю военную амуницию и запасы продовольствия, поскольку у них не было ни вьючных животных, ни гужевого транспорта, ни телег или повозок — они не знали принципа вращающегося колеса. Они даже не могли использовать пленных для переноски грузов: ведь раба нужно обеспечивать тем же провиантом, и следовательно, он был совершенно неэффективным и к тому же весьма опасным средством транспортировки груза. В этих условиях мексиканское войско могло продержаться

в поле не более трех-четырех дней, а завоевание Юкатана и Гватемалы заняло несколько десятилетий!

Не вызывает сомнений, что К'ук'улькан задолго до начала похода организовал исключительную разведывательную службу. Именно она позволила ему не только спланировать столь невероятное по масштабам, да и по замыслу мероприятие, но и блестяще осуществить его. По-видимому, при разработке своих планов он использовал некое подобие детально и достаточно точно составленных карт. Военная тактика К'ук'улькана была весьма разнообразна. Например, часть боевых отрядов он перебросил на лодках на остров Косумель, откуда в решающий момент высадил «морской десант». Представляется обязательным, что из числа своих приближенных тольтеков К'ук'улькан создал «генеральный штаб», члены которого позднее встали во главе боевых отрядов (почти все военачальники носили тольтекские имена).

Словом, кем бы в действительности ни был К'ук'улькан, в бытность Кетсалькоатля древняя мексиканская легенда называла его великим правителем, реформатором, отцом многих наук и ремесел — вряд ли найдется в древней истории человечества более гениальный стратег и выдающийся полководец. Это тем более удивительно, что стратегом и полководцем он становится после ошеломляющего падения с вершины «общественной лестницы». Но он не стал правителем-неудачником, подобно египетскому фараону Эхнатону. К'ук'улькан сумел побороть невзгоды злосчастной «судьбы» и вписать свое имя в ряды самых выдающихся военачальников всех времен и народов.

Есть еще одна интересная деталь, заставляющая искренне восхищаться этим поистине удивительным человеком и даже говорить о его своеобразной духовной красоте, если таковая вообще свойственна завоевателям. Эта деталь, эта черта характера К'ук'улькана резко отличает его, скажем, от Атиллы или Чингисхана, с которыми он может соперничать военной славой. Они оставляли после себя груды дымящихся развалин, уничтожая все на пути. Не уступая в же-

стокости своим собратьям «по ремеслу», К'ук'улькан все же сумел удержать дикое воинство кочевников от бессмысленного уничтожения цивилизации майя. Он был скорее американским Александром Македонским. Причем самым убедительным доказательством в пользу подобного утверждения служат развалины городов майя в Гватемале, завоевание которой проходило без непосредственного участия Пернатого змея, хотя и под его знаменами.

Однако не следует излишне идеализировать нашего героя. Ведь именно с приходом тольтеков на землях майя пышным смертоносным цветком распустился жестокий обряд человеческих жертвоприношений. Он достиг огромных масштабов, и кто знает, сколько тысяч и тысяч людей погибло на жертвенных камнях благодаря этой «заслуге» К'ук'улькана...

В 968 году четыре отряда людей ица вторгаются в северный Юкатан, захватывают город Ук-Йабналь и переименовывают древнюю столицу майя в город Чич'ен-Ица. Их вел в бой все тот же К'ук'улькан. Так заканчивается разгром классических майя. Но, повидимому, последний этап великого завоевания варварами-кочевниками земель майя проходил уже не под руководством Се Акатля Топильцина, а скорее всего его сына Почотля, унаследовавшего от своего отца вместе с властью и имя Пернатого змея.

...Шли годы. Люди Толлана давно позабыли трагические события, пережитые их городом, но легенда о Кетсалькоатле, о его проклятье и угрозе вернуться, чтобы отомстить за себя, продолжала жить.

Много десятилетий спустя под ударами кочевников пал Толлан, исчезла могучая империя тольтеков, но не погибла легенда: по прошествии четырех столетий она жестоко отомстила их далеким потомкам.

Язык и дешифровка

Поскольку Пернатый змей, ныне К'ук'улькан, покинул свою новую резиденцию Тулапан-Чиконаухтлан и устремился в великий поход, чтобы снова прославить свое священное имя, и нам неизвестно, где и каким станет его новое «гнездо», мы воспользуемся этим обстоятельством, чтобы продолжить разговор о дешифровке неизвестных письмен.

Он был прерван на том самом месте, когда выяснилось, что молодому советскому ученому Юрию

Кнорозову благодаря разработанной им оригинальной системе числовых показателей и ее успешному применению при анализе трех сохранившихся рукописей майя удалось доказать, что письменность древних майя была иероглифической. Это важное открытие имело решающее значение для дальнейшей работы по дешифровке. Был указан конкретный и единственно правильный путь, по которому должны идти исследователи в сложном и невероятно тяжелом научном поиске.

Но прежде чем удалось приступить ко второму этапу дешифровки, на повестку дня неожиданно встал вопрос, который на первый взгляд может показаться не то чтобы странным, а пожалуй, даже несколько наивным: а известно ли, на каком, собственно, языке написаны интересующие нас рукописи?

— Ну вот, — скажет читатель. — Говорили, говорили о рукописях майя, а выходит, что еще даже неизвестно, на каком языке они написаны?!.

Как это ни парадоксально звучит, но при дешифровке неизвестных письмен вопрос о языке, на котором они написаны, в одинаковой степени может быть и решающим и ничего не решающим.

Сразу же оговоримся, что знание языка рукописи — идеальное благоприятное условие для ее дешифровки. Если же письмо является буквенно-звуковым, то есть каждому звуку (или сочетанию звуков) соответствует конкретный знак (или их сочетание) и знаки сами по себе не несут смысловую нагрузку, а лишь передают звуковую речь, дешифровка такого письма без знания языка вообще исключается (по крайней мере на сегодняшнем уровне научных и технических возможностей). Однако можно привести совершенно противоположный пример (правда, не с буквенно-звуковой письменностью): шумерские тексты были дешифрованы и полностью переведены, хотя вот уже несколько тысячелетий язык шумеров не звучит на нашей планете. На нем никто не говорит, и в этом смысле его никто не знает. Если бы сейчас удалось каким-то чудом воскресить шумера, с ним можно было бы без особого труда

сразу же объясниться письменно, однако, если воскресший оказался бы, к несчастью, неграмотным, его пришлось бы в срочном порядке обучить либо шумерской грамоте, либо одному из современных языков (трудно сказать, чему следовало бы отдать предпочтение).

Поскольку развитое иероглифическое письмо — а письмо рукописей майя было именно таким — передает в том числе и звуковую речь (об этом мы расскажем подробнее несколько позже), знание языка рукописей приобретало решающее значение.

Все исследователи рукописей исходили из того, что они написаны на языке майя, однако на втором этапе дешифровки вопрос стоял уже не о предположениях на этот счет, а о достоверных фактах, которые подтвердили бы их или опровергли. Ибо для науки, даже для решения самой частной научной проблемы, какой бы незначительной она ни казалась, одних предположений недостаточно. Правда, без предположений, без умозрительного поиска не было бы и самой науки.

Однако вернемся к нашему, как оказалось, не такому уж наивному вопросу: на каком языке написаны интересующие нас рукописи? Есть ли в распоряжении исследователей достаточно достоверные данные, позволяющие утверждать, что неизвестные тексты — это тексты на языке майя?

Естественнее всего предположить, что исследуемые тексты написаны на языке тех, кто пользовался ими, то есть на майя. Это выглядит наиболее логично и убедительно просто. То, что рукописи попали в Европу из Юкатана, территории, на которой в течение многих веков проживали майя, не вызывает сомнений, но ни о чем еще не говорит.

От испанцев было известно, что рукописи составлялись местным жречеством и являлись сферой его деятельности, но и это не может служить абсолютным доказательством того, что жрецы майя делали свои записи на языке майя. Не только теория, но и практика по сей день дает немало примеров, когда культовая служба велась и ведется не на местном

языке, не говоря уже о диалектах, а на каком-то особом, иногда даже мертвом языке.

Возьмите, например, католическую религию. В Чили, Вьетнаме, Италии, Китае, Польше, Франции, СССР, как и в любой другой стране, в которой имеется хотя бы одна-единственная католическая церковь, служба в ней ведется только на латыни. Но на латыни сегодня не говорит ни один народ мира; латынь уже много столетий причислена к мертвым языкам. И если для чилийцев, говорящих по-испански, итальянцев или французов, также принадлежащих к романоязычным народам, латынь — относительно близкая «родственница» и даже прародительница их родных языков, этого никак нельзя сказать ни о языке поляков, ни китайцев, ни вьетнамцев, ни народов Советского Союза, как и любой другой не романоязычной страны.

Может быть, и древние майя, вернее их жрецы, подобно католическим священникам, также у кого-то заимствовали свой культовый язык и письменность, с помощью которой он закреплялся? Но тогда у кого? У кого они могли их заимствовать?

Цивилизация майя была, несомненно, самой высокой и, пожалуй, самой древней на Американском континенте. Мы говорим «пожалуй» только потому, что, как уже указывалось, пока нет абсолютно достоверных доказательств, подтверждающих прямое родство цивилизации майя с ольмекской культурой — самой древней культурой Америки. И все же есть немало весьма убедительных доводов, настойчиво требующих признания древних майя прямыми наследниками ольмеков, и среди этих доводов важное место занимает бесспорное сходство письменных и цифровых знаков, сохранившихся на ольмекских памятниках, со знаками письменности майя. Из этого следует только один вывод: если ольмеки и майя — ступени одной языковой «лестницы», древним майя, «потомкам» ольмеков, попросту не у кого было ни заимствовать письменность, ни тем более писать свои рукописи на чужом языке: они могли писать только на своем языке, на языке майя.

В пользу такого утверждения, наконец, есть и прямые свидетельства самих испанцев. Вот что написал, например, Ланда в своем «Сообщении о делах в Юкатане»:

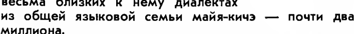
«Эти люди (то есть индейцы майя) употребляли также определенные знаки или буквы, которыми они записывали в своих книгах свои древние дела и свои науки. По ним, по фигурам и некоторым знакам в фигурах они узнавали свои дела, сообщали их и обучали. Мы нашли у них большое количество книг (написанных этими буквами), и, так как в них не было ничего, в чем не имелось бы суеверия и лжи демона, мы их все сожгли; это их удивительно огорчило и причинило им страдание...»

Ланда в «Сообщении о делах в Юкатане» приводит также пример написания упомянутыми знаками нескольких слов. Это слова из языка майя, того языка, на котором они говорили. Следовательно, их письменность была приспособлена передавать их устную речь, то есть обслуживала ее.

Только теперь, пожалуй, мы имеем достаточно оснований утверждать, что исследуемые рукописи действительно были написаны на языке майя.

Однако на этом, к сожалению, вопрос о языке не исчерпывается. Язык не относится к постоянным категориям. Он невероятно чувствителен к малейшим социально-экономическим явлениям в жизни своего народа и непрерывно изменяется под их воздействием. Но язык не мембрана; он не только улавливает и передает эти изменения, но и закрепляет их в коллективной памяти говорящего на нем народа. Постепенно одни слова отмирают; другие прочно входят в речевой обиход; третьи, полностью сохраняя звуковую и графическую внешность, решительно меняют свое первоначальное значение, передавая совсем иной, порой и противоположный смысл.

Язык живет жизнью народа; вместе с ним он радуется и страдает, строит и разрушает, но если жизнь народа немыслима без языка, сам язык — история знает такие случаи — способен иногда пережить своего создателя и через многие тысячелетия поведать

о нем людям, как это произошло, например, с шумерской цивилизацией.

На языке майя сегодня говорят несколько сот тысяч человек, живущих на Юкатане, а на родственных, весьма близких к нему диалектах из общей языковой семьи майя-кичэ — почти два миллиона.

Язык сегодняшних майя значительно отличается от языка XVI века, когда к берегам Юкатана впервые подошли корабли испанских конкистадоров. Первые из них под предводительством Франсиско Эрнандеса Кордоба пытались высадиться на Юкатан ровно четыреста пятьдесят лет назад — в 1517 году, однако испанцам было оказано столь решительное сопротивление, что только через четверть века (1541—1546 годы) им с большим трудом все же удалось завоевать земли, принадлежавшие древнему американскому народу.

По записям испанских миссионеров можно составить довольно точное представление о языке майя того периода. Это позволило установить весьма существенную разницу между языком майя XVI и XX веков. Тем более невероятно предположить, что язык текстов рукописей идентичен языку майя XVI века (не говоря уже о современном).

Почему? На это есть много причин.

Прежде всего удалось установить, что рукописи были написаны задолго до прихода испанцев. Об этом говорят календарные даты и форма их написания; характер изображения отдельных богов, совпадающий с изображениями этих же богов на стелах, датировка которых известна; упоминание отдельных названий городов (например, в Парижской рукописи часто упоминается город Майяпан, что достаточно убедительно привязывает рукопись к периоду гегемонии этого города); и наконец, состояние рукописей (сохранность «бумаги», красок и т. д.) помогает определить их возраст.

Основываясь на этих данных, Ю. В. Кнорозов при-

ходит к заключению, что Дрезденская рукопись была написана до XIII века (XI—XII); Мадридская — до XV (XIV); Парижская — в XIV—XV веках (период гегемонии города Майяпана).

В истории майя XI—XV века были периодом гигантских потрясений, когда на Юкатан одна за другой обрушивались волны событий, резко отражавшихся не только на привычном укладе жизни населявших его народов, но и приводивших к исчезновению целых городов-государств и появлению новых столиц-гегемонов. Это был период ожесточенной междоусобной борьбы и раздробленности, в которую постоянно вклинивались нашествия инородных племен и варваров-кочевников. Язык майя не мог не претерпеть значительных изменений за эти бурные века их истории.

Совершенно очевидно также, что жрецы пользовались для написания своих текстов не современным им разговорным языком XI—XV веков, когда составлялись рукописи, а каким-то особым, «подсказанным» жрецам самим письмом. В чем тут дело? Не впадаем ли мы в противоречие с тем, что говорилось выше, в частности о латыни? Попробуем разобраться и в этом вопросе. Необходимо пояснить, что по сравнению с устным языком письмо всегда является куда более консервативной формой его бытия. Причем консерватизм, сам по себе характерный для письма, к тому же, как правило, искусственно культивируется теми, кому оно доступно. Не забывайте, что речь идет о рабовладельческом обществе, да еще на самом начальном этапе. Следовательно, письменность была достоянием лишь жречества и знати, то есть господствующих классов. Они не только стремились удалить письмо от простого народа, но и придавали ему характер чего-то недоступного, сверхъестественного, мистического, превращая письмо в еще одно орудие своего господства.

Из сказанного можно сделать вывод, что если рукописи майя и были написаны сравнительно недавно, примерно в XI—XV веках, зато их писали языком, весьма близким или идентичным с древним

письменным языком, сложившимся, как полагает Ю. В. Кнорозов, по-видимому, на рубеже нашей эры, а может, и раньше. Отсюда легко понять, что разница между языком текстов рукописей и современным языком майя — по времени их разделяют два тысячелетия! — должна быть достаточно велика. Она, например, может достигнуть такой же степени, как между латынью и, скажем, испанским или французским или между языком Киевской Руси и тем, на котором мы с вами говорим. Язык рукописей мог быть мертвым языком; это была местная «латынь», дальняя, но прямая «родственница» языка народа майя, а скорее всего родоначальница всей языковой семьи майя-кичэ.

Следовательно, современному дешифровщику необходимо проследить эволюцию языка (как бы сделать «срез» во времени), его грамматики и лексики, на протяжении двадцати столетий! И если верхние слои — язык майя XX века, на котором сегодня говорит этот народ, — лежат прямо на поверхности, нижний слой — язык трех известных нам рукописей — так глубоко зарыт в толщу прошедших веков, что добраться до него кажется делом невероятным. В довершение всего возникает заколдованный круг: чтобы дешифровать рукописи майя, необходимо знать особенности языка, на котором они написаны, а единственным достоверным источником познания этих особенностей и, следовательно, древнего языка вообще являются три упорно молчащие рукописи...

Поиск продолжается...

И снова, уже в который раз, Юрий Кнорозов просматривает страницу за страницей манускрипты Ланды и других свидетелей и составителей хроник времен испанской конкисты Мексики и Юкатана.

Нужно найти хоть какую-нибудь зацепку, пусть небольшой, но подлинный языковой «срез» из более ранних слоев языка майя, предшествовавших испанскому завоеванию.

«...У них есть басни или предания очень предосудительные, — писал в XVII веке испанец Санчес де Агиляр. — Некоторые они записывали, сохраняют их, читают на своих собраниях. Такую тетрадь я отобрал у учителя при часовне селения Сукон по имени Куйтун....»

...«Басни»?.. «Предания»?.. Ну, конечно, это первое упоминание о так называемых «книгах Чилам Балам», как сейчас именуются рукописные тексты, записанные индейцами майя еще в XVI веке. О них, например, говорит в своей «Истории Юкатана» Диего Лопес де Когольюдо, автор XVII века. Индейцы писали их на своем родном языке — на майя, но не иероглифами, а латинскими буквами (латиницей). «Книги Чилам Балам» — общепринятое название этих старых текстов, но оно довольно условно. Его возникновение связано с знаменитым чиланом (прорицателем — на языке майя) по имени Балам, который жил в городе Мани во времена испанского завоевания Юкатана, хотя сами «книги Чилам Балам» составлялись, несомненно, позже.

Много «книг Чилам Балам» собрал и исследовал в XIX веке Пио Перес. Он скопировал и опубликовал некоторые из них (1837 год), и они так и вошли в мировую литературу как «Рукописи Переса». «Книги Чилам Балам» были обнаружены и в более поздние времена. Одна из последних находок датируется 1942 годом, когда в столице Юкатана городе Мериде случайно нашли рукописный текст «Песен из Дзитбальче».

Именно они, «книги Чилам Балам», оказали неоценимую услугу в сложнейшей «археологической» работе по выявлению особенностей языка древних текстов, да и по дешифровке иероглифических рукописей майя.

Когда иероглифическое письмо было запрещено испанскими монахами, а древние книги сожжены,

индейцы майя стали записывать латиницей в «книгах Чилам Балам» свои пророчества, мифы, хроники, восходящие к древнему периоду их истории. Правда, все это оказалось в хаотической смеси с более современными текстами, относящимися к XVI веку, и даже с переводами... из испанских книг.

Юрий Кнорозов тщательно, самым детальным образом изучает «книги Чилам Балам». Он отсеивает нужное от бесполезного, исследует каждую фразу, каждое слово. Наконец, впервые делает перевод на русский язык основных текстов из «книг Чилам Балам», восходящих к доиспанским временам. Тяжелый труд вознаграждается с лихвой, тексты содержат именно то, в чем так нуждался ученый: древние слова языка майя, жреческую терминологию (к тому же «озвученную» с помощью латиницы) — неоценимый материал попадает в руки дешифровщика!

Теперь уже сами тексты заново подвергаются полному и всестороннему анализу. Они сопоставляются с современным языком майя и с языком XVI века, и постепенно появляется тот самый многослойный «срез» (подобный археологическому), который разрешает еще одну труднейшую задачу дешифровки.

Юрий Кнорозов изучает грамматику майя; ему удается «препарировать» грамматическую структуру языка, несмотря на ее исключительную сложность, на непривычные для европейца языковые формы и категории. Достаточно привести такой пример: глаголы майя должны иметь показатели субъекта действия и объекта действия одновременно! Объяснить подобные требования языка майя примером на русском языке совершенно невозможно.

Необычайно сложна и лексика: слова как бы располагаются по различным временным слоям (подобно слоям в археологии), начиная с заимствований из испанского и даже английского языков — «верхние слои», кончая слоями, уходящими в глубь веков, к эпохе, предшествовавшей рождению пер-

вых городов-государств майя на рубеже нашей эры.

Эти исследования наглядно показали, сколь наивными были попытки читать иероглифические тексты рукописей на языке майя XVI или даже XIX века.

Песнь о взятии города Чич'ен-Ица

Мы только что говорили о так называемых «книгах Чилам Балам», написанных индейцами на языке майя латиницей. Нет сомнений, что какая-то часть этих текстов переписывалась с иероглифических рукописей майя скорее всего по памяти, а может, и непосредственно с самих манускриптов. Делалось это тайно — индейцам приходилось со всеми предосторожностями скрывать рукописи, поскольку они хорошо помнили жестокую расправу, учиненную главой францисканских монахов Диего де Ландой.

Между прочим, именно это обстоятельство — соблюдение строжайшей тайны вокруг всего, что было связано с иероглифическими текстами, дает серьезные основания предполагать, что и в дальнейшем могут быть обнаружены не только «книги Чилам Балам», но и новые иероглифические рукописи. Кстати, это уже имело место. Так, в начале нашего века на Юкатане была найдена рукопись майя, тщательно упакованная в глиняном сосуде. Впоследствии она погибла при случайных обстоятельствах, и с нее даже не успели снять копию. Кроме того, при раскопках города Вашактуна (Гватемала) были найдены истлевшие от сырости остатки другой рукописи; разрушенную временем рукопись не удалось восстановить.

Нам уже известно, что тексты «книг Чилам Балам» содержат, как правило, пророчества, древнюю мифологию и сведения исторического характера. И толь-

ко одна из них, «книга Чилам Балам» из Чумайэля (название селения, где она была обнаружена), сохранила образец эпоса древних майя. В ней неизвестный переписчик записал древнее сказание: «Песнь о взятии города Чич'ен-Ица». Вот оно *:

Такой след оставил владыка Хунак Кеель.
Песнь.
Эй, что достойно нас?
Драгоценная подвеска на груди.
Эй, что украшает доблестных людей?
Мой плащ, моя повязка.
Не боги ли так повелели?
Что тогда оплакивать?
Таков и каждый из нас.
Молодым юношей был я в Чич'ен-Ица,
Когда пришел захватывать страну злой предводитель войска.
Они здесь!
В Чич'ен-Ица теперь горе.
Враги идут!
Эй! В день 1 Имиш
Был схвачен владыка у Западного колодца.
Эй! Где же ты был, бог?
Эй! Это было в день 1 Имиш, сказал он.
В Чич'ен-Ица теперь горе.
Враги идут!
Прячьте! Прячьте!
Так кричали все.
Прячьте! Прячьте!
Это знают бежавшие сюда.
Таков был клич в день 1 Йашк'ин,
В страшный день, 2 Ак'баль, они пришли.
Они здесь! Враги идут!
Был ли кто-нибудь, кто поднялся?
Второй раз мы испытали силу.
Они здесь!
Трижды был праздник наших врагов, наших врагов!
Голод!
Скоро он придет в Чич'ен-Ица, там теперь горе!
Враги идут!
3 К'ан был тот день.
Смотрите! Кто я, говорящий среди людей?
Я покрыт листьями.
Внимайте! Кто я, говорящий в глубине Чак'ан путуна?
Вы не знаете меня.
Внимайте! Я был рожден ночью.

* Перевод с майя Ю. В. Кнорозова.

Какими мы были рождены?
Внимайте! Мы спутники владыки Мискита.
Придет конец бедствиям.
Эй! Я вспомню свою дорожную песню.
Теперь горе.
Враги идут!
Внимайте, сказал он, я умираю на городском празднике.
Внимайте, сказал он, я снова приду, чтобы разрушить
город врагов.
Это было его желание, мысли его сердца.
Они меня не уничтожили!
Я говорю в своей песне о том, о чем я вспомнил.
Теперь горе.
Они здесь! Враги идут!..

Не вызывает сомнений, что «Песнь о взятии города Чич'ен-Ица» сочинил очевидец военного разгрома и крушения этого города-государства. «...Молодым юношей был я в Чич'ен-Ица, когда пришел захватывать страну злой предводитель войска...» — горестно плачет он о страшном нашествии врагов. Автор «Песни» называет нам и имя предводителя, напавшего на его родной город, — «владыка Хунак Кеель».

Однако кто такой Хунак Кеель и почему его войска напали на город Чич'ен-Ица? «Песня», к сожалению, не дает ответа на эти вопросы. Поэтому, чтобы разобраться в событиях, столь трагически описанных в «Песне о взятии города Чич'ен-Ица», нам придется заглянуть в ту тревожную эпоху, когда они разыгрались на Юкатане.

Тем более что любой рассказ о майя не может пройти мимо священного города Чич'ен-Ица — одного из самых выдающихся архитектурных ансамблей, созданных человеческим гением.

К тому же именно с городом Чич'ен-Ица прежде всего связана целая эпоха в истории народа майя. Когда тольтеки захватили власть на Юкатане, город Чич'ен-Ица стал столицей — гегемоном их огромного государства. Именно здесь наиболее отчетливо видно тольтекское влияние. Но храмы, пирамиды и дворцы строили не тольтеки, а майя. Несомненно, что они стремились как можно лучше и точнее вы-

полнить заказ новых правителей, но освободиться от «бремени» своей многовековой культуры зодчие и строители майя, конечно, не могли. К тому же сами правители, как уже говорилось, не стремились разрушить культуру майя; они скорее сами восприняли ее, естественно, внеся в эту культуру характерные тольтекские элементы. Это особенно хорошо просматривается в архитектуре, скульптуре и монументальной живописи майя того периода. Мы не случайно говорим — майя, ибо на Юкатане по-прежнему жила и развивалась культура майя.

Но в пантеоне местных богов главенствующие позиции захватило новое верховное божество — К'ук'улькан, Пернатый змей. Между прочим, то, что имя божества называлось на языке майя, как нельзя более красноречиво свидетельствует, что пришельцы не только восприняли местную культуру, но и язык майя, иначе зачем им было утруждать себя переводом имени Пернатого змея — Кетсалькоатля на чужой язык?

Более двухсот лет господствовал над всей страной город Чич'ен-Ица. Этот период в истории майя принято называть гегемонией Чич'ен-Ица.

На языке майя слово «чен» означает «колодец», «естественный водоем»; «Чич'ен» буквально переводится как «рот колодца», «пасть», «отверстие»; «Ица» — имя одного из племен майя-кичэ.

Таким образом, название города-госу-

дарства Чич'ен-Ица переводится как «Колодец (людей) ица».

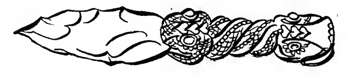
И действительно, на территории города имеется гигантский колодец, созданный природой. Колодец занял одно из важнейших мест в жестокой религии завоевателей. С колодцем связано не только название города, но и начало конца двухсотлетней гегемонии его правителей над другими городами майя. Вот что пишет об этом Ю. В. Кнорозов в своей монографии «Письменность индейцев майя»:

«В конце концов гегемония Чич'ен-Ица стала вызывать недовольство других городов. Начало междоусобных войн все источники связывают с именем правителя Майяпана Хунак Кееля (из рода Кавич), который сначала был на службе у правителя Майяпана Ах Меш Кука. В это время существовал обычай бросать живых людей в Священный колодец Чич'ен-Ица в качестве посланцев богам. Эти посланцы, разумеется, не возвращались. Ах Меш Кук избрал Хунак Кееля в качестве такой жертвы, но последний сумел каким-то образом выбраться из колодца, после чего в качестве посланца, побывавшего у богов, добился провозглашения себя владыкой (ахав) Майяпана...»

Знаменитый колодец — его и сейчас продолжают называть «Священным» (по-испански: Сеноте саградо) — поражает своими размерами: почти круглый, словно его специально кто-то высверлил гигантским коловоротом, он достигает в диаметре около шестидесяти метров! Трудно сказать, на сколько десятков метров в глубину уходят его крутые, почти отвесно падающие вниз, стены, однако хорошо известно расстояние от естественной кромки колодца до мутной глади поверхности его воды — двадцать метров!

Глядя сверху на сине-зеленые воды Священного колодца, невозможно понять, как смог человек выбраться оттуда без посторонней помощи. Но Хунак Кеелю не только никто не помогал, наоборот, по краям колодца стояли жрецы, и, если бы у «посланца» к богам появилось желание выбраться на поверхность, они разубедили бы его в правильности такого намерения градом камней.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОСЛАНЕЦ К БОГАМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА ЗЕМЛЮ

Прыжок

...Хунак Кеель вдохнул в легкие побольше воздуха и не шагнул, а прыгнул в Священный колодец. Пятки ног, обутых в тяжелые ритуальные сандалии, больно ударились о ровную водную гладь. Тело обожгло леденящим холодом — оно быстро погружалось в воду. Потом погружение замедлилось, и, наконец, он повис глубоко под водой...

За те короткие мгновения, пока он летел с жертвенной платформы и погружался в воду, вся его жизнь промелькнула перед ним: детство, юношеские годы, обучение жреческим наукам, военные походы, битвы и служба у Ах Меш Кука — тупого правителя Майяпана... Тупого, но сумевшего так ловко отделаться от своего строптивого военачальника — накона Хунак Кееля. Конечно, это жрецы подсказали правителю удостоить именно его, Хунак Кееля, чести стать посланцем к богам и отправить в город Чич'ен-Ица, прозванный так из-за Священного чич'ена. Жрецы никогда не любили его, а когда Хунак Кееля избрали наконом, они откровенно выражали свою неприязнь молодому полководцу, опасаясь его растущего влияния. Три года прошли слишком быстро. Он счастливо воевал, приводил в Майяпан много пленных и строго соблюдал все запреты, предписанные священной верой для наконов: не знал женщин, даже собственную жену, не ел мяса, не пил пьянящих напитков, питался из отдельной посуды... Но жрецы не успокоились; они оказались хитрее: в тот самый час, когда ровно через три года Хунак Кеель снял с себя боевой шлем накона, как того требовал обычай, Ах Меш Кук... объявил его посланцем к богам...

Жрецы Чич'ен-Ица отправляли в колодец бесчисленное множество таких же, как и он, посланцев. С тех пор как тольтеки с помощью боевых отрядов людей ица завладели этим городом, сделали его своей столицей и установили господство над другими городами народа майя, обложив их тяжелыми податями,

прошло десять двадцатилетий — катунов. И все эти годы колодец глотал посланцев. Никто из них не вернулся назад, хотя каждый раз в течение трех дней жрецы охраняли колодец, ожидая их возвращения от богов.

Тринадцать дней — целую неделю Хунак Кеель жил в Чич'ен-Ица так, словно сам был вершителем судеб всей необозримой вселенной, могущественным К'ук'ульканом. Роскошная одежда, всевозможные яства и тринадцать красивейших и знатнейших девушек должны были похитить на эти дни его помыслы о предстоящем нелегком пути. А когда прошла последняя, тринадцатая ночь, под бой барабанов, свист флейт и вой раковин-труб его привели в паровую баню-храм, возвышавшийся на самом краю Священного колодца. Здесь посланцы очищали свое тело и душу, прежде чем отправлялись в колодец к богам.

Жрецы-прислужники вытаскивали из печи раскаленные докрасна камни, нагоняя в бане побольше тяжелого удушающего пара. Хунак Кеель сразу понял, что баня должна была одурманить его сознание, лишить тело силы: тогда он не станет сопротивляться и спокойно, как подобает посланцу, отправится к богам. К счастью, а может, к несчастью, силы не покидали его могучее тело. К тому же он с детства был приучен к паровым баням.

Хунак Кеель не знал, что делать. Хотелось лишь жить, и разум подсказал решение: жрецы с удовлетворением заметили, что тело Хунак Кееля обмякло, и поверили в обман. На что он надеялся? Ведь из Священного колодца не было пути назад!

Хунак Кеель не сопротивлялся, когда его снова облачили в одежды, подобные тем, которые носили сами боги, изображенные на стенах храмов. Он не сопротивлялся и тогда, когда жрецы вывели его под руки на крышу бани-храма, одновременно служившую жертвенной платформой.

Чей-то вкрадчивый голос зашептал:

— ...Шагай, шагай!..

Темные тучи закрыли небо — стало темно, почти как ночью. Он видел, что жрецы спешат, опасаясь, что дождь, который должен вот-вот хлынуть с черного неба, нарушит торжественность церемониала.

— ...Шагай, шагай!..

Но он не шагнул, а прыгнул в колодец...

...Воздуха в легких не хватало. В ушах появилась резкая боль. Хунак Кеель инстинктивно взмахнул руками, и тело,

отяжелевшее от намокших одеяний, стало нехотя всплывать. И тогда он решил, что должен насладиться еще хоть одиим глотком воздуха. Он успеет это сделать, прежде чем на голову обрушится град камней, которые жрецы держали под руками на случай, если послаиец ие сумеет сам найти дорогу к богам.

Судорожиыми движениями он начал освобождаться от ритуальных одеяиий: сбросил тяжелый шлем из головы ягуара с длинными перьями белой цапли, потом плащ, тяжелые ожерелья и бусы из яшмы и разорвал пояс с оружием и татамом... Движеиия стали легкими, уверенными, и ои заработал изо всех сил руками и ногами: вверх, только вверх...

Сердце вырывалось из груди; ои выдохиул воздух — так его учили охотники за ракушками, ирявшие в море иа большую глубину. На мгновение стало легче. И вдруг он почувствовал, как по макушке, а потом по всей голове застучало что-то острое, колющее, словио с огромной высоты иа него сыпали зерна сухой кукурузы. Он попытался открыть глаза, но не смог: колючие стрелы больно хлестали по лицу. Хунак Кеель поиял главиое: то были не камии, а крупные капли дождя, вериее — страшиого тропического ливия. Жрецы не зря торопились: небо опрокинуло на землю море воды; тучи и дождь превратили деиь в непроглядную ночь!

Хунак Кеель поплыл. Ои плыл осторожио, боясь поднять голову. Колодец в диаметре имел локтей сто двадцать *, и вскоре его рука ударилась об острую скалу. Он иащупал иебольшой уступ и схватился за него обеими руками.

Что-то странное и иепоиятиое происходило то ли с ним самим, то ли с колодцем: он чувствовал, как руки вместе с острым камеииым уступом, в который он вцепился мертвой хваткой тонущего человека, медленно погружались в воду; между тем его тело, казалось, продолжало потихоньку всплывать...

Как ои выкарабкался из колодца, Хунак Кеель и сам ие зиал. Стены его, высотой в сорок локтей, почти отвесно подиимались вверх и казались совершеино гладкими: то, что ие сумела выровнять природа, доделали жрецы.

Потом он полз среди кустов и деревьев, выбиваясь из последних сил...

Хунак Кеель очнулся иа рассвете третьего дия. Он лежал

* Условное измерение длины, равное 0,5 метра. Здесь подразумевается длина в 60 метров.

на циновке в бедной крестьянской хижине и долго не мог понять, как и зачем оказался здесь. Постепенно память восстановила одну за другой страшные картины пережитого. Мысли с лихорадочной быстротой сменяли одна другую. «Что делать? — напряженно думал он. — Уйти в глухое селение, чтобы на всю жизнь стать простым крестьянином-рабом? Вернуться в Майяпан? Нет, Ах Меш Кук с радостью передаст его жрецам Чич'ен-Ица, и тогда его будет ждать уже не колодец, а жертвенный камень. Да и из колодца ему во второй раз не удалось бы выбраться... Выбраться... Но ведь он же вышел из Священного колодца — значит, он вернулся... от богов!..»

Теперь его интересовало только одно: сколько дней пролежал он в этой хижине? Сколько?!

Хунак Кеель осторожно коснулся рукой плеча спавшего рядом с ним мужчины, а когда тот испуганно поднял голову, знаками приказал молчать и выйти с ним во двор.

Крестьянин повиновался.

Возвращение

Три дня томительных ожиданий возвращения посланца к богам подходили к концу.

Ровно в полдень, когда солнце стояло в зените, к жрецам, охранявшим Священный колодец, пришли старшие жрецы из главного храма, носившего имя покровителей тольтеков К'ук'улькана.

Тольтеки, правившие уже многие двадцатилетия страной майя, любили вспоминать прошлое. Они постоянно кичились им, восхваляя мудрость и великие подвиги своих правителей, могущество непобедимых богов, изображения которых украшали теперь храмы и дворцы многих священных городов майя.

Правда, правители-тольтеки не любили вспоминать, почему они покинули свою древнюю столицу Толлан; как из-за междоусобных распрей и войн их вождь-полубог, носивший гордое имя Кетсалькоатля, был вынужден бежать на восток со своими людьми; как долгие и мучительные годы они шли вдоль морского берега; как затем обосновались на острове Косумель и уже оттуда вторглись в эти благодатные земли, покорив обитавшие здесь народы...

Жрецы взошли на платформу на краю колодца, откуда три дня назад Хунак Кеель направился к богам. Старший из них, протянув руки к мутно-жирной глади воды, громко прокричал:

— Идешь ли ты, посланец?!

Голос загрохотал по скалам и умолк. Старший жрец несколько раз повторил свой вопрос, но не получил ответа. Вместе с остальными служителями он повернулся к храму великого К'ук'улькана, не пожелавшего и на этот раз вернуть людям их посланца. С воздетыми к храму руками жрецы хором громко затянули молитвенные слова из священных книг. Невысокий лес,

окружавший колодец, скрывал гигантскую пирамиду, на которой покоился храм, и от этого казалось, что храм К'ук'улькана плывет над верхушками деревьев в знойной синеве неба.

Поглощенные молитвой, жрецы не видели, как на противоположной стороне колодца среди зелени деревьев промелькнуло обнаженное мужское тело, раскрашенное красной ритуальной краской; как оно, словно стрела, метнулось с высокого обрыва-стены и почти без всплеска вошло в мутные воды колодца, но зато они услышали торжествующий крик, с грохотом вырывавшийся из круглой раковины Священного чич'ена:

— Я пришел!.. Я пришел!..

По ровной мощеной улице — она вела от Священного колодца к храму К'ук'улькана — двигалась странная процессия. Впереди шел высокий обнаженный мужчина, покрытый красной краской. На нем была только яркая, расшитая узорами накидка, которую ему успел дать кто-то из жрецов. В небольшом отдалении, почтительно склонив головы, за мужчиной следовала толпа служителей К'ук'улькана, явно смущенная и растерянная. По мере продвижения вперед к толпе присоединялись все новые и новые люди, и она росла как снежный ком.

Вот процессия подошла к высокой квадратной платформе,

украшенной со всех четырех сторон скульптурными головами Пернатого змея. Ее называли в честь сверкающей веселой звезды Платформой Венеры. Жрецы высекли на стенах платформы время жизни Венеры на небесах и по записям следили за точностью своего календаря. Иногда на платформе устраивались представления, и самые красивые девушки исполняли здесь свои плавные хороводы.

Хунак Кеель решил обойти платформу слева, чтобы приблизиться к Храму Воинов, где всегда толпилось много народу. И действительно, среди сотен высоких каменных колонн, украшенных барельефами, и на широкой лестнице, подымавшейся прямо к храму, между огромных скульптур Пернатого змея стояло немало воинов и женщин. Они не могли не заметить процессии.

Здесь можно было свернуть к пирамиде К'ук'улькана, на вершине которой в храме хранилась священная Циновка Ягуара — символ власти и трон Верховного правителя — халач виника города и всех владений Чич'ен-Ица. Там же, в храме, должен был находиться и Верховный жрец, жестокий Хапай Кан. Больше всего Хунак Кеель боялся предстоящей с ним встречи, но он твердо знал, что ее невозможно избежать, и поэтому не спешил сворачивать к главной пирамиде Чич'ен-Ица. Острый взгляд

Хунак Кееля уловил легкое движение среди массивных колонн храма; значит, там тоже заметили процессию! Ему даже показалось, что кто-то из жрецов бросился сломя голову вниз по лестнице.

Хунак Кеель решил пройти вперед еще локтей двести и только потом свернуть направо. Благодаря этому маневру процессию заметят на рынке — он начинался сразу же за площадью Тысячи колонн, мимо которой сейчас и проходил Хунак Кеель. Чтобы успокоиться, он начал считать изящные колонны, на которых лежало легкое перекрытие из дерева. Их было великое множество, и никто толком не знал, зачем понадобилось прежнему владыке Чич'ен-Ица Хоч'туп Пооту вместе с пирамидой и Храмом К'ук'улькана построить это странное сооружение, занимавшее огромное пространство (300 локтей в ширину и еще больше в длину).

За Тысячей колонн появился городской рынок: сотни крестьян и носильщиков ежедневно приносили сюда огромное количество товаров, которые жадно пожирал великий город: соль, ткани, драгоценные камни, какао, птицу, рыбу, оленину и, конечно, маис. Здесь же продавали и покупали рабов.

Хунак Кеель решительно повернул направо и пошел к пирамиде К'ук'улькана.

По мере прнближення пирамида становнлась все выше н выше, а когда он подошел к ее подножью, вершнна нсчезла вместе с храмом. Перед Хунак Кеелем были теперь только крутые каменные ступенн, убегавшне в бесконечную высь. Не раздумывая, он шагнул на первую ступень.

Он поднимался вверх, ощущая за спнной дыханне лишь одного человека; он был уверен, что за ним шел старший из жрецов, прнходивших к колодцу, — другне служители н толпа не решнлись последовать дальше. Хунак Кеелю не раз доводнлось подниматься на пирамнды, и поэтому он не ощущал усталостн, несмотря на пережитые потрясення последних дней.

Между колоннамн храма его встретнли жрецы. Онн почтительно склонили головы, отчего длинные перья их головных уборов почтн касались каменного пола. Туда, где лежала Циновка Ягуара, он вошел однн. Хапай Кан н Чак Шнб Чак — Верховный жрец н Верховный правнтель Чич'ен-Ица ждали его.

Тысячи людей стояли у подножья пирамиды К'ук'улькана, чтобы увидеть человека, впервые вернувшегося к людям из Священного колодца. Не зная его нменн они уже успели присвоить ему кличку Ах Тапайнок, что означало: «Тот, что с вышитой накидкой...»

Эта весть с быстротой молнии облетела города и селения страны, вызывая у однн трепетное восхищение, у других — недоверне. И только один человек с ужасом узнал о случившемся: это был правитель Майяпана Ах Меш Кук. Он понял, что ему прншел конец, и не ошнбся: Хунак Кеель, прозванный народом Ах Тапайнок, вышел нз храма К'ук'улькана владыкой города Майяпан. Боги сдержали слово н выполнили данное ему обещанне...

Трон владыки

Три дня от восхода до заката солнца восседал Хунак Кеель на высоком деревянном троне владыки, установленном специально для вернувшегося на землю посланца к богам на Платформе тигров и орлов. Платформа стояла почтн в центре главной площади священного города Чич'ен-Ица между пирамидой К'ук'улькана и Большим тлачтли — так стали называть площадку для ритуальной игры в мяч после прихода тольтеков

на земли майя. Трон украсили дорогими тканями, золотом, драгоценными камнями, морскими раковинами и перьями редких птиц. Снова, как тогда перед баней, жрецы каждый день наряжали Хунак Кееля в пышные ритуальные одеяния и лишь затем отводили его к платформе и усаживали на троне. Но теперь тяжелая одежда богов уже не душила его, а наполняла радостной гордостью, возбуждала сладостное чувство тщеславия.

Сидя высоко на троне, он боялся шелохнуться, чтобы не уронить своего почти божественного достоинства, не унизить себя в столь недоступной для простых смертных роли человека, встречавшегося со всемогущими богами. Он понимал, что жрецы выставили его напоказ для всеобщего обозрения, но это только радовало Хунак Кееля.

Жрецы даже разрешили доступ в священную столицу простым крестьянам и свободным ремесленникам. Им позволили посмотреть на великое чудо, сотворенное всесильными богами, чтобы простой народ мог лишний раз убедиться в их благосклонности к правителю и жрецам города Чич'ен-Ица. И люди молча гуськом шли к Платформе тигров и орлов; так же молча смотрели на живое изваяние, утопавшее в ярких одеяниях, и, пораженные, уходили из города, не проронив ни единого слова. И только вдали от устрашавшего своим беспредельным могуществом города Чич'ен-Ица, в родном селении или в жалкой хижине крестьянина-полураба, их языки развязывались, и рассказ об увиденном чуде обрастал самыми невероятными подробностями, на которые только была способна их фантазия.

Три дня Хунак Кеель, словно гипсовое изваяние, восседал на своем троне, и все три дня страдал от палящего солнца, жажды и голода — никто не смел даже приблизиться к посланцу к богам. Лишь с наступлением темноты жрецы помогали ему покинуть этот трон славы и жестоких пыток, чтобы на следующий день снова вернуть туда.

Хунак Кеель ничем не выдал своих страданий; он ни разу не шелохнулся, и только однажды силы чуть было не покинули его: в толпе среди испуганных лиц, разглядывавших его со страхом и любопытством, Хунак Кеель внезапно увидел того, кто приютил его, обессиленного и усталого, в своей бедной хижине, кто дал ему красную ритуальную краску и помог покрыть ею измученное тело. В жилище этого бедняка, а не на небе у богов провел Хунак Кеель самые страшные дни своей

жизни. Но в глазах крестьянина, имя которого он даже не спросил тогда, Хунак Кеель увидел тот же испуг, тот же страх и любопытство. То ли крестьянин не узнал случайного гостя, то ли не осмелился поверить собственным глазам. Крестьянин ушел, как ушли тысячи таких же, как он, простых людей, пораженных чудом.

Между тем город готовился к великому торжеству: священной ритуальной игре в мяч. Жрецы заверили халач виника, что боги останутся довольны, если столь восхитительное событие, как взволновавшее всю страну возвращение на землю посланца к богам, будет отпраздновано именно ритуальной игрой в мяч. Бессмертный К'ук'улькан вернул смертного на землю! Разве это не достойно священной игры! И в крупнейшие города страны полетели приказы подвластным Чич'ен-Ица правителям явиться на торжества. Так повелевал халач виник столицы-гегемона, и никто не осмелился нарушить приказ. К тому же всем хотелось посмотреть на нового правителя Майяпана, человека-легенду.

...Большой тлачтли Чич'ен-Ица не имел равных в мире ни

по размерам, ни по красоте сооружений, окружавших со всех сторон площадку для игры в мяч. Сама площадка была выложена ровными каменными плитами; сверху ее покрывал слой извести. Она имела форму трех сложенных вместе прямоугольников; один из них, самый большой (190 локтей в длину и 60 — в ширину), был центром площадки, а два других, одинаковых по размерам (длина 130 локтей, ширина — 52), примыкали с обоих концов к центральному прямоугольнику, образуя фигуру, напоминавшую две буквы «Т», сомкнутые у оснований. Таким образом, общая длина площадки для игры в мяч составляла 52 + 190 + 52 = 294 локтя! *

По обе стороны центрального прямоугольника — строители сориентировали его почти строго с севера на юг **, — на высокой, в четыре локтя панели возвышались массивные громады трибун — восточной и западной. Стены трибун подымались вверх

* Длина поля главной площадки для игры в мяч составляет 147 метров; общая же длина площадки вместе с сооружениями — 168 метров; ширина — 73 метра.

** Отклонение составляет лишь 17 градусов.

от панели еще на 12 локтей. Прибавьте к ним высоту самих панелей, и получится, что зрители наблюдали за игрой на поле с отвесной стены в 16, а то и 17 локтей! Это обеспечивало им безопасность: литой каучуковый мяч, которым сражались игроки, летел с такой силой, что мог убить зазевавшегося или не очень расторопного игрока, а тем более зрителя, не тренированного для подобных забав.

С севера и с юга площадку ограничивали каменные стены. В центре каждой из них прямо друг против друга стояли два небольших великолепных храма. Однако самым замечательным сооружением Большого тлачтли Чич'ен-Ица был Храм Оселотов *. Его построили прямо на восточной трибуне: храм и его пирамидальное основание являлись составной частью ее южной оконечности. Сплошь украшенный резными каменными барельефами и скульптурами, раскрашенный яркими, сочными красками, он господствовал над всеми остальными сооружениями тлачтли. В храме находился каменный трон. Халач виник Чич'ен-Ица наблюдал отсюда за игрой в мяч.

Именно здесь, на Большом тлачтли Чич'ен-Ица, и должна была состояться игра в мяч — священный ритуал в честь счастливейшего события в жизни страны людей ица.

Говорящие камни

В указанный халач виником день уже с утра у трибун тлачтли стали собираться местная знать и прибывшие со всех концов огромной страны правители важнейших городов, подвластных столице-гегемону Чич'ен-Ица. Они оставляли у городских ворот свои носилки, рабов-прислужников и стражу и пешком, неторопливой и уверенной поступью знающих себе цену людей направлялись в сопровождении свиты придворных к Большому тлачтли. Также не спеша подымались по крутым ступеням западной трибуны на широкую крышу-площадку и, подойдя к самому краю, глубоким поклоном приветствовали Храм Оселотов, среди массивных колонн которого на циновке из шкур ягуара восседал Великий правитель Чак Шиб Чак. Затем

* Оселот, или американский тигренок, — небольшой хищник из семейства кошачьих.

вновь прибывшие поворачивались вправо к Южному храму и высоко поднятой правой рукой приветствовали ахав кана — Верховного жреца Хапай Кана, подлинного властелина страны. Лишь после этого они удостаивали своим вниманием и знаком привета виновника столь необычного праздника.

Хунак Кеель сидел один у подножья Северного храма. Храм построили в честь легендарного Кетсалькоатля, который привел сюда тольтеков-правителей. Его стены были покрыты барельефами тонкой работы. Они повествовали о правлении этого бородатого человека-полубога. Храм имел всего двадцать локтей в длину по фасаду и двенадцать в глубину, но его почитали, пожалуй, не меньше, чем пирамиду К'ук'улькана.

Прямо перед троном, на котором сидел Хунак Кеель, лежал огромный круглый камень темно-бурого цвета. Середина его была аккуратно выдолблена. «По-видимому, сюда складывают жертвоприношения или здесь сжигают благовония», — подумал Хунак Кеель, рассматривая камень. И вдруг услышал тихий вкрадчивый голос:

— Храбрый Чан Ток'иль, правитель могущественной столицы людей тутуль шив города Ушмаля приветствует тебя!..

От неожиданности Хунак Кеель вздрогнул. Рядом не было ни единой живой души. Кругом стояли одни только каменные истуканы. Может, он ошибся? Может, ему почудился этот вкрадчивый голос?

Но голос опять заговорил, словно желая убедить Хунак Кееля в своей абсолютной реальности:

— Храбрый Чан Ток'иль, правитель Ушмаля приветствует тебя!..

Все еще не веря самому себе, но повинуясь голосу, Хунак Кеель взглянул на правую трибуну. Там стоял высокий немолодой мужчина в богатом одеянии из разноцветных перьев, с любопытством и нескрываемым интересом смотревший на него. Правитель Ушмаля и новый правитель Майяпана, двух главных городов страны, обменялись знаками дружеского привета.

Знакомство с Чан Ток'илем отвлекло мысли Хунак Кееля от таинственного голоса, но, как только правитель Ушмаля отошел вглубь от края стены, он опять стал искать глазами источник голоса. Правда, Хунак Кеель давно слышал о звуковом чуде площадки для игры в мяч города Чич'ен-Ица. Бывалые люди в Майяпане рассказывали, что благодаря этому чуду два чело-

века, один из которых иаходился в Севериом храме, а другой — в Южиом, могли совершеино спокойно беседовать друг с другом, иичуть ие напрягая голоса, хотя их разделяло расстояние в 300 локтей! Более того, говорили, что иикто другой, если ои ие стоял рядом с беседующими, не мог услышать их разговор *. Признаться, Хуиак Кеель не поверил тогда этим рассказам. Он считал их очередиой выдумкой, которая должна была прославить мудрость и всесилие жрецов Чич'еи-Ица. Одиако, сидя

* Автор киигн имел возможиость во время посещеиия Чич'ен-Ица беседовать с помощью описываемой здесь «системы для переговоров», действующей по сей деиь иа площадке для игры в мяч. Трудио поверить, что древиие строители зараиее предусмотрели этот акустический эффект; скорее всего, случайио обнаружив его, они довели до совершенства этот своеобразиый «камеиный телефон».

у подножья Северного храма, он на самом себе испытал действие этого непостижимого для разума чуда. Чувство неуверенности и даже страха поползло в душу.

Хунак Кеель стал следить за противоположной стороной площадки. Там, у Южного храма, в белых плащах и высоких головных уборах из перьев цапли застыла длинная шеренга старших служителей Храма К'ук'улькана. Их было не меньше пятидесяти; они стояли в один ряд, и только Хапай Кан сидел впереди на каменном ложе, покрытом великолепными шкурами лесных зверей.

На правой трибуне один за другим появлялись новые гости. Они приветствовали правителя, Верховного жреца и Хунак Кееля, однако каменный голос молчал; по-видимому, он не считал их достойными особого внимания. Но вот у края трибуны запылало в лучах солнца созвездие из ярких перьев, драгоцен-

ных камней и золота, украшавших стройную фигуру красивого мужчины лет двадцати пяти. Хунак Кеель успел заметить, как Хапай Кан легким движением головы подал едва уловимый знак. Один из жрецов, стоявший прямо за его спиной, поспешно наклонился вперед к круглому плоскому камню, лежавшему у ног Хапай Кана. Его губы зашевелились, и мгновение спустя заговорил круглый камень у ног Хунак Кееля:

— Правитель могучего и грозного города Ицмаля отважный Улиль приветствует тебя!..

Новые люди в богатых одеяниях продолжали прибывать на трибуны. Голос в круглом камне то молчал, то называл громкие, знакомые Хунак Кеелю имена:

— Полководец Ах Синтеотль Чан, победитель...

— Полководец Цонтекоматль, завоеватель...

— Полководец Ицкоатль, освободитель...

Голос в камне последним назвал имя правителя города Ульмиля, младшего брата Верховного правителя Чич'ен-Ица, известного своим беспутным поведением и бесчисленными любовными похождениями Хун Йууан Чака. Он появился не на правой, а на левой от Хунак Кееля трибуне, где разместилась придворная знать столицы — города Чич'ен-Ица. Никого не приветствуя, даже своего царственного брата, он встал на краю трибуны прямо над каменным кольцом, разделявшим игровое поле пополам. Отсюда было лучше всего наблюдать за игрой: ее главной целью было забить тяжелый каучуковый мяч именно в кольцо, возвышавшееся над площадкой на целых двенадцать локтей.

Чак Шиб Чак кивнул головой, украшенной огромным плюмажем, и Хапай Кан подал жрецам знак начинать священную ритуальную игру в мяч.

Священная игра

Заиграли трубы, забили барабаны, и на площадке появились игроки обоих отрядов. Они были одеты точно так, как скульптор изобразил игроков в мяч на великолепном барельефе, украшавшем панель восточной трибуны. Он увековечил на нем безымянных героев этого мужественного, но бессмысленно жестокого состязания. Отлично натренированные, ловкие, безумно

храбрые и решительные игроки-воины не боялись страшного удара литого каучукового мяча, способного убить здорового и сильного мужчину. Стеганые щитки, кожаные налокотники и наколенники не спасали от увечий. Игроки привыкли возвращаться после ритуальной игры в синяках, кровавых ссадинах, ушибах и кровоподтеках. Но не это печалило их. Закон священной игры требовал смерти капитана побежденного отряда, и самое ужасное, что обезглавливал его... капитан отряда-победителя! Так их и изобразил скульптор на своем барельефе: капитан-победитель с отсеченной головой капитана побежденных...

Литой тяжелый мяч размером с человеческую голову, будто живой, метался по площадке. Игрокам разрешалось действовать только на своей половине поля, ни в коем случае не переступая тлекотль — линию, делившую площадку пополам. Два больших каменных кольца были вделаны в стены обеих трибун по этой же самой линии. Противники стремились забить мяч в кольцо-ворота, перебивая его на чужую сторону. Бить по мячу разрешалось только локтем либо коленом, а также резной битой. Бросать мяч рукой или ударять ступней категорически запрещалось.

Побеждала команда, которой удавалось попасть в кольцо, однако это было невероятно трудно, ибо его диаметр был лишь на ничтожно малую величину больше диаметра мяча. Между тем каждый неудачный удар, заканчивавшийся столкновением мяча с кольцом, засчитывался как штрафное очко: кольцо имело вид свернувшегося Пернатого змея или головы священного гуакамайя *, прикосновение к которым считалось великим кощунством.

Красивые удары по мячу, высокие смелые прыжки, стремительный бег по широкой ровной площадке вызывали одобрительный гул и крики восторга у зрителей, стоявших по краям высоких трибун. Бывали случаи, когда, увлеченный ходом сражения на поле, кто-то из зрителей падал с высокой трибуны вниз. Это было небезопасно. Падение могло оказаться смертельным.

Много часов длилась игра и, когда уже усталые зрители и измученные игроки разуверились в чистой победе одной из команд, а жрецы начали было готовиться к ритуалу обращения

* Разновидность американского попугая.

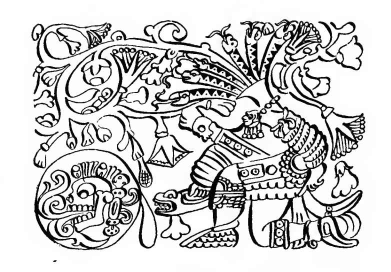

к богам, чтобы они определили победителя, капитан игроков, богатые одеяния которых символизировали принадлежность к Пернатому змею, перехватил коленом сильно посланный противником мяч, ловко подбросил его локтем вверх и нанес тяжелой битой страшный удар.

Хунак Кеель видел, как каучуковый шар молнией влетел в узкое отверстие кольца, как он трепыхнулся в нем, задрожал, потом на мгновение застыл, будто решая, в какую сторону лучше упасть, и под дикий вопль зрителей и игроков перевалился на сторону противника.

— Хунак Кеель! — Он сразу узнал голос Хапай Кана; Верховный жрец говорил тихо, но, хотя толпа зрителей продолжала реветь от охватившего ее восторга, каждое слово отчетливо звучало в говорящем камне. — Хунак Кеель! Ты снова победил. Отряд Пернатого змея, в храме которого ты сидишь, твой отряд. Завтра ты пойдешь в Майяпан и будешь править этим богатым и сильным городом. Так повелел К'ук'улькан, но К'ук'улькан ненасытен, его чрево требует человеческих жертв. Чтобы не гневить Великого и Всемогущего, ты будешь каждый виналь присылать в священный город Чич'ен-Ица подношения, достойные К'ук'улькана... Так повелели всемогущие боги... Ты исполнишь их повеление, правитель Майяпана!..

— Да, — ответнл Хунак Кеель, не отрывая глаз от круглого камня.

— Хорошо! — так же тихо сказал Хапай Кан — ответ Хунак Кееля долетел до него. Камень умолк.

Между тем на высокой стене, служившей платформой Южного храма, жрецы зажгли каучуковые мячи. Густой черный дым, медленно поднимавшийся к небу, известил о начале жестокого церемониала, завершавшего священную нгру в мяч...

На рассвете следующего дня рослые, выносливые индейцы, поочередно сменяясь, несли Хунак Кееля в дорожных носилках в город Майяпан. Новый правитель направлялся в свои владения...

Эти события случились в «двадцатнлетие» 8 Ахав *.

Заговор

...покинул правнтель
Чич'ен-Ица
свои дома второй раз

---

* В перечислении с «короткого счета» майя соответствует 1185—1204 годам нашей эры.

из-за заговора
Хунак Кееля из рода Кавич
против Чак Шиб Чака, правителя Чич'ен-Ица,
из-за заговора Хунак Кееля,
правителя Майяпана-крепости...
В 10 год двадцатилетия 8 Владыки,
в этот год была покинута
Чич'ен-Ица, этому причиной
Ах Синтейут Чан,
Цуитекум,
Ташкаль,
Пантемит,
Шучвевет,
Ицкуат,
К'ак'альтекат,
это имена семи людей
из Майяпана,
семи... *

— Это имена семи людей из Майяпана, моих полководцев. Они поведут семь боевых отрядов, как только ты скажешь, Владыка Улиль. — Хунак Кеель говорил тихо, не повышая голоса.

Три правителя трех крупнейших городов страны — Ушмаля,

* Историческая хроника из «книги Чилам Балам» из Чумайэля. Перевод Ю. В. Кнорозова.

Майяпана и Ицмаля — сидели на мягких шкурах вокруг невысокого каменного стола в самом конце длинной узкой комнаты дворца правителя Ицмаля.

— Я пришел к тебе, Великий правитель, и просил нашего Великого Брата Чан Ток'иля прийти к тебе, чтобы заключить союз... — спокойно продолжал Кеель.

— Не могу больше терпеть! — резко перебил его Улиль, красивый юноша с орлиным носом и черными, как обсидиан, глазами. — Я должен мстить, смыть кровью позор моего рода!..

Хунак Кеель поправил вышитую накидку, свисавшую с его широких плеч; он не расставался с нею с памятного дня своего чудесного возвращения от К'ук'улькана, хотя с тех пор прошло почти три года.

В комнате было холодно; от толстых каменных стен веяло сыростью. Изящный глиняный светильник в виде птичьей головы с широко раскрытым клювом горел на столе ровным желтым пламенем. Рядом с ним лежала маленькая, изумительной работы статуэтка из нефрита. Она изображала девушку в богатом подвенечном наряде. Огонь светильника заполнял полупрозрачный камень неповторимым золотистым светом, от чего статуэтка казалась живой. Она словно улыбалась склонившимся над столом лицам мужчин, так непохожим друг на друга, но одинаково суровым и озабоченным. Их взгляды уже давно были

прикованы к чудесной безделушке, владелицей которой могла быть только женщина из очень знатной, богатой семьи.

Хунак Кеель протянул к статуэтке руку, но не взял ее, а лишь указал пальцем, унизанным перстнями:

— Вот все, что тебе осталось от твоей невесты Иш Цивнен! Прости, что я коснулся незаживших ран, но вчера это случилось с тобой, завтра — со мной! Чья очередь настанет послезавтра? Каждый из нас погибнет, если один встанет на тропу войны. Только вместе мы сокрушим проклятый город людей ица. Напрасно ждать: Чак Шиб Чак не выдаст обидчика; они вышли из утробы одной женщины, они дети одного отца, одного помета... Что ты скажешь, мудрый Чан Ток'иль? Ты самый старший, самый умудренный жизнью: тебе решать...

Но правитель Ушмаля Чан Ток'иль молчал; он не торопился с ответом. Положение было сложным и, самое главное, опасным. Нужно было все взвесить, обдумать и только тогда принять решение. Конечно, он знал, зачем Хунак Кеель предложил ему встретиться во дворце Улиля. Знал и был согласен с идеей военного союза трех городов. Иначе бы он не принял приглашения и не пришел сюда. Он не сомневался, что сейчас слово «нет» означало бы для него немедленную смерть. Эти двое даже не стали бы звать стражников; они бы сами проткнули его, как дикого кабана, длинными обсидиановыми ножами, резные рукоятки которых так уверенно выглядывали из-за широких кожаных поясов. Потом стража перебила бы немногочисленный отряд воинов тутуль шив, сопровождавших своего правителя на тайную встречу заговорщиков, и никто никогда не узнал бы причин «внезапного» исчезновения правителя Ушмаля.

Нет, он сам пришел сюда и хорошо знал зачем. А не спешил с ответом только потому, что обдумывал, как бы похитрее повести дело, чтобы самому, а не Хунак Кеелю встать во главе заговора и военного союза против всесильного города Чич'ен-Ица. Улиль в счет не шел: брат халач виника Чак Шиб Чака, распутный правитель города Ульмиля, Хун Йууан Чак умудрился похитить у Улиля невесту, да еще во время брачного пира, и Улиль помышлял только о мести. Все остальное было безразлично ему, по крайней мере в этот момент... Ну, а потом, впрочем, потом будет поздно: тот, кто возглавит военный союз трех важнейших после Чич'ен-Ица городов страны, не упустит из своих рук Циновку ягуара. Но об этом нужно поза-

ботиться именно сейчас. Как правитель самого крупного и могучего из трех городов, Чан Ток'иль мог рассчитывать на главенствующую роль в союзе, однако Хунак Кеель вел совсем другую игру, он хотел сам оказаться во главе заговорщиков. Впрочем, так ведь оно и было...

Похищение с брачного пира красавицы Иш Цив-нен в конце концов послужило лишь поводом для войны против Чич'ен-Ица. Жестокий и ненасытный Верховный жрец Хапай Кан, правивший страной от имени халач виника Чак Шиб Чака, неуемными бесконечными поборами довел до разорения подвластные Чич'ен-Ица города-государства. Особенно тяжелыми были постоянно возраставшие требования присылать людей для жертвоприношений. Каждый день не только на алтаре главного храма К'ук'улькана, но и других святилищ Чич'ен-Ица жрецы вырывали сердца из трепещущей груди приносимых ими в жертву людей.

Мало того, появился новый обряд человеческих жертвоприношений: жертву привязывали в центре площади перед храмом к высокому столбу, рисовали красной краской на груди прямо над сердцем небольшой круг и начинали ритуальную игру — стрельбу из лука, пока обреченный не испускал последний предсмертный стон.

Если так пойдет дальше, скоро придется посылать на жертвенные камни не пленников-рабов, а собственных крестьян из селений. Впрочем, кое-кто из батабов так и поступал, опасаясь гнева жестокого Хапай Кана, и не потому, что так было легче откупиться и спасти свою жизнь, а просто в последние годы все труднее и труднее стало добывать рабов. Свирепые варвары-кочевники предпочитали жертвенному камню смерть в открытом бою. К тому же их боевые отряды нередко сами наносили сокрушительные удары, особенно по небольшим, плохо защищенным селениям. Словом, похищение красавицы Иш Цивнен ускорило то, что неизбежно должно было случиться: коалицию городов Ушмаля, Майяпана и Ицмаля против столицы-гегемона Чич'ен-Ица.

— Ровно через неделю Чан Ток'иль в боевой раскраске выведет свое войско на тропу войны, — наконец, произнес правитель Ушмаля. — Владыка Хунак Кеель! Ты пришлешь свои отряды к селению Машкану — там начнется великая тропа побед...

Чан Ток'иль назвал себя по имени, желая этим подчеркнуть

свое главенствующее положение в только что родившемся военном союзе. Хунак Кеель понял его намек и, немного подумав, ответил своим негромким спокойным голосом:

— Хорошо, Великий правитель! Через неделю в Машкану будут три моих отряда. Владыка Улиль! Ты пришлешь туда столько же своих людей...

Разгром

Ровно через тридцать дней Чан Ток'иль, прозванный Ош Халал Чаном, что означает Змей-стрелок, во главе огромного войска выступил из Машкану. А еще через неделю, преодолев в стремительных переходах расстояние в несколько тысяч полетов стрелы, его боевые отряды встретили у селения Чик-ин Ц'онот — Западный колодец — армию Чич'ен-Ица. Как и ожидали заговорщики, людей ица повел в бой сам Верховный жрец Хапай Кан. В жестоком сражении, длившемся целый день, Чан Ток'иль наголову разбил дотоле непобедимых воинов Чич'ен-Ица. К великой радости правителя Ушмаля, среди пленных оказался жестокий и ненавистный Хапай Кан.

Хапай Кана, разодетого в пышные яркие одеяния (Верховный жрец — ахав кан столицы Чич'ен-Ица обычно наряжался в них лишь для самых торжественных ритуалов), привели в Ушмаль. Под крики всеобщего ликования людей тутуль шив и воинов Майяпана и Ицмаля его втащили на платформу самой высокой пирамиды — пирамиды Храма чудотворца — и здесь же казнили, расстреляв из лука...

Между тем войска городов-союзников под командованием Хунак Кееля и его полководцев двинулись на неприступный город-крепость, город-гегемон, священный Чич'ен-Ица.

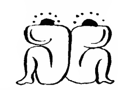
...Они здесь!
В Чич'ен-Ица теперь горе.
Враги идут!..

Не встречая по пути сопротивления, они вскоре оказались у городских стен столицы людей ица. Семь отрядов-колонн одновременно ворвались в город и приступом взяли гигантские каменные бастионы — пирамиды, храмы, дворцы. Врагов не щадили; в плен брали только самых знатных и богатых, остальных убивали на месте.

...Теперь горе.
Враги идут!
Внимайте, сказал он, я умираю на городском
праздинке...

Ликующие победители устроили грандиозиый праздиик на центральиой площади Чич'ен-Ица, завершившийся казиью наиболее зиатиых вельмож и служителей многочислениых храмов бывшей столицы людей ица. По приказаиию Хуиак Кееля оии были прииесены в жертву богам — покровителям победителей иа той самой Платформе тигров и орлов, иа которой правитель Майяпана впервые предстал перед людьми иа троне владыки после своего «возвращения» от богов. Не забыл он и о Священном колодце: его мутиые воды прииялн немало огромных каменных стел, воспевавших подвиги прежиих владык страиы.

Конец гегемонии Чич'ен-Ица

Лишь немногим из людей ица удалось спастись после разгрома Чич'ен-Ица войском Хунак Кееля. Они бежали в дикие, непроходимые леса. В неприступной местности Таншулукмуль у озера Петен-Ица им удалось укрепиться и построить свою новую столицу. Там же нашел спасение и халач виник Чак Шиб Чак. Судьба его брата осталась неизвестной. Скорее всего он погиб во время одного из сражений-побоищ.

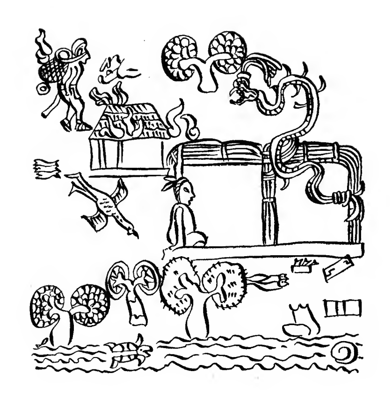
Так закончилась двухсотлетняя гегемония Чич'ен-Ица, могучего государства, власть которого распространялась далеко за пределами земель, населенных народом майя. Сохранились документы, засвидетельствовавшие огромное влияние этого города-гегемона. Так, например, Гаспар Антонио Чи в своем «Сообщении из Текауто и Тепакана» писал:

«В некие времена эта страна была под властью одного владыки, который жил в древнем городе Чич'ен-Ица; его данниками были все владыки этой

провинции (Юкатана), и даже извне, из Мексики, Гватемалы и Чиапаса и других провинций, ему посылали дары в знак мира и дружбы».

О могуществе и влиянии Чич'ен-Ица свидетельствует также дошедшее до наших дней единственное произведение эпоса народа кичэ (читатель помнит, что народы майя и кичэ принадлежат к единой языковой семье) под названием «Пополь Вух». Эта книга — один из важнейших литературных памятников древних народов, населявших Америку до прихода испанцев. «Пополь Вух», как и «книги Чилам Балам», был переписан латиницей, по-видимому, с древних иероглифических текстов или с заученного наизусть

рассказа одного из сказителей кичэ вскоре после завоевания испанцами Гватемалы. В «Пополь Вух» (в переводе с кичэ — «Книга народов»), в частности, говорится, что местные правители-кичэ ходили в дальние земли Юкатана к своему «отцу и владыке Накшиту», чтобы получить знаки отличия и звания, утверждавшие их право на власть. Между тем известно, что именно Топильцин Се Акатль Кетсалькоатль носил имя бога путешественников Накшитля, что в переводе означает «четвероногий».

И вот принцу-наследнику по имени Кокаиб, рассказывает «Пополь Вух», пришлось совершить пеший переход не менее чем в полторы тысячи кило-

метров (!), чтобы доставить эти звания и знаки в свой родной город:

«Кокаиб прибыл и дал отчет (отцу-правителю Балам-Кице) в своем поручении. Он доставил звания ах-попа (верховный правитель), ах-цалама, цамчиниматля (также звания, но более низкого ранга) и многие другие; он показал отличия, которые должны сопровождать эти звания, а это были когти ягуара и орлов, шкуры других животных, а также камни, палки и другое».

Вряд ли стоило совершать столь долгое и невероятно тяжелое путешествие через непроходимые тропические леса, многочисленные реки и болота только ради того, чтобы получить подобного рода «товар», материальная ценность которого весьма сомнительна! Очевидно, для такого путешествия имелись иные причины. «Когти, шкуры, палки и камни» таили в себе куда более могучие моральные ценности и даже обязательства, преодолеть которые на том этапе своего развития народ кичэ не мог. Несмотря на огромные расстояния, отделявшие Гватемалу, где обитали кичэ, от города-гегемона Юкатана Чич'ен-Ица (в те далекие времена такое расстояние само по себе служило вполне надежной защитой), правители кичэ все же признавали главенствующую роль Верховного правителя Чич'ен-Ица!..

Наш рассказ о крушении могучей империи Чич'ен-Ица и невероятных приключениях правителя Майяпана Хунак Кееля мы закончим словами начальной строки неизвестного автора эпической поэмы «Песнь о взятии города Чич'ен-Ица»:

«Такой след оставил владыка Хунак Кеель...»

Возможно, когда-нибудь найдут новые «книги Чилам Балам» или иероглифические тексты майя, и они внесут поправки, уточнят детали и заполнят недостающие страницы из увлекательной повести о жизни и борьбе за власть этого исторически достоверного персонажа, сумевшего обмануть не только хитрых и жестоких жрецов, но и самих богов.

Остается лишь добавить, что в первые десятилетия XIII века люди ица сумели на короткий срок вер-

нуть свое былое могущество. В 1224 году войска ица, разрушившие до этого под предводительством полководца К'ак'упакаля города Ицмаль, Мотуль и, возможно, Ушмаль, берут штурмом Майяпан.

Однако уже через двадцать лет (1244 год) в Майяпане к власти приходит новая династия, династия Кокомов, и в истории майя начинается период, известный под названием «Гегемония Майяпана». Он также длится около двух столетий.

К середине XV века власть нового города-гегемона постепенно ослабевает и наступает тяжелое время раздробленности. Междоусобные войны, кровавая борьба за власть, не прекращающиеся набеги кочевников-варваров и диких племен, в том числе и людоедов, вторжения воинственных мексиканских народов на Юкатан, поставлявших на службу правителям майя свои отряды наемников, и, наконец, катастрофические последствия повальной эпидемии оспы, завезенной испанцами (1516 год) и не менее ужасного бедствия — невиданного нашествия саранчи, полностью уничтожившей растительность на гигантских пространствах, вконец обескровили раздробленные и обессиленные города-государства майя.

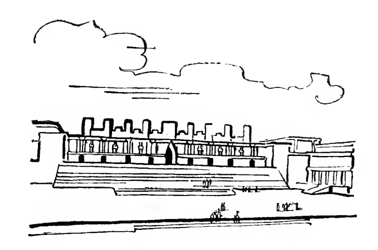
Так была подготовлена «сцена», чтобы разыграть на ней трагический финал истории древней американской цивилизации. Но об этом несколько позже.

Сейчас же наш путь лежит к развалинам столицы людей тутуль шив, городу Ушмалю.

Ушмаль: пирамиды

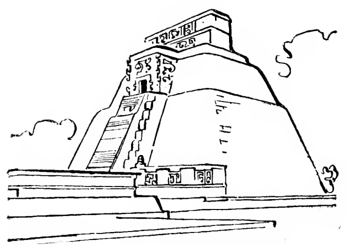
Лестницы пирамид Храма надписей в Паленке и К'ук'улькана в Чич'ен-Ица оказались легкой забавой по сравнению с той, которая вела по южному склону на вершину Пирамиды чудотворца в другой крупней-

шей столице древних майя — городе Ушмале. Ступени ушмальской пирамиды были высотой с голень человека среднего роста, а число их превышало почти вдвое количество ступеней самой высокой пирамиды Паленке. К тому же она намного круче, и от этого создается впечатление, что лестнице нет конца. Между прочим, высота ступеней пирамид и других сооружений древних майя породила легенду, что майя были необычайно высокого роста, однако остальные предметы материальной культуры свидетельствуют, пожалуй, об обратном.

Но нам показалось, что не рост человека, а нечто совсем иное сыграло решающую роль, когда строители майя определяли высоту ступеней и крутизну склонов возводимых пирамид. Несомненно, они учитывали, как уже упоминалось, оборонное значение культовых сооружений. Однако предусмотрительные и хитрые жрецы, по заказу которых зодчие майя вели строительство, скорее всего имели и другие, не менее важные соображения на этот счет.

Представьте себе, что обыкновенный смертный, не принадлежащий к жреческой касте, в силу каких-

УШМАЛЬ

то причин должен подняться на вершину пирамиды. Мы смогли убедиться, что без тренировки сделать это чрезвычайно трудно. Уже после первого десятка ступеней дыхание сбивается, затем появляется одышка и вместе с нею желание хотя бы на минутку передохнуть. А жрецы, отлично натренированные многократными ежедневными восхождениями на пирамиды, торопят, не дают остановиться. Безжалостное тропическое солнце палит в спину и затылок, человек задыхается, но остановиться нельзя... Несчастный смотрит только вверх в надежде увидеть конец своим страданиям. От усталости, от пота, падающего со лба, в глазах мутнеет. Лестница кажется бесконечной, и вот тут-то он начинает уже всерьез верить, что она действительно ведет прямо на небо...

Одеревенелые ноги с трудом подымаются на каждую новую ступень; глаза видят только их — ...еще одна, еще одна, еще... — и вдруг человек замечает, что ступеней больше нет, что впереди ровная площадка. Не веря своим глазам, он подымает голову... и ужас сковывает все его тело: прямо перед ним огромный, искаженный яростью и ненавистью лик чудо-

вища. Он сияет золотом, ослепляя отраженными брызгами лучей солнца, и кажется, что чудовище неотвратимо движется прямо на вас... Слева и справа в огромных каменных чашах горит жертвенный огонь, а вокруг, сложа руки на груди, в развевающихся по ветру красных накидках и высоких головных уборах из перьев стоят мрачные фигуры служителей этого отвратительного божества.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

ИСПЫТАНИЕ ВОЖДЕЙ

Расплата? Смерть!

Ах Тупп Кабаль видел, как шевелились губы жреца, стоявшего рядом с золотым чудовищем, ио слова ие доходили до его сознаиия, потрясеииого ужасом.

— Что же ты ие грохочешь, Ах Тупп Кабаль?.. — наконец доиесся до него голос откуда-то издалека.

Ои понял слова главного жреца столицы людей тутуль шив города Ушмаля. Понял также, что ужас, охвативший его при встрече с золотым божеством на вершиие пирамиды, сделал его, прозваииого Ах Тупп Кабалем — Тот, что грохочет как гром, предметом иасмешки жрецов, ио иичего не ответил, созиавая свое полнейшее бессилие.

Главный жрец медлеиио поднял к небу руки, повернулся лицом к храму и вошел внутрь через узкий вход, закрытый плотной циновкой, сплетеииой из тростиика. От ветра и движеиия длиииые перья головного убора главиого жреца шевелились, словио змеи, сползавшие вииз по спиие.

— Старший сын рода Чи из города Маии! — сказал одии из жрецов. — Следуй за Великим служителем Храма бога дождя Чаака могучего и славного города Ушмаля!

Ах Тупп Кабаль уже не сомиевался, что имеиио здесь, в храме, жрецы подвергиут его строгому испытанию; здесь оии решат, достоии ли ои предстать перед Верховным правителем —

халач виником города Ушмаля Ах Суйток'Тутуль Шивом, чтобы принять участие в обряде Испытания вождей.

Этот ритуал, связанный с передачей власти правителями батабам подвластных халач винику городов, проводился в преддверии каждого нового двадцатилетия. Он сохранялся с незапамятных времен, и когда-то благодаря ему батабами городов и селений народа майя становились лишь самые достойные и благородные люди. Но шли годы, менялись времена, и уже много поколений трон владыки переходил по наследству, а само Испытание вождей превратилось лишь в пышный обряд передачи власти.

И вот в Ушмаль на Испытание вождей пришел из города Мани Ах Тупп Кабаль. Он не был сыном владыки, хотя и принадлежал к его роду по материнской линии; он не мог претендовать на трон батаба, но все же пришел.

Мать Ах Тупп Кабаля в отличие от других женщин своего народа, покорных и униженно послушных, обладала властным и решительным характером. Выйдя замуж в двадцать лет, как того требовал обычай, она с годами стала полновластной хозяйкой не только дома, но и всего рода своего мужа — одного из самых знатных в городе Маки. В Маки стали поговаривать, что эту решительную женщину всерьез побаиваются все мужчины города и даже сам владыка, которому она доводилась единоутробной сестрой.

Поэтому никого не удивило, что именно она вспомнила о древнем обычае своего народа, допускавшем к Испытанию вождей людей достойных, а не одних только сыновей наследников владыки. Она же сумела убедить несколько знатных семей направить тайных послацев в город Ушмаль к халач винику Ах Суйток'у, чтобы вымолить позволение Ах Тупп Кабалю вступить в состязание с сыном владыки Маки на предстоящем Испытании вождей за право стать новым батабом их родного города.

Пожалуй, труднее всего оказалось уговорить самого Ах Тупп Кабаля, унаследовавшего от матери ее крутой нрав. Однако трон батаба был слишком заманчивой наградой победителю, и сын поддался ее уговорам. Она обучила его всем премудростям Испытания вождей, которые знала с детства, так как в доме владыки, где она жила до замужества, от женщин не скрывали тайны этого старинного ритуала.

Но больше всего мать Ах Тупп Кабаля беспокоило другое.

Ах Суйток' стар и дряхл. Когда-то грозный и жестокий предводитель боевых отрядов людей тутуль шнв, он захватил почти три катуна назад земли зтой огромиой долины, похожей на гигантскую чашу, защищенную с севера горной грядой. Однако теперь он доживал свои последние годы, а страной и городом Ушмаль, который Ах Суйток' основал и застроил великолепными сооружениями, правил его сын, во всем послушный коварным и хитрым жрецам. Их-то и следовало опасаться. Это они, ревностные хранители традиций и обычаев, могли не допустить участия Ах Тупп Кабаля в Испытании вождей.

Именно поэтому с еще большей настойчивостью и старанием мать обучала (конечно, не сама, а с помощью жрецов города Мани) своего сына жреческим наукам, с которыми он, как отпрыск знатного рода, конечно, познакомился еще с детства, но недостаточно хорошо.

Словом, когда наступил конец очередного двадцатилетия — катуна и Ах Тупп Кабаль должен был отправиться в город Ушмаль на Испытание вождей, не было юноши, который мог бы соперничать с ним не только в силе и ловкости, но и в знаниях жреческих наук.

Утром на рассвете в сопровождении нескольких воинов и рабов из своего дома — от носилок он наотрез отказался, как ни настаивала мать, — Ах Тупп Кабаль покинул родной город. Ему предстояло пройти немалое расстояние: носильщики и рабы — переносчики грузов — обычно добирались от Мани до Ушмаля за два дня пути, двигаясь почти без отдыха от восхода до заката солнца. Но Ах Тупп Кабаль решил прийти в Ушмаль в этот же день, чтобы лишний раз показать свою силу и выносливость...

Построившись гуськом, караван Ах Тупп Кабаля тронулся в путь. Люди шли быстро, почти бегом. Хорошо утоптанная широкая тропа, соединявшая город Мани со столицей людей тутуль шив, вначале подымалась в горы бесконечно длинным серпантином. Однако затем, преодолев труднопроходимую горную местность, она почти все время бежала под уклон, облегчая путникам их нелегкий труд. Тропа шла мимо зеленых полей маиса, сквозь непроходимые чащи девственной сельвы; иногда каравану попадались покинутые крестьянами бесплодные поля, землю которых истощили посевы. Ближе к селениям или городам, стоявшим на ее пути, тропа становилась шире, утоптаннее; кое-где она даже была выложена ровными камнями, по

которым звонко шлепали подошвы сандалий, сделанные из кожи тапира или крупного оленя...

Только в полдень Ах Тупп Кабаль разрешил своим людям сделать короткий привал; они съели по куску сухой кукурузной лепешки с черной фасолью, заправленной острым перцем, выпили по глотку воды, чтобы освежить рот, и опять тронулись в путь.

Солнце еще стояло высоко над горизонтом, когда они вышли на широкую мощеную дорогу, а часа через два караван подошел к военной заставе. Здесь воины тутуль шив охраняли городскую черту своего священного города Ушмаля. Вместе с часовыми прибывших встретили жрецы.

— Ты Ах Тупп Кабаль из рода Чи? — спросил старший жрец.

— Да! — последовал ответ.

— Ты пришел из города Мани, чтобы подвергнуть себя Испытанию вождей?

— Да!

— Ты готов вступить в состязание, чтобы великий халач виник Ах Суйток', несящий священное имя бога дождя Чаака — нашего покровителя и господина, решил: достоин ли ты стать батабом — Тем, кто владеет топором — города Мани?

— Да!

— Знаешь ли ты, что ждет того, кто не выдержит испытания?

— Смерть! — ответил своим зычным голосом Ах Тупп Кабаль и переступил границу столицы людей тутуль шив.

Жрецы провели Ах Тупп Кабаля по окраинным улицам города прямо к подножью Пирамиды чудотворца. На ее вершине покоился величественный храм Бога дождя Чаака, капризного божества, от прихоти которого зависела жизнь народа тутуль шив. Только он один распоряжался дождем, без которого эта огромная чаша-долина стала бы мертвой. Здесь, у пирамиды, все покинули Ах Тупп Кабаля.

Он стоял так близко к пирамиде, что взгляд его упирался в ее высокие каменные ступени, круто уходившие ввысь. Больше Ах Тупп Кабаль не видел ничего. Он не решался повернуть голову, так как знал, что кто-нибудь из жрецов обязательно наблюдает за ним. А он не должен проявлять ни слабости, ни любопытства, впрочем последнее тоже относилось к человеческим слабостям. Ах Тупп Кабаль старался ни о чем не думать, так было легче переносить томительное ожидание неизвестного.

Наступила ночь, но за ним никто не пришеп. Море звуков, которыми по ночам дышит земпя, запопнипо тишину; стрекотание, свист, легкий скрежет, шелест и цоканье насекомых и животных повиспи над спящей земпей. Непроглядную тьму тропической ночи освещали лишь таинственные звезды да светлячки, медленно проплывавшие мимо Ах Тупп Кабаля. Иногда они сталкивались с каменными глыбами пирамиды, и тогда он с интересом наблюдал, как живой зепеный огонек с оранжевыми, желтыми, красными и синими крапинками попзап по ее громадным ступеням.

Рассвет наступип так же внезапно, как опустипась ночная мгпа. И опять никто не пришеп за Ах Тупп Кабапем. Солнце подымапось все выше и выше. Он стоял у южного склона пирамиды и внимательно следил, как постепенно сползала вниз по камням его тень, пока совсем не исчезпа под ногами. Лучи солнца нещадно папипи, обжигая гопову и спину. Во рту пересохло, хотелось пить...

Вдруг чьи-то руки топкнули его прямо на ступени пирамиды, и властный голос приказал подниматься вверх.

Отекшие от допгого неподвижного стояния ноги никак не слушались Ах Тупп Кабаля. Чтобы взобраться на новую ступень, ему приходилось так высоко подымать ногу, что колено почти упирапось в грудь. А жрецы торопили: «Скорей, скорей, скорей...» Сколько их, этих ненавистных ступеней? Снизу казалось, что их гораздо меньше; теперь им не быпо конца...

«Скорей!..» — ступени. «Скорей!» — ступени. «Скорей, скорей, скорей!..» — ступени, ступени, ступени... И вдруг на терявшего от усталости рассудок Ах Тупп Кабаля шагнуло золотое чудовище — сам всесипьный и неповторимый бог дождя Чаак!..

Человек, отвечай!..

В храме было темно и прохпадно: толстые стены, сложенные из огромных, хорошо пригнанных друг к другу и скрепленных известью камней, защищапи внутренние помещения от зноя. Окон не быпо, и свет проникал лишь через узкий проход — коридор, закрытый к тому же циновкой.

Глаза постепенно привыкали к темноте. Кругом на массивных каменных аптарях стояпи мапенькие и большие чудовища, изо-

бражавшие бога дождя и другие божества людей тутуль шив. Одни из них были сделаны из камня, несколько фигурок из золота, многие из гипса и глины, раскрашенные в яркие краски, среди которых преобладали желтые, красные, зеленые и коричневые цвета. Рядом с каждым божеством находились причудливые сосуды и огромные блюда, наполненные жидкостью, издававшей резкий запах. «Как много крови жертв!» — подумал Ах Тупп Кабаль. В Центральной камере храма на продолговатой каменной плите лежали священные книги, хранившие тайны жрецов, а в углу на широком ложе, также высеченном из каменной глыбы, покоилась Циновка ягуара, хранителем которой был халач виник — Верховный правитель города Ушмаля.

Ах Тупп Кабаль окончательно пришел в себя от потрясения, испытанного на вершине пирамиды. Он не чувствовал больше ни жажды, ни усталости, — привычная обстановка в храме успокоила его. В родном городе Мани он часто приходил в храмы, когда обучался у жрецов, и теперь был готов пройти любое испытание, ответить на самые хитроумные вопросы главного служителя и других жрецов.

Главный жрец храма бога дождя Чаака раскрыл священную книгу.

— Человек, читай! — приказал он.

Взгляд Ах Тупп Кабаля устремился на ровные вертикальные линии слов. Напрягая зрение, чтобы не ошибиться и не перепутать в темноте схожие знаки, он стал читать:

Это перечисление двадцатилетий,
прошедших с тех пор,
как они покинули страну,
свои жилища в Ноноваль.
4 двадцатилетия тутуль шив жили
к западу от Суйва.
Они пришли из страны
Тулапан Чиконахт'ан.
4 двадцатилетия
они странствовали, а затем пришли сюда
с вождем — простолюдином Тепеух
и его свитой... *

Ах Тупп Кабаль хорошо помнил древнее сказание о странствиях своего народа — людей тутуль шив. Много двадцатиле-

* Здесь и дальше перевод с майя из «книги Чилам Балам» из Чумайэля Ю. В. Кнорозова.

тий — катунов назад они покинули свою страну Ноиовалько, лежавшую на берегу гостеприимного синего моря.

Правда, говорили, что люди тутуль шив ушли из родного края не столько в поисках более плодородных земель, сколько из-за постоянных набегов северных народов, поклонявшихся Пернатому змею. Они постоянно уничтожали посевы, разоряли селения и города, уводили пленных, чтобы принести их в жертву своему злому божеству. Эти жестокие люди говорили на непонятном языке, который сами называли нахуатль: себя же они величали тольтеками, жителями города Толлана.

Правитель и жрецы Ноиовалько согласились было платить тольтекам ежегодную дань и даже давать своих людей для жертвоприношений, но человек из народа по имени Тепеух сумел поднять людей тутуль шив и увести их за собой. Они двинулись на юг.

Трудно уходить с насиженных мест, покидать край, в котором теплились туманные воспоминания о легендарной прародине всех народов — Семи пещерах, воспетой сказителями-пророками сказочной Суйвы... Но еще невыносимее покориться врагам, и люди ушли за Тепеухом. Он привел их в «Столицу страны девяти рек» — Тулапан Чиконахт'ан, где широкая река Усумасинта отдавала свои воды безбрежному морю. Здесь люди тутуль шив жили недолго; вскоре они устремились в глубь неведомой огромной страны, преодолев вначале длинную горную гряду, прозванную местом, где «много каменных ножей» — Чак Набитон.

Ах Тупп Кабаль с волнением думал, почему главный жрец города Ушмаля выбрал именно это сказание. Ему казалось, что его поступок чем-то напоминал подвиг бунтаря-простолюдина, легендарного вождя Тепеуха. Не было ли в этом доброго предзнаменования?..

80 лет и 1 год еще
они странствовали всего
с тех пор, как покинули свою землю,
а затем они пришли сюда, в эту область
Чак Набитон;
Этих лет (было): 81 год... —

медленно выговаривал Ах Тупп Кабаль. Он внимательно следил за чтением каждого знака, так как знал, что многие слова сейчас уже произносятся иначе, чем они звучали в древности.

Сказание заканчивалось рассказом о том, как великий Ах

Суйток' привел людей тутуль шив в долину и начал строить священный город Ушмаль. Эта последняя часть была написана сравнительно недавно — черная и красная краски еще сохраняли свою свежесть.

В городе Ушмале не было естественных водоемов и рек: столица и подвластные ей города и селения, раскинувшиеся вокруг на многие тысячи полетов стрелы, жили лишь щедротами Бога дождя. Поэтому жрецы уделяли много внимания астрономии и календарю. Ах Тупп Кабалю пришлось проявить свои знания и в этих науках. Он быстро производил необходимые расчеты, не забывая каждый раз называть имя божества — покровителя дня, месяца, года и двадцатилетия. Жрецы потребовали также, чтобы он назвал счет дням по единицам календаря.

— Человек, считай!.. — приказал главный жрец, и Ах Тупп Кабаль начал счет.

— 20 кинов равны одному виналю;

18 виналей — одному туну (он не забыл, что именно здесь жрецы-астрономы отказались от правильной системы счета, чтобы получить год, равный 360 дням);

20 тунов — к'атуну;

20 катунов — бак'туну;

20 бактунов — пиктуну;

20 пиктунов — калабтуну;

20 калабтунов — к'инчильтуну;

20 к'инчильтунов равны одному алавтуну, или 25 040 000 000 дней, — закончил Ах Тупп Кабаль.

— Ты знаешь, что иногда боги прячут от людей днем солнце, а ночью луну! Можешь ли ты предсказать, когда они снова пожелают это сделать? — спросил главный жрец.

— Могу, — не задумываясь, ответил Ах Тупп Кабаль, — только дай мне твои великие книги — звездочеты, и я скажу тебе, Великий главный жрец священного города Ушмаль, когда это произойдет.

Главный жрец, казалось, удовлетворился ответом. Он подошел к Ах Тупп Кабалю и сказал:

— Старший сын рода Чи! Иди во дворец халач виника. Великий Ах Суйток' приказал тебе быть завтра на Испытании вождей.

Шатаясь от усталости и великого ликования, охватившего его, Ах Тупп Кабаль вышел из храма.

Была уже ночь, последняя ночь перед Испытанием вождей, и

прежде чем спуститься с пирамиды, он долго смотрел на север, туда, где с нетерпением и тревогой ждали его возвращения. Завтра он победит и вернется владыкой-батабом в свой родной город Мани, которым отныне будут править люди из его рода, из рода Чи...

«Язык Суйва» из «книги Чилам Балам»

В одной из «книг Чилам Балам» — она называется «Язык Суйва и его значение» — довольно подробно рассказывается о ритуале Испытания вождей.

В «книге» говорится, что халач виник начинал «испытание» батабов — Тех, кто владеет топором — только после того, как они доказывали свое высокое происхождение и тем самым подтверждали право унаследовать должность правителя селения или города. Это были наследники ахавов, владетельных сеньоров. Халач виник задавал им вопросы-загадки:

...Это вот первая загадка,
которая задается им:
их просят (принести) еду.
«Принесите мне Солнце», —
скажет халач виник батабам,
Тем, кто владеет топором.
«Принесите мне Солнце, дети мои,
чтобы оно находилось в моей посуде.
В центре его сердца должно быть
воткнуто копье с высоким крестом,
где восседает Яш Болон,
Зеленый Ягуар, пьющий кровь.
Это язык Суйва».
Это их просят следующее:
Солнце — это большое жареное яйцо,
а копье с высоким крестом,
воткнутое в его сердце, о котором говорится,
есть благословение *,

* Понятия «крест», «благословение», по-видимому, уже более позднее «приобретение» древних текстов, приспособленных к «требованиям» колониального периода.

а Зеленый Ягуар, восседающий на нем
и пьющий кровь, — это
зеленый «чили» *, когда он начинает краснеть.
Вот таков язык Суйва...

В таком же духе составлены вторая и третья загадки; не отличается оригинальностью и четвертая загадка-задание:

...Четвертая загадка задается им,
чтобы они пошли в свой дом, (и)
им говорят (при этом): «Дети мои,
когда вы придете (назад) ко мне,
это должно случиться,
когда Солнце будет посредине неба, —
вас будет двое, юноши, и вы придете
очень близко (друг к другу),
и когда вы подойдете сюда,
ваша домашняя собака
должна идти следом за вами
и чтобы она несла в зубах
душу Килич Колель, Святой Сеньоры,
когда вы придете.
(Это) язык Суйва».
Два юноши, о которых говорят,
что они должны вместе идти в полдень,
это тот же (один юноша), наступающий
на свою тень,
а собака,
которую просят привести с ним вместе,
это его собственная жена,
а душа Килич Колель, Святой Сеньоры,
это большие свечи, толстые свечи из воска.
Таков есть язык из Суйва...

Состязающихся также просят принести и сандалии из кожи тапира, и зерна кукурузы, и хвост игуаны, и даже кишки пекари — небольшой дикой свиньи... Словом задания-загадки хотя и разнообразны по своему содержанию, однако они одинаково несложны для каждого, кто имел возможность заранее ознакомиться с ними.

Конечно, ритуал Испытания вождей сопровождался необычайно пышным и торжественным церемониалом. Придворная знать красовалась золотом и

---

* Чили — очень едкий мексиканский перец.

драгоценными камнями; перья редчайших птиц играли живописной радугой всех цветов и оттенков, яркие ткани, стройные бронзовые тела индейцев скрашивали примитивность и даже убогость этого «торжества».

Ритуал Испытания вождей предусматривал также наказание для тех, кто не сумеет правильно понять и исполнить слова халач виника:

...Батабов — Тех, кто владеют топором,—
не выполнявших смысл этих слов,
ибо они не сумели понять их перед халач виником, вождем,
имеющим самое большое значение среди местных (жителей),
арестовывают *,

* Буквально: «хватают».

и печаль и ужас обрушиваются на их дома,
и печаль и страдания будут рыдать в центре селений,
и в дома знатных (вельмож) войдет смерть,
не оставив никого живым...

Если учесть характер самих «испытаний» и состав их участников, подобная суровость выглядит маловероятной. По-видимому, в период зарождения ритуала Испытания вождей существовала возможность какого-то наказания, даже смерти, ибо между соревнующимися шла бескомпромиссная борьба за власть, однако когда власть фактически стала наследственной и передавалась непосредственно от отца к сыну, вряд ли были необходимы столь строгие меры. Провалившихся на подобных «экзаменах» — они никак не служили для выявления достойных, — по образному выражению Ю. В. Кнорозова, «просто гнали в шею».

Скорее всего именно таким был «печальный» конец тех, кто не сумел усвоить «язык из Суйва»...

Ушмаль: пирамиды

(Продолжение)

Посетив Ушмаль, мы не могли отказать себе в удовольствии взобраться на вершину Пирамиды чудотворца. Конечно, нам было гораздо легче подниматься по ее огромным крутым ступеням, ибо нас никто не подгонял. К тому же мы точно знали, что наверху никто не готовил нам устрашающего сюрприза в виде финального «архитектурного эффекта», верно служившего жестокой религии жрецов майя. Об этом своевременно позаботились испанские завоеватели и католические монахи: они поспешили переплавить «золотых чудовищ», украшавших пирамиды, в легко транспортируемые слитки золота (исклю-

чительно ради борьбы с «проклятой ересью»), разбили и сбросили с пирамид каменных идолов, храмы разрушили, а жрецов попросту перебили.

И все же восхождение оказалось достаточно трудным, хотя мы спокойно и вволю отдыхали на ступеньках пирамиды, а когда цель была уже совсем близка, ощущение «бесконечности» лестницы, по которой можно подняться «прямо на небо», при всей абсурдности подобной идеи стало вкрадываться и к нам в душу.

Обливаясь потом, мы все же добрались до последних ступеней, и тут на самом краю лестницы-обрыва мы увидели... нет, не чудовище, а маленькую смуглую девочку в чистеньком белом платьице. Нужно сказать, что на Юкатане женщины ходят только в белых платьях, всегда удивительно чистых и опрятных (нам говорили, что женщины майя стирают свою одежду по нескольку раз в день). Девочка протягивала свою ручонку, чтобы помочь измученным «сеньорам» преодолеть последний барьер. Признаюсь, в тот момент нам ничего так не хотелось, как принять чью-либо помощь, однако мужская гордость взяла верх и последние, поистине мучительные шаги мы все же сделали вполне самостоятельно.

Толстые, полуразрушенные стены огромного храма бросали спасительную тень. Вывороченные каменные глыбы — люди и время приложили свои руки к этой грязной работе — показались мягче любого кресла. Мы молча уселись на них, прячась от невыносимо палящего солнца; нужно было хоть немного отдышаться и остыть.

Мы не сразу догадались, что «наша» девочка проделала тот же самый путь, что и мы, но только не по южному, а по северному склону. Она поднялась сюда ради нас, и, пока мы отдыхали, девочка «выпалила» заученной скороговоркой легенду о том, как была построена Пирамида чудотворца и почему она так называется. Вот как выглядела эта история (конечно, не вполне дословно).

Давно-давно жила колдунья. Она была ужасно

старой и очень злой, но еще злее был грозный правитель Ушмаля. Однажды она родила из яйца мальчика, который за один год стал настоящим мужчиной, но только он был карликом. Старуха сказала карлику, что он должен вызвать на состязание злого правителя Ушмаля. Старуха помогла ему, и карлик победил правителя и посрамил его перед народом. Это карлик построил пирамиду за одну ночь — таким было одно из заданий, — и поэтому ее называли Пирамидой чудотворца. Тогда хитрый и злой правитель придумал еще одно, самое последнее состязание. Оно было очень страшным: на голове у соревнующихся нужно было разбить ужасно твердый орех — кокойль. Старуха и тут помогла карлику, а когда настала его очередь разбить орех, череп правителя сам раскололся пополам. Конечно, люди тут же провозгласили карлика чудотворцем и, конечно, он стал правителем Ушмаля. Люди радовались победе доброго карлика. Стали искать и старуху, но она исчезла; она даже ничего не попросила у карлика. Говорят, сеньоры, что она и сейчас живет в пещере неподалеку от древнего города Мани и продает там воду, но только в обмен на маленьких детей, которыми кормит своего супруга — страшного змея...

К концу рассказа мы успели прийти в себя и только тогда увидели величавую, неповторимую красоту лежащих внизу под нами развалин древней столицы людей тутуль шив Ушмаля.

Гигантское здание, распластавшееся на земле строгим квадратом с просторным, словно открытое поле, внутренним двором (кому могло прийти в голову назвать его «Квадратом монашек»?). Стройные площадки для игр в мяч, Храм черепах, Квадрат голубей (что за убогость фантазии?!) и многие другие строения Ушмаля лежали внизу, неповторимо прекрасные, хотя и разрушенные временем, природой и человеком...

Но и этого, оказалось, было мало: на широкой площади гордо возвышался венец Ушмаля — Дворец губернатора — поразительное сооружение, при-

чудливый танец или скорее даже песня, воплощенная в каменном узоре... Прав был известный американский ученый-майист Сильванус Морли, когда назвал Дворец губернатора самым прекрасным зданием древней Америки!..

— Ты майя, ты говоришь на языке тех, кто построил все эти чудеса? — спросили мы нашу маленькую сказительницу легенд.

— Да, сеньоры, — ответила она сразу на оба вопроса. И тогда внезапно, видимо под воздействием окружающих нас чудес, нам захотелось сделать что-то необычное, почти невероятное, и мы... прочли вспомнившиеся слова из «книги Чилам Балам»:

Лахун каль хааб ну тепалоб
Люм Ушмаль
Йетель у халач виникиль Чич'ен-Итса
Йетель Майальпан.
Лай у хаабиль ку шимбаль
Ка учи аньос: лахун каль *.

К сожалению, девочка не оценила наш «подвиг». Ее лицо изобразило изумление и испуг; было ясно, что она ничего не поняла!

И в этом нет ничего удивительного. Конечно, московское произношение языка майя наверняка сыграло свою роль, однако дело не столько в нем, сколько в самом языке: попробуйте заговорить с любым советским школьником на языке Киевской Руси, и вы получите почти тот же результат. Ваш слушатель удивится гораздо больше, чем ежели вы начнете разговаривать с ним на любом незнакомом ему иностранном языке. Кстати, и «наша» девочка-майя совершенно спокойно воспринимала русскую речь, ничуть не удивляясь ей.

---

* Двести лет они правили
в земле Ушмаля
вместе с правителем Чич'ен-Ица
и Майяпана.
Этих лет, которые прошли
с тех пор: 200 (лет).

«Ланда» XX века

По совету мексиканских друзей из Национального института антропологии и истории — так называется в Мексике научный центр, под руководством которого ведется всестороннее изучение доколумбовой Америки, — мы решили завершить свое знакомство с Юкатаном посещением Острова женщины. Этот островок настолько мал, что менее чем за час его можно обойти вдоль и поперек. Здесь находятся развалины самого миниатюрного храма древних майя, сложенного (глагол «возводить» никак не вяжется с его размерами) в честь прекрасной Иш Чель, божественной супруги Ицамна.

Если говорить честно, память не сохранила очертания развалин этого храма, и виной тому не размеры и не степень сохранности или важности храма, а... сам остров. Он настолько красив, что буквально подавил нас своим сказочным очарованием. Если бы потребовалось подобрать на земле место для рая, каждый, кому хоть раз посчастливилось побывать на Острове женщины, не задумываясь, назвал бы этот благодатный клочок земли, омываемый со всех сторон кристально чистой, удивительно нежной водой, едва тронутой бирюзовой голубизной. Белый, как сахар, ласковый песок, стройные королевские пальмы и тишина, околдовывающая душу убаюкивающим спокойствием и даже — это уже опасно! — отрешенностью от всего земного: «Сидел бы всю жизнь на бережку, глядел бы на песочек, водичку, камешки, пальмочку...»

Остров — самая восточная территория Мексики. Отсюда рукой подать до Кубы, и, должно быть, поэтому в одной из бухт мы увидели два больших рыболовецких сейнера с развевающимися на ветру зна-

менами острова Свободы. Даже чарующая, неземная красота Острова женщины оказалась бессильной и не помешала нам вспомнить, что Мексика — единственная из латиноамериканских стран, не порвавшая отношений с революционной Кубой.

Мы провели на острове целый день. Следующим утром на небольшом катере вместе с немногочисленными пассажирами и шестью попарно связанными черными свиньями мы переплыли узкий пролив, разделяющий остров с материком, вернее, с полуостровом Юкатан (между прочим, когда мы плыли на остров, нашими «спутниками» были точно такие же черные свиньи). У одинокого, сколоченного из досок причала с громким названием Порт Хуареса * нас поджидала машина. Все еще околдованные красотой Острова женщины, мы молча уселись в нее и тронулись в обратный путь.

Однако нам не повезло: вскоре машина слома-

* Бенито Хуарес — национальный герой Мексики, первый президент-индеец.

лась, и по рекомендации шофера-мексиканца мы были вынуждены приступить к несложной процедуре «голосования» на шоссе, как оказалось, совершенно одинаковой во всех странах мира.

Не было машины, которая не остановилась бы при виде сигнала бедствия, но все они шли, перегруженные пассажирами, и поэтому на нашу долю доставалось лишь искреннее сочувствие.

Наконец далеко-далеко на прямом и узком, как школьная линейка, шоссе появилась маленькая точка. Она быстро росла, пока не достигла размеров большого многоместного автобуса. Он затормозил прямо перед нами. Не мешкая, мы заняли свободные места, и автобус рванулся вперед.

Он был довольно ветхой конструкции, но развивал огромную скорость. К сожалению, это обстоятельство не очень влияло на скорость нашего передвижения, поскольку водителю приходилось довольно часто останавливать машину, чтобы принять новых и распрощаться со старыми пассажирами. Де-

сятки людей, молодых и старых, женщин и мужчин, прошли перед нашими глазами.

Мы смотрели на них и изумлялись; казалось, что они только что сошли с фресок и барельефов древних храмов и дворцов Паленке, Бонампака, Ушмаля, Чич'ен-Ица... Горбатый, почти полукруглый нос; острый, но не выступающий вперед подбородок, чуть-чуть раскосые черные глаза, и только лоб не был таким опрокинутым и заваленным назад, каким его изображали художники и скульпторы в древности. Но такое различие во внешности древних и современных жителей Юкатана имеет вполне точное объяснение: древние майя, по-видимому, считали идеалом красоты такой лоб, который образует с линией носа почти прямой (!) угол.

Однако природа чрезвычайно редко шла навстречу их вкусам, и тогда люди сами придумали, как подогнать себя к эталону красоты. Для достижения необходимой деформации черепа они изобрели специальный «пресс». Он состоял из двух положенных друг на друга прямых досок, скрепленных веревками с одного конца; с другого конца доски разводились, и в вершину образовавшегося угла втискивалась голова новорожденного младенца. Постепенно разведенные концы досок стягивались (тоже веревками), доводя приплюснутость черепа до нужной формы, которая диктовалась нормами красоты. Судя по тому, что майя достигли в науках, искусстве, архитектуре и других сферах своей деятельности, такая деформация черепа в младенческом возрасте не сказывалась в дальнейшем на умственных способностях, если, конечно, новорожденные выживали, ибо какая-то часть из них умирала, не перенеся этой пытки.

Долгое путешествие — верный союзник для тех, кто ищет собеседника. Вскоре после одной из многочисленных остановок на сиденье перед нами оказался пожилой мужчина, одетый, как и все мужчины Юкатана, в синий грубротканый костюм, похожий на комбинезон. Ему нетрудно было угадать в нас случайных пассажиров этого обычного рейсового автобуса; нам же был не менее очевиден его интерес

к «нашим особам». К взаимному удовольствию, знакомство быстро состоялось.

Пожилой мужчина оказался учителем. Он возвращался в школу от своих родных, живших в небольшом селении на берегу моря. Когда и мы, в свою очередь, представились ему, он не стал скрывать своего удивления и заявил, что впервые видит советских людей и слышит русскую речь.

Узнав, зачем мы приехали на Юкатан, он стал рассказывать о древней цивилизации майя, остатками материальной культуры которой буквально «утыкан» весь полуостров. Он говорил удивительно ярко. Было видно, что учитель не только знает историю своих древних предков — в школе он преподает математику, а не историю, — его глубоко волнует все, что связано с прошлым величием и могуществом, с разрушением цивилизации майя испанскими завоевателями, с безрадостным и тяжелым периодом колониального господства. Однако больше всего импонировала его беззаветная вера в светлое будущее своего народа.

В небольшом городе, лежавшем на нашем пути, автобус вдруг запрыгал по канавам, которыми были покрыты городские улицы и центральная площадь. Мы вспомнили, что точно такими же канавами «разукрашено» большинство улиц и площадей Мериды — столицы Юкатана. Учитель догадался, о чем мы говорили между собой (конечно, по-русски).

— Пропаганда, — сказал он, отвечая на незаданный ему вопрос. — Гринго * роют нам канавы ради «прогресса», требуя взамен нашего «союза» в их грязных делах. Канавы прорыли давно, а водопроводные трубы никак не проложат...

Мы поняли намек относительно пресловутого «Союза ради прогресса» и в шутку сказали, что подумали, будто канавы — оригинальные археологические раскопки, которые ведутся в городах Юкатана.

— Этим они тоже интересуются, — сказал сердито учитель, — они всюду поспевают...

* Презрительная кличка жителей США.

Он долго молчал, думая о чем-то своем, а потом заговорил:

— Вы, должно быть, уже посетили Чич'ен-Ица! Там обязательно побывает каждый, кто приезжает на Юкатан. Помню, я еще был мальчишкой, когда все эти земли — я имею в виду территорию, которую занимает Чич'ен, — купил консул Соединенных Штатов в Мериде мистер Эдвард Томпсон *. Каждый, кто интересуется древними майя, конечно, слышал это имя. Но не все знают его так хорошо, как мы, юкатанцы... Он их купил. Но что значит купил? Время тогда было неспокойное, в Мексике началась гражданская война против диктатора Порфирио Диаса **, в которую охотно впутывались и гринго... Так что, собственно, покупать земли Чич'ена было не у кого, но Томпсон как-то сумел оформить бумаги и принялся рыскать по развалинам...

Никто не спорит, что именно этот гринго обнаружил священный город майя Чич'ен-Ица. Впрочем, и без него город бы нашли... Он начал вести здесь археологические раскопки. Рыл, копал, что-то куда-то таскал — словом, вроде бы полезное дело делал. Но сколько и чего вывез он отсюда — одному господу богу ведомо! Правда, многое все же попало потом в разные музеи, частные коллекции, конечно, не бесплатно, однако никто не знает, что еще хранится в его трастьенде ***.

Но не это самое страшное и обидное. О покойниках не принято говорить плохо, но консул Томпсон оказался таким ничтожеством, что просто невозможно поверить: уходя из Чич'ена, он сумел, простите за грубое слово, так нагадить, что потребовалось несколько лет, чтобы хоть немножко разобраться в том, что натворил этот подлец. Представляете, он приказал рабочим перетаскивать стелы, колонны, ба-

---

* Однофамилец ученого Эрика Томпсона.

** Диктатор, правивший Мексикой более трех десятилетий. Свергнут во время революции 1910—1917 годов.

*** Помещение, расположенное за магазином, в котором хранятся товары, утварь (и с п а н.); идиома «хранить в трастьенде» означает также: «скрывать», «прятать от людей».

рельефы и другие украшения, а то и целые блоки одних древних сооружений к месту расположения других, к которым они, естественно, не имели никакого отношения. Иными словами, он совершенно сознательно стремился все запутать, чтобы после его ухода из Чич'ена уже никто не мог с достоверностью определить, что и к чему относится, что и где находилось прежде, до прихода этого гринго в Чич'ен-Ица...

Несколько лет потратили археологи из города Мехико, чтобы восстановить первоначальную картину. Подумайте только, ведь не ради корысти или случайно, а совершенно сознательно наш современник позволяет себе такое! В результате злого умысла, злой прихоти человека совершается бессмысленная и преступная жестокость по отношению даже не к нам, не к нашему народу, а к истории Мексики. И кто позволяет себе такое?! Консул США! Той самой страны, которая претендует на роль нашего покровителя и благодетеля. Как вам это нравится?..

Ну, а драга, которую вы, конечно, видели в Священном колодце? Сколько золота и других драгоценностей вычерпал Эдвард Томпсон с помощью этой машины! Говорят, что, когда он впервые попал на Юкатан, он был бедным молодым парнем; зато отсюда ушел миллионером. Но ему этого показалось мало, и то, что не смог вывезти, он приказал разрушить. Чем этот гринго лучше тех варваров — конкистадоров, которые четыре века назад разрушили выдающиеся цивилизации наших предков?! Тех, завоевателей, конечно, тоже нельзя оправдать, но их хоть можно понять, можно даже объяснить, почему они так поступали...

Мы не перебивали взволнованный рассказ учителя. Да и что можно было сказать об этой действительно грязной истории, фактически перечеркнувшей всю огромную работу по раскопкам, проделанную Эдвардом Томпсоном на Юкатане.

К сожалению, мало кто знает об этой стороне

его «исследовательской» деятельности. Почему-то многие считают нужным умалчивать о ней. Возьмите хотя бы интересную книгу К. Керама «Боги Гробницы Ученые»; на ее страницах Эдвард Томпсон предстает совсем иным человеком. Конечно, могут найтись люди, которые попытаются возразить: дескать, мол, зачем бочку меда портить ложкой дегтя? Но ведь можно и по-другому подойти к оценке деятельности Эдварда Томпсона: где гарантия, что дегтя была только ложка, а не целая бочка, лишь сверху прикрытая не очень толстым слоем меда?

Бывший консул США на Юкатане, к сожалению, не единственный «ланда» XX века. Известно, что в частных коллекциях и даже государственных музеях «прячутся» важнейшие и интереснейшие документы и предметы материальной культуры, относящиеся к цивилизации майя (да и не только майя). Они обречены своими хозяевами на принудительное молчание. Многие памятники древних американских цивилизаций стали объектами всевозможных афер и беззастенчивой спекуляции. К сожалению, и по сей день в местах интенсивного иностранного туризма можно из-под полы купить ценнейшие изделия из керамики, вывоз которых за границу официально запрещен.

В последние годы правительство Мексики проделало огромную работу: были проведены и проводятся многочисленные новые раскопки; восстанавливаются важнейшие центры доколумбовых культур; более строго стали относиться мексиканские власти и к расхищению древностей. Сейчас уже невозможно разрушать и грабить исторические памятники так, как это делал Эдвард Томпсон в древней столице майя, священном городе Чич'ен-Ица. Это очень хорошо, ибо еще с десяток лет назад дело обстояло совсем по-другому. Тогда, например, при знакомстве даже с таким важнейшим археологическим центром, как гигантский комплекс сооружений древнего Теотихуакана, расположенным к тому же совсем рядом с городом Мехико, посетители становились очевидцами и участниками столь бойкой торговли всевоз-

можными изделиями древних теотихуаканцев — она велась оптом и в розницу, — что невольно возникала уверенность: здесь по сходной цене без особых угрызений совести продадут, упакуют и доставят на дом даже... Пирамиду Солнца!

Конечно, на повестке дня сегодня, да и завтра, к сожалению, не может еще стоять проблема всеохватывающего учета не только предметов древних культур, но и самих центров, — уж слишком их много для одной страны! Без всяких сомнений, еще многие и многие годы ученые и самодеятельные энтузиасты-следопыты будут находить новые, пока неведомые нам священные города, отвоевывать у сельвы развалины пирамид, храмов и дворцов, расширять и углублять археологический поиск на местах поселений аборигенов Америки.

Поистине сказочное изобилие очагов древних цивилизаций, их насыщенность остатками материальной культуры не позволяют пока наладить эффективный контроль за ними и охрану бесценных сокровищ, принадлежащих одному мексиканскому народу. И они продолжают ежедневно уплывать из страны в чемоданах туристов.

Учитель, навеявший эти грустные размышления, распрощался с нами на одной из остановок у небольшого селения. За окнами автобуса лежала гладкая, словно отутюженная земля, покрытая могучими тропическими лесами. Ближе к городу Мерида все чаще и чаще вдоль шоссе стали появляться невысокие изгороди, сложенные из крупных камней, из-за которых торчали огромные колючие «ежи». Это были кусты хенекена — основной сельскохозяйственной культуры на Юкатане. По мере нашего приближения к Мериде лесов становилось все меньше, пока они совсем не исчезли, уступив свое место полям, возделываемым трудолюбивой рукою человека.

Многое на Юкатане (его называют «независимым государством в Мексике») сохранило черты далекого прошлого. Но особенно нас поразила духовная чистота потомков древних майя, по сей день не ведающих, что такое ложь, обман, воровство...

Великое предательство

Когда легендарного правителя-полубога Толлана, принявшего священное имя Пернатого змея — Кетсалькоатля, тольтеки изгнали, он проклял свой народ и обещал вернуться, чтобы жестоко покарать отступников. Как известно, Толлан вскоре пал, разгромленный другими мексиканскими племенами. Однако культ Пернатого змея — Кетсалькоатля не был забыт; он продолжал жить.

Откуда-то с севера, возможно из легендарного Астлана, в Мексиканскую долину пришло новое племя кочевников. Их звали ацтеками. Это было, как гласит древнее предание, последнее из семи чичимекских племен, в течение нескольких столетий одно за другим наводнявших земли Мексики. Верховный жрец, вождь и пророк ацтеков Хуитсилопочтли не только обучил свой народ искусству владения луком и стрелами, но и предсказал, что ацтеки должны обосноваться там, где повстречают кактус, на котором орел будет терзать извивающуюся змею.

И ацтеки тронулись в путь. Их ждали трудности и невзгоды, но они настойчиво пробивались с боями на юг, в глубь гигантской плодородной долины, пока однажды на острове озера Тешкоко не увидели предсказанную Хуитсилопочтли картину. Здесь они обосновались, построили свою столицу — город Теночтитлан, соорудили дамбы, дворцы, пирамиды и, конечно, храмы для своих богов. Воинственные ацтеки не были брезгливы: покорив огромную густонаселенную территорию, они присвоили материальные и духовные достижения завоеванных ими народов. И вместе с богом войны Тескатлипока и богом дождя Тла-

локом Пернатый змей — Кетсалькоатль также стал их главным божеством.

Но земли Америки опять поджидала беда: пришли новые завоеватели. Тогда-то и свершилось великое предательство. Боги ацтеков не только не сумели защитить свой народ, а, наоборот, стали соучастниками, если не главными виновниками, страшной человеческой трагедии, разыгравшейся четыре с половиной столетия назад и закончившейся почти поголовным избиением местного населения — тех, кто поклонялся этим богам. И если сами боги лишь плод человеческой фантазии, к сожалению, их предательство — безжалостная правда: история завоевания империи ацтеков испанскими конкистадорами вынесла этот суровый приговор!

Если абстрагироваться от многочисленных романтических и приключенческих наслоений, которыми с годами обросла история открытия и завоевания Америки — ее начало было положено именно в Мексике, — прежде и больше всего поражает невероятная легкость, с которой оказалось разгромлено и полностью разрушено ацтекское государство.

К моменту прихода испанцев в Америку ацтеки владели в той или иной форме огромной территорией, на которой проживало не менее двух десятков миллионов человек (!) *. Следовательно, Мексика ацтеков могла легко выставить против испанских конкистадоров армию в сотни тысяч воинов, обученных военному искусству.

Между тем Эрнан Кортес начал свою экспедицию с пятьюстами семнадцатью солдатами (сам он был пятьсот восемнадцатым, или, вернее, первым), а к моменту решающих сражений за столицу ацтеков город Теночтитлан у Кортеса было немногим более девяти сотен испанских солдат.

Подавляющее большинство историков утверждает, что военная победа испанцев над ацтеками глав-

* По подсчетам американских ученых Бора и Кука, за период с 1519 по 1605 год индейское население Центральной Мексики сократилось с 25 миллионов 200 тысяч (!) до 1 миллиона 85 тысяч человек, то есть в двадцать три раза!

ным образом объясняется наличием у них конницы и огнестрельного оружия. Кроме того, на этом настаивают в первую очередь советские историки, их победа оказалась не только легкой, но и возможной еще и потому, что испанцы сумели быстро обзавестись союзниками среди индейцев, в частности тлашкаланцами, выставившими им в помощь несколько десятков тысяч воинов.

Нет оснований ставить под сомнение значение ни того, ни другого фактора, сыгравших решающую роль в войне европейских захватчиков с ацтеками в пользу первых. Боевые кони, стальные латы и мечи, наконец, огнестрельное оружие не только физически уничтожали ацтекскую армию, но и подавляли ее морально, порождая панический ужас, леденящий душу страх, лишая уверенности и приводя к полной дезорганизации и бегству боевые отряды индейцев.

Однако не менее достоверно и то, что сражение в Теночтитлане, известное под названием «Ночь печали», в чисто военном отношении было полностью проиграно испанцами, и следовательно, оно должно было нейтрализовать если не полностью, то хотя бы частично элементы военно-психологического превосходства испанцев над ацтеками. Но этого не произошло!

Почему? Ведь ацтеки со всей очевидностью убедились, что испанцев можно победить! И все же, несмотря на то, что в последующих битвах на каждого испанца приходилось чуть ли не по нескольку сотен воинов-индейцев, с невероятной отвагой сражавшихся против завоевателей, а не бежавших в панике от стальных мечей и огнедышащих аркебузов, военные поражения ацтеков следовали одно за другим, и война завершилась их быстрым и полным разгромом.

В чем причины столь невероятных военных успехов испанцев и столь же невероятных неудач ацтеков? Неужели дело только в порохе и железе да еще в боевых конях?

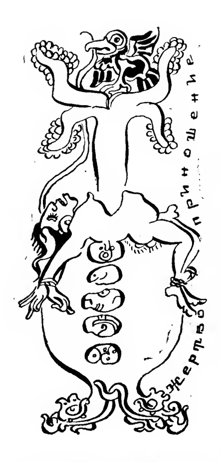
Нам представляется, что на этот вопрос следует

ответить решительным «нет!». Дотоле невиданное и чрезвычайно грозное оружие испанцев — их кавалерия оказалась лишь могущественным союзником той страшной силы, которая в действительности сокрушила империю ацтеков. Эта сила предназначалась — и в этом парадокс! — только и исключительно для защиты ацтеков, их государственного устройства, незыблемости существовавших порядков. Она довольно долго, а главное — верно служила именно этим целям. Поэтому ацтеки, вернее — их правители, оказались беспомощными и беззащитными, когда внезапно, в час тяжелого испытания, она, вместо того чтобы защитить, обрушилась против самих ацтеков. Они даже не успели понять случившегося, как были раздавлены испанскими конкистадорами. Этой силой была религия ацтеков.

Пожалуй, в истории вряд ли найдется другой подобный пример, когда именно религия оказалась решающим фактором разгрома и полного уничтожения тех, кому она должна была служить верой и правдой.

Скорее наоборот, в минуты смертельной опасности религия мобилизует свои усилия на защиту того народа, в среде которого она распространена. При этом религия отнюдь не бескорыстна, как может показаться на первый взгляд. В подобных действиях она видит единственное и наиболее эффективное средство самообороны. Вместе с тем именно в период наиболее тяжелых испытаний, каковым в первую очередь является война, религия обретает значительно большую притягательную силу. Она кажется той последней спасительной надеждой, тем чудом, которое одно способно совершить невозможное *.

* Говоря о том, что трудности, вызванные войной, приводят к росту религиозных настроений (речь шла о первой мировой войне), В. И. Ленин писал, что «...война не может не вызвать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики... Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. «Где страдания, там религия», говорит архиреакционер Баррес. И он прав».

Мрачная и жестокая, не признающая компромиссов религия ацтеков с массовыми человеческими жертвоприношениями не знала пределов в своем ревностном служении правящей кастовой аристократии.

Ацтеки находились в той начальной фазе общественного развития, когда чужеродный пленник-раб еще не был полностью включен в экономический механизм зарождавшегося классового общества, когда еще не были до конца осознаны те выгоды и преимущества, которые мог дать труд раба. Однако уже возник институт долгового рабства, распространявшийся на местную бедноту; раб-ацтек находил свое место в новых, развивавшихся производственных отношениях, но он сохранял за собою право выкупа, которого, как известно, лишен «классический» раб. Конечно, иноплеменных рабов тоже подключали к экономической деятельности, однако труд раба пока не стал основой основ этого общества.

Подобную недооценку значения рабского труда в высокоразвитом в государственном отношении классовом обществе, перешагнувшем порог между

второй и третьей фазами своего развития *, по-видимому, можно объяснить все еще значительным избыточным продуктом, возникавшим благодаря успешному использованию столь обильно плодоносящего сельскохозяйственного растения, как кукуруза, чрезвычайно благоприятным условиям мексиканского высокогорного плато для ее разведения и высочайшей культуре земледелия, унаследованной ацтеками от прежних обитателей Мексики **.

Бессмысленное уничтожение тысяч пленников-рабов на жертвенных алтарях ацтекских храмов было возведено в основу культа. Человеческое жертвоприношение стало центральным событием любого праздника. Жертвоприношения совершались чуть ли не ежедневно. В жертву приносили в одиночку с особо торжественными почестями — так, ежегодно из числа пленных выбирался самый красивый юноша, которому суждено было в течение года пользоваться всеми благами и привилегиями бога войны Тескатлипока, чтобы по истечении этого срока оказаться на жертвенном камне-алтаре. Но были и такие «праздники», когда жрецы отправляли в мир иной сотни, а по некоторым источникам, и тысячи пленных ***.

На тот случай, когда «запас» пленников истощался, а начинать новую войну по каким-либо причинам было нецелесообразно, ацтекские жрецы изобрели отвратительную, безрассудно жестокую форму «воспроизводства» пленных, так называемую «войну цветов». Подвластным провинциям, или царствам, повелевалось начать против ацтеков символическую войну, но только не настоящим, а игрушечным оружием.

* Следуя схеме, которую дает Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

** Некоторые современные ученые полагают, что зачаточное земледелие появилось в Центральной Мексике, именуемой также Месоамерикой, примерно 7—9 тысяч лет назад; хлопок и тыква были культурными растениями уже в III тысячелетии до нашей эры; несколько позже появилась кукуруза.

*** Трудно поверить в достоверность подобных утверждений, принадлежащих очевидцам конкисты. Из-за них «выглядывают» сутаны католических монахов, пытавшихся оправдать жестокости завоевателей.

Сами же ацтеки воевали всерьез, брали сколько нужно пленных и отнюдь не символически отправляли их на жертвенные камни. И в сияющей богатством и роскошью столице ацтеков городе Теночтитлане вырастали горы аккуратно сложенных пирамидами человеческих черепов.

Поэтому нет ничего удивительного, что благодаря усердию и рвению ацтекских жрецов, а главное, безудержному грабежу покоренных племен все неацтекское население Мексики было потенциальным союзником любого противника ацтеков. Испанцы великолепно учли эту обстановку. Свои жестокости они приберегли до окончательного разгрома ацтеков и взятия Теночтитлана.

Но обряд человеческих жертвоприношений заготовил еще одну коварную ловушку для тех, кто столь усиленно практиковал его. Он оказал решающее воздействие на непосредственные задачи войны. Пленение врага, особенно вражеских вождей, стало играть почти столь же существенную роль, как и захват новых земель и военный разбой. Причем тактика ведения боя, характер применяемого оружия постепенно оказались полностью подчиненными именно захвату пленных.

Это было допустимо и даже давало известные преимущества ацтекам в их военных конфликтах с другими народами и племенами Америки: боязнь попасть в плен, что было равносильно оказаться на

жертвенном камне-алтаре, деморализовывала противника, значительно хуже организованного и вооруженного, нежели ацтеки. Имея многочисленное профессиональное воинство, они легко побеждали в боях, однако в борьбе с испанцами подобная тактика и оружие оказались губительными в самом буквальном смысле слова. Закованные в латы, вооруженные пиками и длинными стальными мечами, испанские рыцари не могли даже мечтать о более удобной для них форме ведения рукопашной схватки. Недаром участники конкисты и очевидцы беспримерных дотоле побоищ не без удовольствия и удивления рассказывают, как сами воины-индейцы с поразительной настойчивостью искали смерть, бросаясь грудью на смертоносное оружие испанцев.

Испанцы кололи, рубили, топтали копытами лошадей наползавшую на них массу незащищенных людей, но ни одна отравленная ядом стрела, царапины которой было достаточно, чтобы наступила мгновенная смерть — в те времена некоторые племена индейцев уже варили знаменитый яд кураре, и ацтеки не могли не слышать о нем, — так и не была выпущена из меткого лука ацтекских стрелков. Врага нужно брать в плен только живым, неустанно твердили воинам жрецы, поскольку таково «требование» самих богов!

Берналь Диас де Кастильо, испанский конкистадор, прошедший вместе с Эрнаном Кортесом весь долгий, грязный и тяжелый путь этого авантюриста и отважного завоевателя, прославившегося изощренной хитростью, коварством и нечеловеческой жестокостью не меньше, чем блистательными военными победами, в дневнике, написанном на склоне лет, рассказывает о невероятном ликовании и восторге жителей Теночтитлана, когда им удалось пленить и принести в жертву не только испанцев, но и их лошадей.

Никак не оправдывая ужасов испанского завоевания Америки, все же следует признать, что человеческие жертвоприношения, которых непрестанно и неукоснительно требовала ацтекская религия, несом-

ченно, способствовали укреплению морального состояния основной массы конкистадоров. Они позволяли им находить для себя (и только для себя) оправдания своим зверствам и жестокостям, особенно если учесть, что среди жрецов и ацтекской аристократии довольно широко практиковалось людоедство, непосредственно связанное с актами жертвоприношений.

Мы хотим еще и еще раз подчеркнуть, что не допускаем и мысли о том, что жертвоприношения и людоедство, как бы отвратительны ни были эти «спутники» религии ацтеков, могут служить оправданием для испанских конкистадоров, уничтоживших выдающиеся американские цивилизации, превосходившие некоторыми своими достижениями тогдашний культурный и научный уровень европейских народов. Ведь «заодно» испанцы вырезали миллионы аборигенов Америки! Но для самих испанцев, повторяем, оба эти отвратительных явления, к сожалению, свойственных вообще определенному уровню общественного развития (и в этом смысле ацтеки не являли собой исключения), несомненно, сыграли положительную роль, поскольку укрепляли их веру в свою правоту.

Наконец, религия ацтеков преподнесла испанским завоевателям еще один «подарок». Ацтеки не только поклонялись Пернатому змею — Кетсалькоатлю как одному из главных обитателей пантеона своих богов, но и хорошо помнили историю его изгнания. Жрецы, стремясь держать в страхе и покорном повиновении народ, не отказывали себе в удовольствии систематически запугивать его возвращением Кетсалькоатля. Они убеждали народ, что оскорбленное божество, ушедшее на восток, с востока и вернется, чтобы покарать всех и вся. Более того, легенда гласила — до чего же везло испанцам! — что Кетсалькоатль был белолиц и бородат, в то время как индейцы безусы, безбороды и смуглы!

И вот именно с востока, куда ушел бородатый и чрезвычайно разгневанный Кетсалькоатль, приплывают чудовищные корабли-дома с гигантскими обла-

ками-парусами; на берег сходят белолицые и бородатые мужчины в сияющих на солнце стальных латах и шлемах; кое-кто из них имеет четыре ноги и две головы — лошадей индейцы увидели впервые, — и в довершение всего, как и подобает настоящим богам, они мечут громоподобные, смертоносные молнии!

Как ни странно, но первым, и при этом безоговорочно, уверовал в то, что испанцы — потомки легендарного божества Кетсалькоатля, не кто иной, как пользовавшийся неограниченной властью всесильный правитель Теночтитлана Моктесума. Страх перед божественным происхождением чужеземцев парализовал его способность к сопротивлению, а это означало, что вся дотоле могучая страна вместе с великолепной военной машиной оказалась распластанной у ног бородатых завоевателей. Но Моктесума, к сожалению, не потерял способности делать одну за другой совершенно немыслимые и попросту самоубийственные уступки испанцам. Ацтекам следовало немедленно убрать своего обезумевшего от страха правителя, однако та же религия, внушавшая незыблемость существующих порядков, препятствовала этому. Когда же разум, наконец, победил религиозные предрассудки, было поздно. Результат фанатической веры правителя ацтеков хорошо известен: горстка авантюристов стерла с лица земли гигантскую империю!

Что же, может быть, испанцам действительно повезло? И повезло не раз, не два, им сопутствовала сплошная и почти бесконечная «цепочка» везения?

Нет. Было бы совершенно неправильно объяснять успехи конкистадоров слепой удачей или тем, что мы часто называем звучным словом «счастье». Просто на их стороне оказалась могущественная непобедимая сила, о которой даже они сами не ведали. На Американском континенте лоб в лоб столкнулись две различные общественные формации: индейские «империи» представляли зарождавшееся классовое общество, испанская абсолютистская монархия — процветающий феодализм! При этом столк-

новение произошло без всякой предварительной подготовки (во всяком случае, со стороны аборигенов Америки), предельно обнаженно и бескомпромиссно. На вооружении у испанцев были не только аркебузы, пушки, стальные мечи и боевые кони, но и передовой общественный строй со всем своим «надстроечным аппаратом». Именно поэтому победа испанцев была неизбежной, поскольку неизбежна победа любого классового общества над своим предшественником. Речь могла идти лишь об отдельных частностях и деталях; конечный же результат был предрешен самой историей!

Но при столкновении этих двух различных классовых обществ первой лопнула опора — надстройка, которая обычно умирает последней, — **религия.** И пожалуй, в этом и заключается своеобразие трагедии, разыгравшейся четыре с половиной столетия назад на Американском континенте. Испанцы оказались «похожи» на Кетсалькоатля отнюдь не случайно: какой бы невероятной внешностью они ни обладали — «квадратной», «треугольной» или «шарообразной», — в ацтекском пантеоне богов обязательно нашлось бы «схожее» с ними божество. Точно так же у инков, несмотря на их монотеизм, с приходом европейских завоевателей сразу же «обнаружился»

бородатый «дух» Виракоча, сыгравший с ними столь же коварную «шутку».

На смену служителям старых языческих богов устрашающего вида пришли благообразные, но не менее жестокие и куда более изощренные жрецы нового верховного божества. Каменные идолы были разбиты и сброшены со своих пирамид-пьедесталов, и над Америкой воцарилось гигантское распятье. Под сенью креста и с благословения новой религии миллионы беззащитных детей и стариков, женщин и мужчин были зверски замучены и уничтожены. Индейцы умирали от ударов кинжалов и шпаг, их вешали, сжигали на кострах, забивали насмерть бичами, гноили в рудниках и даже скармливали живыми свирепым псам, завезенным из Испании вместе с новой «цивилизацией». Менее чем за сто лет в результате бурной деятельности конкистадоров и служителей новой религии только в Центральной Мексике, как уже говорилось, местное население сократилось в двадцать три раза! А сколько индейцев погибло во всей Америке с того дня, когда европейцы открыли для себя Новый Свет, древние цивилизации которого по сей день поражают нас своими выдающимися достижениями?!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ!

Диссертация, которую так и не пришлось защищать

Худощавый человек невысокого роста с огромным пухлым портфелем пронзительно оранжевого цвета как-то незаметно, боком вошел в просторную аудиторию. Словно опасаясь сквозняка, он старательно прикрыл за собою дверь, проверил, плотно ли она встала на место, и остался стоять у стены. Свой портфель он держал обеими руками за ручку, угрюмо посматривая по сторонам из-под выпуклого, почти квадратного лба глубоко посаженными светлыми глазами. Тому, кто не знал его, было трудно догадаться, кто он и зачем пришел в эту аудиторию Института этнографии Академии наук, где должна состояться защита диссертации. Для маститого ученого он казался слишком молод; для соискателя ученой степени, пожалуй, излишне спокоен. Его нельзя было причислить и к весьма распространенной в наши дни категории людей, одинаково охотно посещающих суды, особенно бракоразводные процессы, крупные и мелкие выставки — предпочтение отдается международным — и, наконец, защиту диссертаций, о которых предусмотрительно оповещает пресса: при всей своей внешней обыденности он, без сомнения, был человеком незаурядным.

— Здравствуйте, — сказал он негромко и, словно извиняясь перед собравшимися, представился: — Кнорозов.

Многие из тех, кто находился в зале, впервые увидели молодого исследователя древних письмен, приехавшего из Ленинграда в Москву для защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Но зато все они, видные советские ученые, хорошо знали не очень многочисленные, од-

нако чрезвычайно интересные труды сотрудника Ленинградского отделения Института этнографии.

Уже первая работа Юрия Кнорозова — сравнительно небольшая статья под скромным названием «Древняя письменность Центральной Америки», опубликованная в 1952 году в журнале «Советская этнография» (№ 3), вызвала несомненный интерес в международных кругах ученых-американистов и других специалистов по древним цивилизациям. Дотоле никому не известный молодой ученый из «далекой Советской России» убедительно доказывал в своей статье, что письменность древних майя — одна из самых волнующих загадок Нового Света — была иероглифической и, следовательно, передавала звуковую речь. Он утверждал, что рукописи и надписи майя можно прочесть и перевести на любой другой язык, в том числе и русский.

В подтверждение своих выводов Юрий Кнорозов приводил примеры чтения некоторых иероглифов майя и доказывал перекрестным чтением различных слов,

в частности, «куц» («индюк»)

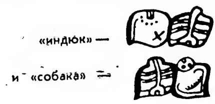
и «цул» («собака»), наличие алфавитных знаков в древних текстах майя.

Юрий Кнорозов заявлял, что точно так же могут быть прочтены все иероглифы, но для этого необходимы глубокие исследования письменности древних майя и их языка.

Подобные заявления были расценены как открытый «бунт» против крупнейшего специалиста по древним майя, американского профессора Эрика Томпсона, за которым ходила недобрая слава «великого могильщика» исследователей письма майя. Но русский парень не постеснялся непререкаемого среди современных майистов авторитета Эрика Томпсона.

Более того, первая работа Кнорозова, казалось, попросту «бросала перчатку» американскому профессору и многочисленным сторонникам его школы, призывая ученых всего мира не сидеть сложа руки в бесплодном созерцании замысловатых знаков, оставленных жрецами майя, а начать новое всеобщее наступление на их сокровенную тайну. Юрий Кнорозов не скрывал и «оружия», которым намеревался преодолеть вековое молчание древних рукописей, — оригинальную систему дешифровки, основанную на разработанном им принципе «позиционной статистики».

Реакция со стороны Томпсона и его сторонников не заставила себя долго ждать: пытаясь перехватить инициативу, они обрушили на молодого ученого шквал яростных атак. В мексиканском журнале «Ян» появилась статья самого Томпсона, в которой он, в крайне резкой форме «прорецензировав» работы Юрия Кнорозова, категорически и уже в который раз отрицал наличие в письме майя фонетических знаков и достоверность «алфавита Ланды». Он поспешил заявить, что может опровергнуть любое чтение Ю. В. Кнорозовым иероглифических знаков майя, однако «благородный гнев» профессора, по-видимому, оказался настолько велик, что он до сего дня (!) мешает ему выступить с опровержением чтения хотя бы тех двух приведенных нами слов:

Может быть, именно поэтому Эрик Томпсон в своей «научной» полемике вскоре решительно взялся за «аргументацию» совсем иного рода. Он заявил, что поскольку он, Томпсон, располагает абсолютно достоверными сведениями, что в России никогда не было никаких дешифровок, их посему там и быть

не может (!). Столь блистательный «аргумент», однако, не вызвал аплодисментов даже в рядах его сторонников, а видный мексиканский ученый Мигель Коваррубиас счел необходимым прокомментировать такой внезапный поворот американского профессора в дискуссии о письменности майя справедливым замечанием, что, «к сожалению, политика вмешалась в вопрос об эпиграфике майя».

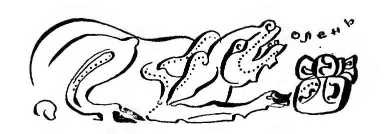
Действительно, можно лишь сожалеть о позиции, занятой Эриком Томпсоном в отношении работ Юрия Кнорозова. Дело не в том, что Юрий Кнорозов наш соотечественник и мы гордимся выдающимися достижениями ученого, воспитанного нашей страной. Просто Эрик Томпсон заведомо и крайне отрицательно относится к любой попытке найти ключ для дешифровки письменности майя. Если бы американский профессор был шарлатаном от науки — к сожалению, такие еще встречаются и в наши дни, — можно бы просто не обращать внимания на его грубые выпады. Но Эрик Томпсон действительно собрал, исследовал и опубликовал богатейшие материалы по цивилизации майя и знакомство с его научными трудами представляется практически обязательным для современного исследователя американских культур. Это создало Томпсону огромный, а по некоторым вопросам, что называется, непререкаемый авторитет. Однако, не сумев однажды постичь тайну древнего письма народа майя, вернее — глубоко и, по всей вероятности, искренне убежденный в том, что только он один постиг ее, и постиг правильно, Эрик Томпсон не находит силы пересмотреть отношение к этому вопросу, предпочитая брать на себя незавидную роль «могильщика» любой «нетомпсоновской» школы по дешифровке письменности майя.

Гнев Эрика Томпсона против работ Юрия Кнорозова был особенно силен еще и потому, что «парень из далекой России» убедительно просто показал, в чем именно заключается основная ошибка возглавляемой американским профессором школы так называемого «ребусного письма». Томпсон и его школа понимали под дешифровкой независимые друг от

друга *толкования* отдельных знаков, по существу сводя изучение древних письмен к бесконечным толкованиям и перетолкованиям произвольно взятых из контекста иероглифов. Такой путь исследования неизбежно заводил в тупик, поскольку был оторван как от задач языкознания, так и от изучения внутренней структуры текста. В итоге малодоказательные толкования и перетолкования порождали не менее малодоказательные опровержения, которые, в свою очередь, порождали столь же малодоказательные опровержения опровержений и так далее и тому подобное...

Иными словами, в подобном «исследовании» попросту смешаны два различных понятия: «дешифровка» и «интерпретация». Первое из них, как уже указывалось, означает отождествление знаков (здесь — знаков майя) со словами языка (майя); во втором случае имеет место толкование значения отдельных знаков, не дающее, однако, точного словесного эквивалента исследуемого языка, а лишь «объясняющее» смысловое значение знака.

Постараемся пояснить это на конкретных примерах. Перелистывая рукописи майя, мы в свое время обратили внимание на знак , причем высказали предположение, что он одновременно *похож* как на кусок плетеной циновки, так и на чешую рыбы. Если знак произвольно извлечен нами из текста некоей рукописи или надписи на камне, можно до бесконечности спорить, «циновка» это или «чешуя», приведя соответствующие «доказательства» и «контрдоказательства», одинаково легко опровергающие друг друга. Это типичный случай толкования знака, то есть попытки установить по его рисунку (и только рисунку!) смысловое содержание, которое

хотела вложить в него рука, нарисовавшая знак, скажем, на листе папируса или на лубе фикуса.

В пиктографии, или «рисуночном письме», знаки-иконы не имеют языкового эквивалента, в силу чего такой прием их исследования вполне закономерен. Причем рисовальщик подобного «текста», вновь изображая по ходу своего «повествования», например, ту же «циновку», может в третий, десятый или двадцатый раз нарисовать «циновку» совсем не так, как в первый, ибо ему важно только одно: знак-рисунок должен изображать именно то, что он рисует; ему безразлично, похожи ли друг на друга знаки, изображающие один и тот же предмет, лишь бы «читатель» знаков и в том и в любом другом случае угадал в них «циновку»!

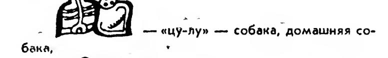
Совершенно иначе обстоит дело в иероглифическом письме: знак «циновка» всегда пишется (рисуется) одинаково, потому что это не смысловой, а языковый эквивалент. И хотя некоторые или даже многие иероглифические знаки (это зависит от степени развитости письма) еще продолжают сохранять смысловую нагрузку и мы даже можем угадать в них изображение того или иного «предмета», они уже передают не понятие «подстилка для лежания», а само слово «циновка», вопроизводя его звучание!

Знак обрел звук и стал фонетическим. В этом качестве он используется и для написания слова, в котором имеется передаваемый им звук (как буквы в алфавите).

Именно таким и является знак ; он фонетический и передает звук «ш(а)», а изображает циновку или крышу из листьев пальмы, на языке майя — «шаан».

Возьмем еще один хорошо знакомый нам знак

. Это также фонетический знак «ц(у)», изображающий позвоночник и ребра скелета, на майя — «цуул бак». Вот несколько слов, написанных иероглифами майя:

 — «цу-лу» — собака, домашняя собака,

— «цу-лу (каан)» — небесная собака,

— «ку-цу» — дикий индюк,

— «цу-ан» — позднее название восьмого месяца календаря майя (древнее название этого же месяца к'анк'ин),

— «ая-цу-бен-цил» — упорядочивающий.

Конечно, и индюк, и собака, и даже небесная собака, как и упорядочивающий что-либо человек, несомненно, должны иметь каждый свой скелет, но не этим объясняется появление знака [glyph] в написании перечисленных слов. В каждом из этих слов он передает не смысловое содержание рисунка, а только звук «цу» и, следовательно, служит конкретным алфавитным знаком.

Эрик Томпсон также предложил свои чтения знаков майя. В связи с этим Ю. В. Кнорозову пришлось высказаться по его «дешифровке». Советский исследователь показал, что из тридцати «дешифрованных» Томпсоном, по его утверждению, знаков, в действительности только восемь (!) были прочтены, а остальные двадцать два — истолкованы. Однако из этих восьми знаков самому Томпсону принадлежит чтение только трех. Чтение же пяти других знаков американский профессор заимствовал у исследователей, в том числе у Ланды, де Рони, Томаса, которых подверг «уничтожающей» критике и сурово осудил.

В 1955 году научный «багаж» Юрия Кнорозова пополнился еще одной замечательной работой. В его переводе со староиспанского языка вышло первое издание на русском языке рукописи Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане». Советская историография получила важнейший исторический документ по древним майя, который к тому же является литературным памятником несомненной ценности. С выходом в свет этой книги, опубликованной Академией наук СССР, рукопись Ланды перестала быть достоянием лишь сравнительно узкого круга ученых-американистов; она вошла в новый огромный мир, имя которому — советский читатель.

Но Юрий Кнорозов не только перевел текст рукописи; он подготовил к ней сложнейший справочный аппарат и написал вступительную статью. В результате вместе с рукописью Ланды вышел из печати

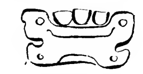
научный труд огромного значения, содержавший оригинальное, глубокое исследование по истории и цивилизации древних майя и одновременно первый обобщающий итог работ Ю. В. Кнорозова по дешифровке письменности майя.

Возможно, что при желании и известной настойчивости можно было бы относительно точно подсчитать, сколько тысяч, а вернее, десятков тысяч советских людей за десять лет познакомились благодаря этой книге с самой выдающейся цивилизацией Америки. Но работа молодого советского ученого не

только удовлетворяла из года в год растущий интерес советских людей к народам Латинской Америки; она помогла его углублению, правильному пониманию прошлого и настоящего «Бушующего континента», как часто называют Латинскую Америку. И если сегодня ряды советских ученых-латиноамериканистов стремительно растут, ежегодно пополняясь все новыми и новыми молодыми силами, и мы можем теперь говорить о советской школе латиноамериканистики, в этом очевидная и большая заслуга также и Ю. В. Кнорозова и его трудов по древним цивилизациям Америки.

Тогда, в 1955 году, в Институт этнографии для защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук пришел молодой исследователь, труды которого получили уже мировую известность. Но Юрию Кнорозову так и не суждено было стать «кандидатом». По предложению крупнейших советских ученых ученый совет института тайным голосованием вынес иное решение: соискателю присвоили степень... доктора исторических наук!

История одной реабилитации

Работа над переводом рукописи Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» оказала неоценимую услугу Юрию Кнорозову в исследованиях по дешифровке древней письменности майя.

После того как им была установлена система письма и в «книгах Чилам Балам» найден сравнительно обширный запас слов древнего языка майя, на котором могли быть написаны рукописи, дешифровщику предстояло приступить к последнему и самому тяжелому этапу своей работы. Он должен был попытаться установить те самые языковые эквиваленты, которые так тщательно скрывались от ученых за причудливыми знаками письма майя. Иными словами,

Ю. В. Кнорозову нужно было правильно распределить три сотни знаков майя на три основные категории, из которых складывается любое иероглифическое письмо. Напомним их: это идеографические знаки, передающие корни слов; фонетические — передающие слог или один звук; и знаки-детерминативы, поясняющие смысл слова («лев» — животное; «Лев» — имя собственное).

Начиная изучение иероглифических текстов майя, Юрий Кнорозов, конечно, не мог пройти мимо так называемого «алфавита Ланды». Из многочисленных зарубежных публикаций о майя он знал, что «алфавит» достаточно изучен и не имеет практического значения для дешифровки, коль скоро так утверждали все авторитеты последних лет. Переводя на русский язык сообщение Ланды, Ю. В. Кнорозов подробно ознакомился со всеми комментариями к «алфавиту». К своему удивлению, он обнаружил, что никто даже не попытался полностью прокомментировать «алфавит Ланды» как единый источник.

Чем это было вызвано? Чтобы понять, как могло сложиться столь нелепое положение, нам придется вернуться на целое столетие назад.

Когда в 1863 году Брассер де Бурбур нашел копию «Сообщения о делах в Юкатане», содержавшую «алфавит Ланды», он решил, что получил в свои руки надежный ключ к чтению текстов майя. Но после первых восторгов наступила пора горьких разочарований. Знаки майя из «алфавита» были настолько искажены переписчиками, что их никак не удавалось обнаружить (отождествить) среди знаков рукописей. Вполне естественно, что у исследователей невольно возник вопрос: а не является ли «алфавит» фальсификацией?

Американский ученый Валентини в 1880 году написал целую книгу, которую так и озаглавил: «Алфавит Ланды» — испанская фабрикация». В ней он доказывал, что в рукописях Ланды приведены вовсе не знаки письма майя, а просто-напросто рисунки различных предметов, названия которых начинаются с той буквы алфавита, под которой они изображены

в сообщении (так делают в современных детских азбуках). Например, под буквой «А» в рукописи изображена черепаха (на языке майя «ак»); под буквой «Б» — дорога (на языке майя «бэ») и т. д.

Аргументы Валентини казались настолько серьезными и обоснованными, что, хотя и не все ученые приняли их, они все же произвели достаточно сильное впечатление и ослабили интерес к «алфавиту Ланды». Более того, вскоре и вовсе прекратились попытки отождествить знаки из этого «алфавита» со знаками рукописей майя.

Между тем Брассеру де Бурбуру все же удалось опознать около трети знаков из «алфавита Ланды». Например, знак под буквой «у» очень часто встречался в иероглифических рукописях и как будто мог иметь именно такое чтение. Зато чтение ряда других знаков явно не подходило. Если к этому добавить, что многие знаки из «алфавита Ланды» были опознаны неправильно, то станет понятно, что при попытках подставить чтение по Ланде к иероглифическим текстам получались неразрешимые головоломки.

Было совершенно ясно, что Ланда привел в своем «алфавите» лишь небольшую часть знаков майя, о чем говорил и сам. Некоторые из них встречались в рукописях настолько редко, что ускользали от внимания исследователей, не располагавших в то время ни каталогами знаков, ни справочным аппаратом к иероглифическим рукописям. Во многих разделах рукописей действительно не было знаков из «алфавита Ланды», кроме знака под буквой «у». Сейчас, когда мы знаем, что Ланда привел в своем сообщении менее одной десятой части от общего количества знаков, этому не приходится особенно удивляться; тогда же отсутствие знаков Ланды в рукописях бросало тень на весь «алфавит».

Еще большую неразбериху и путаницу вносили три примера написания слов знаками майя, приводимых у Ланды, два из которых были совершенно непонятны. По словам Ланды, выходило, что для того, чтобы написать слово «лэ» («петля»), майя писали

«элээлэ» (?). Это выглядело настолько абсурдным, что никто даже и не пытался объяснить, что, собственно, Ланда мог иметь в виду, когда приводил этот «пример».

Лишь в 1928 году французский издатель «Сообщения о делах в Юкатане» Жан Женэ взялся прокомментировать эту головоломку. Он высказал предположение, что у майя якобы было два способа написания слов — старый и новый, появившийся уже после испанского завоевания. По «старому способу» майя записывали одним знаком целое слово. Например, слово «лэ» записывалось одним знаком «лэ». По «новому способу» майя почему-то вместо самого слова «лэ» стали записывать названия букв, из которого оно состояло — «эл» — «э». В примере у Ланды, по мнению Женэ, слово «лэ» («петля») записано сначала «новым», а потом и «старым» способами. Поскольку Женэ в своем объяснении пользовался французскими названиями букв, у него получалось, что индейцы майя сразу же после испанского завоевания должны были освоить... французский язык или по крайней мере изучить французский алфавит для своего «нового» способа письма. И хотя предположение Женэ выглядело по меньшей мере забавным, именно он ближе всех подошел к разгадке тайны «алфавита Ланды». Но объяснения Женэ в том виде, как они были изложены им, не внесли никакой ясности; наоборот, они еще больше все запутали.

Неудачи, преследовавшие исследователей «алфавита Ланды», в конечном итоге породили всеобщее недоверие к нему, как к достоверному источнику; среди ученых á priori считалось, что «алфавит» не заслуживает серьезного внимания.

Точно с такими же настроениями, следуя главным авторитетам современной науки о майя, подошел к «алфавиту Ланды» и Юрий Кнорозов. Полагая, что «алфавит» бесполезен для дешифровки, он все же решил исследовать его, чтобы во вступительной статье и комментариях к переводу «Сообщения о делах в Юкатане» дать ему хотя бы удовлетворитель-

ное объяснение, поскольку иначе его собственная работа имела бы весьма существенный пробел. Правда, при этом Ю. В. Кнорозов рассчитывал, что всестороннее изучение «алфавита Ланды» как единого источника может выявить какие-либо новые дополнительные данные, возможно, даже полезные и для дешифровки письменности майя.

В самом деле, знакомство с «алфавитом Ланды» невольно порождало целый ряд недоуменных вопросов. Почему Ланда, сведения которого всегда отличаются исключительной точностью, именно в этом случае допускает очевидную неразбериху — попросту говоря, чепуху? Ведь иероглифы месяцев он привел абсолютно точно, следовательно, Ланда располагал сведениями о письме, а алфавит фальсифицировал? Зачем? Ведь свою рукопись он предназначал францисканским монахам, а их-то вводить в заблуждение ему было совершенно незачем! Что означают абсурдные примеры написания слов? Быть может, индейский «консультант» умышленно мистифицировал самого Ланду? Если так, следовало бы разобраться в существе мистификации, ибо Ланда, как уже говорилось, имел представление о характере знаков майя и обмануть его можно было только очень умело и тонко. Между тем написание слова «петля» в виде «элээлэ» представляется не то чтобы тонкой, а грубейшей и даже абсурдной подделкой!

Словом, вопросов возникало множество, причем какого-либо вразумительного ответа на них не предвиделось. Объяснения Женэ были невероятными хотя бы потому, что после испанского завоевания у майя заведомо не было никакого иероглифического письма — ни «старого», ни «нового». Об этом позаботились испанские миссионеры, возглавляемые провинциалом Диего де Ландой; когда же иероглифическое письмо было уничтожено, индейцы перешли на латиницу.

Бесконечные «зачем» и «почему» лишь усиливали убежденность в необходимости попытаться полностью прокомментировать «алфавит Ланды». Вопроса «С чего начинать?» не было: располагая обшир-

ными сводками вариантов написания знаков, взятых из рукописей и других надписей майя, Юрий Кнорозов приступил к работе по отождествлению знаков из «алфавита Ланды» со знаками иероглифических текстов. Тяжелый труд продвигался чрезвычайно медленно, зато результат его оказался невероятным: все знаки алфавита Ланды (наконец с него можно снять кавычки!) были найдены в рукописях!..

Такое положение в корне меняло отношение к алфавиту. Пожалуй, теперь следовало разобраться, по какому принципу он составлялся вообще. Ланда привел в своем списке двадцать семь знаков. Он писал, что они соответствуют буквам испанского алфавита. Над каждым из знаков он написал соответствующую букву. Все буквы идут в основном в порядке испанского алфавита, однако Ланда допустил ряд отклонений. Почему? Вот это и следовало изучить. Именно характер и причины отклонений могли объяснить ход рассуждений составителя алфавита.

То, что в алфавите Ланды отсутствовали некоторые буквы испанского алфавита, например Д, Ф, Г, Р *, объясняется просто — этих звуков не было в языке майя, на что неоднократно указывал сам Ланда. Не вызывало особых недоумений и двойное «П»; миссионеры знаком «ПП» передавали отсутствующий в испанском языке особый звук майя. Ланда указывал и на эту особенность языка индейцев и учитывал ее.

Но дальше начинались настоящие головоломки. У Ланды букве «Б» почему-то соответствовал не один, а целых два знака майя. То же самое имело место с буквами «Л» и «Ш» (в староиспанском языке буква «икс» (X) произносилась как русское «Ш»). Может быть, два разных знака читались одинаково? Те-

* Для удобства читателя здесь и дальше звуки любого языка записываются буквами русского алфавита; только там, где языковые особенности не позволят сделать этого, будут допущены исключения, а в скобках указано написание соответственно буквы русского или испанского алфавита. Названия испанских букв всегда даются в русской транскрипции, а в скобках ее написание, если того требует текст.

оретически это возможно. Однако если письменность майя была иероглифической, то представлялось более вероятным, что в письме майя были скорее знаки, передающие схожие по звучанию слоги, например: «БА», «БО», «БУ», «БЕ», «БИ», образованные из одного согласного звука в сочетании с различными (или со всеми) гласными. Но в этом случае Ланда должен был бы под одной испанской буквой написать не один или два знака майя, а все пять! Однако он этого не сделал. Почему?

Проще всего предположить, что Ланда взял один или два первых попавшихся знака, однако это не похоже на него. Он был слишком выдающимся знатоком майя и любил все делать основательно и систематически (вспомним хотя бы, с какой тщательностью он провел «операцию» по уничтожению рукописей майя, если из сотен «еретических книг» до нас дошли только три!). По-видимому, у него все же были какие-то основания для выбора, но какие? Как, по какому принципу он отобрал два знака из пяти?

Сразу же (и в который раз!) захотелось убедиться в правильности предположения, что у майя действительно были слоговые знаки. Гаспар Антонио Чи сообщал, что майя писали с помощью слоговых знаков. Это уже немало, но все же еще недостаточно. Ланда тоже, хотя и с оговорками, подтверждал это же — «они пишут по слогам» — и даже привел пример, поясняющий именно такой способ написания.

Над знаками майя он поставил испанские буквы «МА — И — Н — КА — ТИ». На майя «ма ин кати» означает «я не хочу». В целом пример казался ясен. Правда, индейцы майя не писали свои знаки в строчку; кроме того, в иероглифических текстах не удалось найти ни глагола «кати» (хочу), ни местоимения «ИН» («Я»). Зато знак «ТИ» стоял в текстах как раз там, где можно было ожидать предлога «ТИ» («В»).

Первый знак из этого примера — «МА» — отсут-

ствует в алфавите Ланды (но мы знаем, что алфавит не полный); под буквой «М» приведен совсем иной знак. Второй и третий знаки из примера имеются в алфавите и стоят они под теми же буквами «И» и «Н». Четвертый знак стоит под буквой «К» (К), а в примере прочтен как «КА», то есть как слог. Это уже прямое подтверждение предположения о том, что в алфавите Ланды слоговые знаки. Тогда, может быть, и другие знаки алфавита так же передают слоги?.. Ланда сам в трех случаях надписал над знаком майя не букву, а слог. Интересно, чем это объясняется?..

В испанском алфавите после «И» (I) идет буква «хота» (J), передающая звук, отсутствующий в языке майя, а затем следует «К» (К). В языке майя было два варианта звука «К» — твердый и мягкий. Миссионеры обозначили мягкое «К» испанской буквой «С», которая перед «А», «О», «У» произносится как русское «К», а перед «Е» и «И» как русское «С». Твердое «К» (в русской транскрипции оно записывается так — К') обозначалось испанской буквой «К» (К). В алфавите Ланды вслед за «И» стоит знак майя, над которым написано «КА» (СА) и лишь потом уже идет знак под буквой «К» (К). Но в рассматриваемом нами примере, он прочтен Ландой не просто «К», а как «К'А». Столь скрупулезно тщательный подход к форме написания буквы, передающей, по сути дела, один и тот же согласный звук, но только мягкий и твердый, свидетельствует о том, что Ланда придавал исключительно большое значение даже правильному произношению отдельных звуков, стремясь подчеркнуть это в своем алфавите.

После «П» (Р) в испанском алфавите идет буква «Ку» (Q). Эту букву миссионеры не использовали для передачи какого-либо звука языка майя, однако Ланда счел необходимым на ее месте привести два знака майя, над которыми написал «КУ» (CU) и «К'У» (KU). Таким образом, он снова подчеркнул наличие у майя двух вариантов звука «К» (мягкого и твердого).

Теперь уже можно было не сомневаться в том,

что знаки алфавита Ланды передают не отдельные согласные звуки, а слоги, например, «КА», «К'А», «КУ», «К'У», «МА», «ТИ», ибо Ланда сам об этом говорит.

Все это лишний раз убеждало, что Ланда тщательно и, видимо, по какому-то специальному признаку подбирал знаки майя и испанские буквы, прежде чем соединял их вместе в своем алфавите. Похоже, что, наконец, стало выясняться то, чем он руководствовался. Однако не будем торопиться. Лучше еще раз все проверим:

на месте буквы «Ку» (Q) — в испанском алфавите она так и называется «КУ» — Ланда привел слоговые знаки «КУ» (CU) и «К'У» (KU), а на месте буквы «К» (K) — она называется «КА» — он поставил слоговые знаки «КА» (CA) и «К'А» (KA).

Так вот оно в чем дело! Вот в чем принцип и секрет алфавита Ланды! Оказывается, он подбирает

слоговой знак майя, соответствующий **названию** испанской буквы?!

Спокойно! Нужно не торопясь, последовательно еще раз проверить столь важный вывод. И потом — может быть, звук «К» — это только исключение, а весь алфавит вовсе и не строится на подобном принципе? Впрочем, это легко узнать. Если таков принцип всего алфавита Ланды, то знак майя под буквой «Б» читается не как «Б», а «БЭ», поскольку таково ее **название**. К сожалению, этот знак встречается в рукописях майя только один раз; это явно мало для проверки правильного чтения. Однако и в этом единственном случае все же получилось вполне осмысленное чтение: «ТИ БЭ» (оба знака по Ланде), что означает на майя «В ДОРОГЕ».

Следующая буква в испанском алфавите «С»; она называется «СЭ». Хотя, как указывалось, она читается двояко (и как русское «С», и как русское «К»), миссионеры в транскрипциях слов или текстов на язык майя (то есть когда они писали латиницей) всегда употребляли эту букву как мягкое «К» (звук «С» передавался буквой «Z»). Если же Ланда действительно приводил слоговые знаки, соответствовавшие названиям испанского алфавита, он не должен был учитывать эту особенность, и знак майя под буквой «С» следовало читать «СЭ». Это сразу же подтверждается: название месяца «СЭК» было записано двумя знаками «СЭ-КА», причем оба они из алфавита Ланды! Сомнения окончательно исчезли. Алфавит Ланды, наконец, «заговорил» в полный голос, а это означало огромный шаг вперед на пути дешифровки письменности майя!

Однако на этом работа с алфавитом не прекратилась. Когда выяснилось, что знаки майя в алфавите соответствуют названиям испанских букв, Юрий Кнорозов решил, что настало время попытаться разобраться и в двух примерах-головоломках написания слов. Это было важно еще и потому, что ведь сам Ланда привел их в подтверждение (!) правильности своего алфавита, хотя на деле все получилось наоборот. Как раз «примеры» больше всего запуты-

вали исследователей; именно они были той последней каплей, а вернее, тем ушатом холодной воды, который «отгонял» дешифровщиков от алфавита.

В первом из них, по словам Ланды, записано слово «ЛЭ» («петля», «силок»). Знак, над которым надписано «ЛЭ», в алфавите Ланды стоит под буквой «Л» (L); по-испански она называется «ЭЛЭ». Но у Ланды записано не «ЛЭ», а целое «Э-ЛЭ-Э-ЛЭ» (?!?).

Вглядитесь внимательно в этот «комплект» из двух букв! Только очень внимательно, и вы тогда поймете, в чем дело; почему пример стал абсурдным набором двух букв!

В старину в русских школах учитель диктовал ученикам: «Напишите, дети, слово «баба»: «БУКИ-АЗ-БУКИ-АЗ»... баба!» Вот эти же самые, но только испанские «буки-аз-буки-аз» и записал писец, видимо, под диктовку Диего де Ланды. Диктуя слово «ЛЭ», Ланда вначале назвал его по буквам, а затем и целиком: «ЭЛЭ» (название буквы «Л»), «Э» (название буквы «Э», совпадающее с ее звучанием) — «ЛЭ» («петля»). Писец, очевидно не очень понимавший такую форму «диктанта», на всякий случай записал все, что произнес будущий епископ, и тогда-то и родилось столь непонятное и абсурдное «Э-ЛЭ-Э-ЛЭ»!

Чтобы проверить свою догадку (назовем ее без лишней скромности блистательной), Юрий Кнорозов начал искать слово «ЛЭ» в рукописях майя и нашел его: оно было записано там с помощью знаков «ЛЭ» и «Э», указанных в алфавите Ландой!

Теперь можно было перейти ко второму примеру, столь же непонятному и абсурдному. Естественно, что сразу же возникла мысль о «диктанте»: может быть, и здесь сплоховал писец? Ланда указывал, что в примере третий знак обозначает на майя слово «ХА» («вода»), а между тем вместо этого над знаком стояло «АК-ЧЕ-АХА» (?!).

Попробуем продиктовать слово «ХА» по буквам, произнося по-испански названия букв: «ХОТ-А»... «ХА». Что-то не получилось, а ведь это единственный вариант произношения названий букв, которые соответствуют нужным звукам слова майя! Правда, три последние буквы-звуки точно совпадают, но что делать с четырьмя первыми?

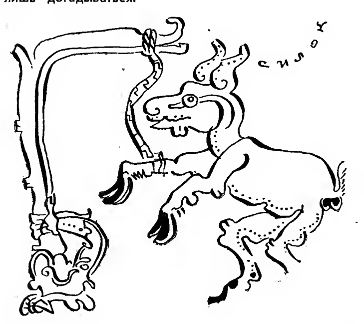
И тогда исследователя выручают знания и память; они-то и приходят к нему на помощь! В испанском алфавите имеется «немая» буква, изображаемая следующим образом — «h». Она сохранилась только по традиции и не произносится. Но миссионеры использовали ее при письме на майя латиницей для передачи звука... «Х»! Название же этой буквы «аче!». Теперь снова продиктуем слово «ХА» по буквам: «АЧЕ-А»... «ХА»! Вроде бы все получилось, но только в рукописи у Ланды одна «лишняя» буква: «АК-ЧЕ-А-ХА». Откуда она взялась? Откуда? Попробуйте произнести громко вслух «АЧЭ-А... ХА», и вы легко услышите этот недостающий звук. По-видимому, писцу также показалось, что между «А» и «Ч» он «услышал» еще и «К»; будучи человеком прилежным, он записал его, не сознавая, какой великий грех берет на свою душу из-за этой ошибки!

Так была разгадана еще одна головоломка: третий знак во втором примере следовало читать просто «ХА» («вода»), как правильно указывал сам Ланда.

В результате длительных и мучительно скрупулезных исследований алфавит Ланды был полностью «реабилитирован». Произошло это не сразу и не случайно. Потребовались годы напряженного труда. Невероятно трудным оказалось опознание знаков алфавита, их отождествление со знаками рукописей. Мы уже говорили, что переписчики сообщения допустили много искажений, перерисовывая знаки майя из его

алфавита. Однако и сами иероглифические рукописи майя написаны часто небрежно, без должного «каллиграфического» искусства и старания. Не следует забывать, что они ведь не предназначались для чужеземных читателей и для чтения через тысячу лет! Их писали для повседневного пользования. К тому же «почерки» древних писцов не могли быть одинаковыми, как не одинаковы почерки окружающих нас людей.

Однако само по себе опознание знаков еще ничего не давало. Необходимо было понять смысл старинных терминов, которые Ланда употреблял в своей рукописи (например, «слог» он называл «частью»), выяснить, как произносились испанские буквы и как они назывались во времена, когда писалось сообщение. Не менее сложным оказался вопрос о диктовке, о ее форме, ибо о том, что Ланда диктовал, а не сам писал оригинал рукописи, мы можем лишь догадываться.

Наконец, была еще одна грозная опасность, постоянно поджидающая каждого исследователя, преодолеть которую бывает необычайно трудно. Речь идет порой о необоримом соблазне, часто бессознательном, принять желаемое за действительное и внести соответствующие «исправления» в исследуемый документ. Как правило, и к великому сожалению автора «исправлений», они, эти «исправления», впоследствии отвергаются, но не в порядке самокритики, а критики со стороны. Хорошо зная об этом, Юрий Кнорозов после долгих проверок и перепроверок все же рискнул предложить два исправления к алфавиту Ланды. Первое из них заключается в следующем: знак майя под испанской буквой «Т», почему-то стоящей не на обычном для нее месте в конце испанского алфавита, а в самом его начале (сразу после третьей буквы «С»), как выяснилось, по другим данным имеет чтение «КЭ». По-видимому, Ланда и здесь привел два чтения буквы «С», соответствующее ее двоякому чтению: «СЭ» и «КЭ». Основываясь на этом, Ю. В. Кнорозов считает, что при копировании рукописи могла вкрасться простая ошибка: писец спутал испанские буквы и вместо «К» поставил «Т» (возможно, что его смутило, что буква «К» также стояла и в другом месте алфавита).

Вторая поправка Ю. В. Кнорозова относится к предпоследнему знаку алфавита Ланды. В алфавите над двумя знаками майя написана буква «У» (U). Первый из них действительно так и читается — «У». Это подтверждено многочисленными примерами из иероглифических рукописей. Знак под вторым «У» явно не мог иметь такого чтения. Между тем в испанском алфавите предпоследней буквой является «игрек» (Y), читающийся как «йе». Юрий Кнорозов решил, что и здесь также произошла описка, кстати, довольно распространенная и в наши дни (читатель наверняка не раз ловил себя на подобных описках): вместо буквы «Y» писец вывел «U». То, что предпоследний знак майя из алфавита Ланды должен читаться «йе», позднее было подтверждено и другими данными.

А теперь о главном: Диего де Ланда правильно записал весь свой алфавит. Он составлен с большим знанием дела, хотя сам Ланда не придавал ему большого значения, рассматривая его только как иллюстрацию. Единственная ошибка Ланды — это недоразумение с двумя первыми примерами записи слов; две другие ошибки появились позже по вине переписчиков. О том, как «родилась» ошибка самого Ланды, мы можем только предполагать.

По-видимому, в составлении и записи алфавита принимали участие три человека: Ланда, монах-писец и специально приглашенный для составления алфавита «консультант» по вопросам иероглифической письменности майя; будущий епископ, очевидно, не владел ею. Ланда называл букву испанского алфавита и вместе с «консультантом» подыскивал наиболее близкие грамматические частицы из языка майя. Затем «консультант» рисовал соответствующий знак из иероглифического письма, а писец сверху выводил испанскую букву.

Все шло хорошо; удалось даже учесть особенности произношения некоторых согласных, однако когда дело перешло к написанию примеров, возникло первое недоразумение. «Консультант» написал иероглифами слово «петля» и сказал: «ЛЭ». Писец почему-то не расслышал его и попросил повторить. Возможно, к этому времени все трое устали, однако это не должно было, по мнению Ланды, отразиться на качестве рукописи. И он сам продиктовал не понятое писцом слово вначале по буквам (чтобы было яснее!): «ЭЛЭ»... «Э», а затем повторил слово целиком — «ЛЭ». Это окончательно сбило с толку писца, незнакомого с подобной формой «диктанта», — возможно, это был крещеный индеец, — однако, опасаясь крутого нрава первого провинциала Юкатана, он не решился переспросить его и написал знаками майя буква в букву то, что услышал: «ЭЛЭЭЛЭ»...

«Консультант» нарисовал новый иероглиф. Скорее всего Ланда задумался, как лучше передать испанскими буквами слово «ХА» («вода»). Использовать

ли «хоту» или «аче»? «Аче», — решил он, вспомнив пример записи языка майя латиницей. Поскольку эта буква по-испански вовсе не звучала, ему не оставалось ничего другого, как вновь прибегнуть к диктанту по буквам: «АЧЭ»... «А», — произнес он названия букв, а затем и все слово — «ХА». Изумленный, а может быть даже испуганный, писец — он снова ничего не понял! — буква в букву записал услышанное...

Так было или иначе, но ошибка вкралась в текст «Сообщения о делах в Юкатане», и самое удивительное то, что Ланда не исправил ее. Возможно, он настолько доверял своему писцу, что даже не считывал после него текста? На Ланду, судя по его характеру, это не похоже, но... именно эта ошибка и не очень качественное изображение переписчиками знаков майя в алфавите Ланды поставили в тупик несколько поколений исследователей древней письменности майя! Примеры-головоломки и опознание знаков было настолько трудным делом, что оно оказалось не под силу даже такому знатоку майя, как Эрик Томпсон, составитель наиболее подробного и полного каталога знаков майя.

Начиная свое исследование алфавита Ланды, Юрий Кнорозов и сам не предполагал, какие удивительные открытия ждут его впереди. Но настойчивый поиск молодого ученого, сумевшего через четыре столетия постепенно, шаг за шагом восстановить ход рассуждений провинциала Ланды, подарил миру ценнейший документ об одном из наиболее выдающихся и поразительных достижений цивилизации майя. Вопреки мнению всех крупнейших знатоков письма майя именно алфавиту Ланды, реабилитированному «в далекой Советской России», предстояло сказать свое веское слово в изучении письменности майя.

Несмотря на досадные ошибки в алфавите Ланды и в примерах написания слов иероглифическими знаками майя, Юрий Кнорозов не мог не восхищаться глубокой продуманностью, логичностью и почти безупречной точностью этого документа, который на невероятно малом материале раскрыл сущность

иероглифической письменности древних майя. Именно поэтому его заинтересовал вопрос: кто, кроме Ланды, был автором этого документа? Кем был индейский «консультант», как его звали и почему Ланда привлек именно его к своей работе над алфавитом?

Иероглифическим письмом владели только жрецы майя, да и то не все. Кроме них, письму могли быть обучены лишь очень знатные лица, изучавшие науки, как писал Ланда, из любознательности. Но жрецы, уцелевшие от побоищ, были смертельными врагами монахов — своих конкурентов по «ремеслу». Ланда прямо указывает, что «более всего неприятностей, хотя и тайно, монахам причиняли жрецы, которые потеряли свою службу и доходы от нее». Неоднократно упоминавшийся нами «консультант» Ланды Гаспар Антонио Чи получил испанское образование и, конечно, не допустил бы при диктовке таких ошибок. Кроме того, весьма сомнительно, чтобы он знал иероглифическую письменность: с пятнадцати лет он уже обучался у испанских монахов.

Знакомство с индейским «окружением» Ланды приводит Юрия Кнорозова к выводу, что «консультантом» по иероглифике майя у будущего епископа мог быть только На Чи Коком, последний правитель Сотуты. Во время конкисты Юкатана он оказал испанцам отчаянное сопротивление, но в конце концов был взят в плен, принял христианство и стал именоваться дон Хуан Коком. Ланда был дружен с ним; они часто и подолгу беседовали; от него он узнал и записал историю Юкатана. Ланда упоминает вскользь, что дон Хуан показывал ему иероглифическую рукопись, доставшуюся от деда, сына последнего правителя могучего города-государства Майяпана (династия Кокомов правила Юкатаном с 1244 года), погибшего в 1541 году при разгроме этой столицы майя испанскими завоевателями. Просвещенный правитель Сотуты, имевший иероглифические рукописи, очевидно, умел их читать, но испанской грамоте (а тем более французской — вспомните гипотезу француза

Женэ!) не обучался и, конечно, понятия не имел об испанском способе диктовать слова по буквам.

Один из последних знатоков письменности майя, На Чи Коком, хотя и принял христианство и даже «дружил» с провинциалом Диего де Ландой, втайне оставался верен религии и обычаям своего народа. Незадолго до смерти На Чи Коком приносил богам человеческие жертвы, надеясь на выздоровление. Но боги не пожелали сохранить ему жизнь и тем «спасли» его от мучительной смерти, от пыток в застенках инквизиции. Он умер в 1561 году за несколько месяцев до начала инквизиционного следствия об «отступничестве от христианства», которое вел его «друг» Диего де Ланда. Брат На Чи Кокома, также оставшийся тайным язычником, не ожидая окончания следствия инквизиторов, повесился. Ну, а что произошло в городе Мани 12 июля 1562 года, читатель уже знает.

Иероглифические знаки в «Сообщении о делах в Юкатане» были начертаны рукой последнего потомка когда-то всесильных властителей Юкатана. Он сделал это по просьбе своего «друга» — первого провинциала единой церковной провинции Гватемалы и Юкатана Диего де Ланды. И пока один из них старательно выводил на бумаге замысловатые знаки, умевшие «говорить» языком его древних предков, другой хладнокровно обдумывал, как лучше, быст-

рее, а главное, раз и навсегда уничтожить все то, что связывало народ майя с его недавним и далеким прошлым. Возможно, они улыбались друг другу, хотя их сердца горели неугасимой ненавистью, и наверняка никто из них не догадывался, что столь удивительный симбиоз четыре столетия спустя поможет приоткрыть завесу над великой тайной жрецов майя.

Таково происхождение уникального источника, известного под названием «алфавит Ланды», и история его реабилитации.

Что такое дешифровка, или Окончание поиска

Итак, мы подошли к последнему этапу длинного и тяжелого пути. Позади остались многие годы кропотливого и сложного труда, пролетевшие быстро, почти незаметно. Взбираясь на крутую вершину познания тайны письма жрецов майя, молодой дешифровщик, подобно скалолазу, преодолевал многочисленные препятствия. И вот остался последний и самый крутой подъем. Нужно сделать еще несколько шагов. Но как они тяжелы, с каким невероятным трудом дается каждый новый метр этого титанического восхождения! Он требует полной отдачи сил, опыта и знаний, накопленных годами. Любая, даже малейшая ошибка отбросит исследование назад, и тогда найдутся ли силы, чтобы вновь попытаться достичь столь желанной вершины поиска?!

Триста знаков! Много это или мало? Триста знаков! Они похожи на маленьких букашек, живущих своей, пока еще неведомой для нас жизнью. Их нужно освоить, подчинить — они, эти триста знаков, та самая вершина, покорить которую мечтало столько ученых!

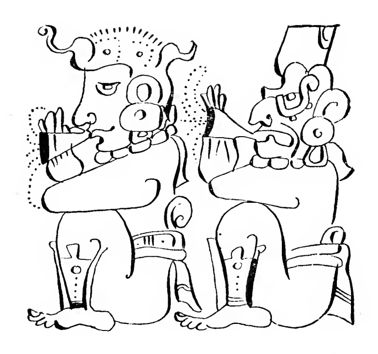
Снова и снова начинаются бесконечные сопостав-

ления, требующие скрупулезной точности. Времени не хватает, приходится работать ночами. Глаза устают так, что голову разламывает невыносимая боль и кажется, что ты уже ничего не видишь. Не видишь? Страшная мысль, к сожалению, не лишенная оснований... Врачи уже махнули на тебя рукой, но ведь и они ошибаются! Тысячи, тысячи, тысячи знаков прыгают на серых страницах фотобумаги. Тысячи, тысячи, тысячи, а ведь их всего триста! Как, по какому принципу собираются они вместе, заполняя страницы рукописей или каменные барельефы стел?..

В большинстве языков мира, в том числе и в языках семьи майя-кичэ, склонение и спряжение связано с появлением в начале и конце слога грамматических показателей. В русском языке такими грамматическими показателями являются, например, хорошо знакомые нам окончания падежей, не имеющие сами по себе смысла и относящиеся к какому-нибудь осмысленному (знаменательному) слову. К грамматическим показателям относятся также различные частицы, предлоги, союзы. Именно они, словно сцепщики железнодорожного состава, скрепляют вместе разрозненные отдельные слова, связывая их в осмысленное предложение. При увязке слов друг с другом очень важную роль играет также их порядок в предложении, свойственный данному языку.

Приведем наипростейший пример. Возьмем пять слов: комната, стол, стоять, красный, зеленый. Заложена ли какая-нибудь идея (смысл) в этом наборе слов? По-видимому, нет. Однако «включив» грамматические показатели русского языка, мы получим осмысленное предложение: «В красной комнате стоит зеленый стол».

В тексте, написанном известным или неизвестным письмом, корню слова (если, конечно, это слово повторяется) должна соответствовать устойчивая группа знаков. Грамматическим же показателем в начале или конце слова должны соответствовать меняющиеся и заменяющие друг друга знаки (Ю. В. Кнорозов называет их «переменными») перед или после устойчивой группы знаков.

Вновь обратимся за примером к русскому языку: в русском тексте сочетание трех букв (знаков) «дом» будет устойчивым, а падежные окончания — «дом-а», «дом-у», «дом-ом» — будут передаваться «переменными» буквами (знаками) «а», «у», «ом».

Языку майя, как уже говорилось выше, не чужды обе грамматические категории, и Ю. В. Кнорозов счел необходимым прежде всего выявить в иероглифических текстах майя устойчивые группы знаков (передающие корни слов древнего языка) и связанные с ними переменные знаки (передающие грамматические показатели). Следовало предположить, что их общее количество не должно быть велико, и их можно будет сопоставить с грамматическими показателями в текстах майя колониального периода («книги Чилам Балам»), записанных латиницей.

Работа по выявлению переменных знаков шла му-

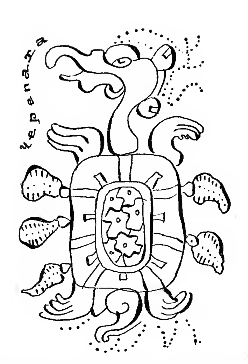
чительно медленно и была чрезвычайно громоздкой. Ведь каждое сочетание знаков (иероглиф) приходилось прослеживать по всем рукописям и надписям майя. При этом постоянно возникали затруднения.

Мало того, что в иероглифических рукописях часто встречаются стертые и полустертые места, «оборванные» страницы и другой «производственный» брак, причиненный временем и не всегда умелым хранением этих текстов. Выяснились и иные «враги» дешифровщика: некоторые разделы рукописей, особенно Мадридской, были написаны на редкость небрежным почерком и к тому же со множеством ошибок (куда смотрели старшие жрецы?!). Не лучше обстояло дело и с каменными книгами — стелами: тропические ливни сильно размыли поверхность камней с надписями. На опознание многих знаков, различные проверки и перепроверки приходилось тратить слишком много времени и сил.

Но, может быть, лучше отказаться от этой работы и исследовать только те иероглифы, которые не пострадали от времени или недобросовестности жрецов — переписчиков текстов?

В результате проделанной работы Ю. В. Кнорозов свел иероглифы в группы. В каждую из них входили иероглифы, имеющие одинаковые устойчивые знаки и различные переменные, то есть различные грамматические показатели. Теперь можно было свести вместе слова с одинаковыми грамматическими показателями. По сравнению со сделанным такая работа была относительно несложной.

Сплошная регистрация всех случаев появления в тексте каждого иероглифа позволила одновременно выявлять и статистические данные о них. Самый простой способ применения статистики для целей дешифровки (мы уже упоминали об этом) состоит в том, что подсчитывается, сколько раз каждый из знаков встречается в исследуемом неизвестном тексте; это абсолютная частота. Заручившись такими данными о неизвестных нам знаках, следует подобным же образом обсчитывать тексты майя, записанные латиницей, то есть известными нам знаками — буквами.

Зачем? Чтобы *сопоставить* неизвестные знаки с буквами (или группой букв), имеющими ту же частоту в известных текстах!

Однако в ряде разделов рукописей майя настойчиво повторяются отдельные иероглифы, очень редко встречающиеся в других местах. При сплошном подсчете легко может оказаться, что знак имеет большую частоту за счет многократного повторения одного и того же иероглифа, то есть за счет частого повторения какого-нибудь слова в некоторых разделах текста. В этом случае абсолютная частота знака (равно как и иероглифа, в состав которого он входит) будет отражать не особенности *языка*, а особенности данного специфического *текста* с часто повторяющимся отдельным словом или словами (например, в тексте, рекламирующем, скажем, пылесос, слова «пылесос» и «пыль» будут повторяться

значительно большее число раз, чем в любом другом). Чтобы избежать подобной ошибки, можно при подсчете частоты пропускать повторения одного и того же иероглифа (слова), получая относительную частоту, не зависящую от особенностей текста.

Однако установление абсолютной и относительной частоты знаков было еще недостаточно для достижения конечной цели, стоявшей перед Ю. В. Кнорозовым. Поэтому он считал ближайшей задачей изучение переменных знаков, передающих грамматические показатели. Нужно было выявить частоту переменных знаков, а это означало, что при подсчете частоты нужно учитывать только те случаи, когда знак передает грамматический показатель, то есть стоит перед или после корня слова.

Вновь прибегнем к примеру из русского языка. Для того чтобы установить частоту показателя дательного падежа — «у» (в словах дом-у, храм-у, пруд-у и т. д.), нужно подсчитать, сколько раз буква «у» встречается в конце определенных слов, но при этом отнюдь не следует учитывать случаи, когда она входит в состав корня (как в слове «пруд»)!

Изучение частоты знаков, занимающих определенное место (позицию) в словах получило название «позиционной статистики». Точный язык цифр — математический анализ снова пришел на помощь молодому советскому исследователю. С помощью позиционной статистики можно было сравнительно легко сопоставить грамматические показатели языка иероглифических текстов майя с грамматическими показателями языка майя колониального периода, сохранившегося в «книгах Чилам Балам».

Но Ю. В. Кнорозов не спешил начать сопоставление грамматических показателей древнего и нового языков майя, хотя выявление переменных знаков и их позиционной частоты давало такую возможность. Он решил еще более основательно подготовиться к преодолению последних и самых трудных шагов, все еще отделявших его от заветной цели. Поэтому он подвергает исследованию порядок слов в предложениях майя, используя свой же метод позиционной

статистики. Но теперь он применяет его уже не к отдельным знакам, а к целым иероглифам.

Выяснилось, что на втором и третьем местах в предложениях всех типов, как правило, стоят иероглифы, не имеющие в своем составе переменных знаков. Были все основания считать, что иероглифы этой группы передают подлежащее. В самом деле, именно подлежащее, то есть обычно имя существительное в именительном падеже, имеет меньше всего грамматических показателей.

Другая группа иероглифов отличалась, наоборот, наибольшим количеством переменных знаков. Иероглифы этой группы стояли, как правило, на первом месте в предложениях почти всех типов. Судя по большому числу переменных знаков, эти иероглифы должны были передавать глагольное сказуемое. По ходу дальнейших исследований оказалось, что иероглифы, передающие сказуемое, подразделяются на две группы, каждой из которых свойственны свои грамматические показатели. После иероглифов одной группы в предложениях стояло сразу подлежащее, тогда как после иероглифов другой почти всегда появлялись особые дополнительные иероглифы, а подлежащее отходило на третье место. Естественнее всего было отождествить первую группу с непереходными глаголами, а вторую — с переходными, требующими дополнения. Так оно и оказалось, ибо и в языке майя XVI века был аналогичный порядок слов в предложении. На первом месте обычно стояло глагольное сказуемое, а подлежащее занимало второе место или третье, если после сказуемого шло дополнение.

Только теперь Ю. В. Кнорозов располагал достаточно четкой классификацией иероглифов. О каждом из них можно было сказать, с какими грамматическими показателями он употребляется, какую часть речи передает и какую роль играет в предложении.

Казалось, можно переходить к последовательному сопоставлению грамматических показателей языка иероглифических текстов, то есть неизвестного языка и языка майя XVI века, известного нам. Известного?

Однако оказалось, что грамматика «известного» языка изучена довольно слабо. И снова пришлось отложить решающий штурм последней вершины и надолго засесть за изучение грамматики по текстам майя, записанным латиницей, и только после этого заняться подготовкой сравнительных материалов — выявлением набора грамматических показателей и их частоты в текстах XVI века.

Это была наиболее тяжелая и изматывающая работа. Она требовала абсолютной внимательности. Если возникали сомнения в правильности подсчета, нужно было начинать его с самого начала и так по нескольку раз. Но самое обидное: не было никакой гарантии в том, что получаемые с таким трудом данные окажутся полезными и пригодятся для дальнейшей дешифровки. Так оно и было в ряде случаев, когда единственным результатом проделанной работы являлось выяснение того, что изучаемый грамматический показатель не имеет никаких аналогий в древнем языке. Не удивительно, что при первой же возможности в дальнейшем и Ю. В. Кнорозов и другие исследователи стали перекладывать такого рода работу на «плечи» вычислительной техники.

Однако в целом расчеты Ю. В. Кнорозова на то, что сопоставление древних переменных знаков с известными грамматическими показателями (из языка XVI века) окажется сравнительно легким, вполне оправдались. В центр внимания исследователя попало несколько знаков, передающих употребительные грамматические показатели. Эти знаки оказались как бы в медленно, но верно сжимающемся кольце. Каждая новая, дополнительная характеристика этих переменных знаков была подобна новому, появлявшемуся из засады щупальцу спрута. Они, эти щупальца-знаки, обвиваясь вокруг жертвы, неуклонно приближали свою привязку.

Среди переменных знаков особо выделялся знак . Он сочетался и с глаголами и с существительными и имел рекордную позиционную частоту.

Такую же высокую частоту в текстах XVI века имел только один грамматический показатель — префикс-местоимение «у» («он», «его»). Здесь не могло быть ошибки — знак определен точно, ему найден языковый эквивалент!

Сопоставление ряда других переменных знаков с известными грамматическими показателями также не составило особого труда. Наиболее часто встречающийся переменный знак , передающий предлог, легко сопоставлялся по позиции и частоте с употребительным предлогом «ти» («в», «к»), а переменный знак в конце переходных (требующих дополнения) глаголов явно соответствовал известному глагольному суффиксу прошедшего времени — «ах».

Но не все шло так гладко. Огромные затруднения встречались в тех случаях, когда произношение сильно изменилось. Например, употребительному суффиксу непереходных глаголов явно не было прямой аналогии в языке XVI века. Только значительно позже, в результате длительного изучения спряжения в языке майя, Ю. В. Кнорозов сумел выяснить, что суффиксы непереходных глаголов XVI века («хи», «ни», «и») восходят к одному и тому же древнему суффиксу — «нхи». Иными словами, оказалось, что переменному знаку соответствует исчезнувший суффикс, от которого в языке XVI века сохранилось несколько «потомков» (с одинаковым значением).

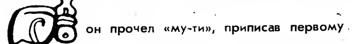
Так была решена ближайшая главная задача. Од-

нако сопоставление грамматических показателей языка иероглифических текстов с известными грамматическими показателями языка майя XVI века еще не означало действительного чтения знаков. Отнюдь не исключено, что древние суффиксы или предлоги произносились иначе, чем в XVI веке. Чтобы установить их действительное чтение, нужно перейти к следующему этапу — чтению слов. Этот этап и был конечной целью — завершением дешифровки.

Но как, на основе каких данных можно попытаться прочесть сами слова? Существует ли такая возможность?

Ю. В. Кнорозов рассуждал следующим образом: если знак, передающий, например, предлог, который в XVI веке произносился как «ти», действительно имел такое чтение, тогда можно прочесть слова, в которых знак употребляется уже не как грамматический показатель, а для записи корневой части слова. Ведь знак должен читаться одинаково во всех случаях! Но чтобы считать чтение знака окончательно установленным, необходимо прочесть не меньше двух разных слов с этим знаком. Это и есть так называемые перекрестные чтения.

Установив, что знаки , , , , и т. д. передают грамматические показатели, которые в XVI веке соответственно произносились, как ти, ка, ан, у, ах, Ю. В. Кнорозов, пользуясь заранее составленными сводками иероглифов, сумел подобрать нужные группы знаков. Так, слово

он прочел «му-ти», приписав первому знаку чтение «му»; второй же знак употреблялся для передачи предлога «ти». На языке XVI века слово «мут» означало «священное животное».

Это чтение подтвердилось в словах — «му-ка» («мук» — «раз») и «му-ан» («облачный», название месяца). Слово Ю. В. Кнорозов прочел «у-лу-му» («улум» — «домашний индюк»), приписав второму знаку чтение «лу», что подтвердилось в словах — «цу-лу» («цул» — «собака») и — «(бу)-лу-ку» («булук» — «одиннадцать»). В свою очередь, чтение знака — «цу» подтвердилось в слове «ку-цу» («куц» — «дикий индюк»); чтение знака — «ку» в слове — «ку-чу» («куч» — «ноша»); чтение знака — «чу» — в слове — «чу-ка-ах» («чу-ках» — «захватил») и т. д.

* Рисунок неразборчив, и первый знак не может быть воспроизведен.

Цепляясь один за другой, знаки майя постепенно открывали дешифровщику свои сокровенные тайны, как раскрывает тайну кроссворда правильно найденное слово. Разумеется, чтение каждого нового неизвестного знака требовало перебора различных вариантов, пока не находился единственно правильный. Однако количество таких вариантов было уже сравнительно невелико, и с каждым новым расшифрованным и прочтенным словом их становилось все меньше и меньше.

Позиционная статистика — оригинальная система дешифровки неизвестных письмен, предложенная советским ученым Ю. В. Кнорозовым, получила всеоб-

щее признание и стала широко использоваться при дешифровке текстов древних народов, письмена которых считались навсегда утерянными. Именно она позволила включить в эту работу «думающие машины», решающие сложнейшие проблемы лингвистики на основе математического анализа.

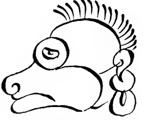
Теперь непонятные, таинственные знаки неизвестных письмен не кажутся такими недоступными, непокорными. Благодаря титаническому труду Ю. В. Кнорозова мы твердо знаем, что каждый из них должен иметь свойственную только ему вполне определенную частоту (повторяемость) и занимать определенное место в «блоке» — сочетании знаков. Иными

словами, знаки имеют свой определенный «паспорт», с вполне точной «пропиской» (позицией в блоке) и частотой (повторяемостью). В иероглифической письменности в соответствии с этим «паспортом» и происходит разделение знаков на корневые, грамматические и фонетические, хотя и возможны случаи, когда один знак может являться владельцем целых двух паспортов.

Слово предоставляется жрецам

Итак, слово предоставляется жрецам. Четыреста лет молчали они, вернее — их тексты, и только сегодня мы, наконец, услышим таинственную речь, не-

когда звучавшую в мрачных покоях причудливых храмов и дворцов, на крутых ступенях гигантских пирамид, устремленных в бесконечную небесную высь, таинственную речь, высеченную рукой человека на огромных каменных стелах священных городов могучего и талантливого народа майя.

— Читайте и слушайте! Говорит История! Жрецы майя открывают свою великую тайну!!!

Фонетическое чтение	Перевод
ЧУН-ХИ МА-ХО	(Год) * начинается на Юге
К'АН-ЙУУ-ААН У-МАМ	его покровитель — Желтый зверь
МОШ У-КУЧ	его ноша — Бог огня
КА-КА-ААН У-НИЧ	его доля (обилие) зерна
ЧУН-ХИ ЛА-К'ИН-ИЛ	(Год) начинается на Востоке
ЧАК-ЙУУ-ААН У-МАНАБ	его знамение — Красный зверь
ТОК-ТУН ХИШ САК-ТУН	(это) время копий, время ягуаров
К'АН-ТУН У-КУЧ	его ноша — засуха
ЧУН-ХИ ХАМ-ШИБ	(Год) начинается на Севере
САК-ЙУУ-ААН У-МАМ	его покровитель — Белый зверь
ООЧ-ИН У-КУЧ	его ноша — пища
УМ-ТУН ЛОМ-ХА (?)	(будет) круглый год изобилие (?)
ЧУН-ХИ ЧИ-К'ИН-ИЛ	(Год) начинается на Западе
ЕК-ЙУУ-ААН У-МАМ	его покровитель — Черный зверь
УМ-ЦЕК' У-КУЧ	его ноша — Владыка черепов
ЙЕ-КАМ-ИЛ ТУН	отмечен смертью год

Итак, мы впервые прочли иероглифический текст и его русский перевод. Читатель, наверное, догадался, что он имеет какое-то отношение к календарю майя. Совершенно верно — это начало раздела о четырехлетнем цикле Календарного круга из Дрезденской рукописи майя. Чтобы лучше разобраться в содержа-

---

* Слова, взятые в скобки, в тексте отсутствуют, однако они подразумеваются. Это одна из особенностей языка майя. Знак вопроса в скобках означает, что иероглиф частично поврежден, но его можно угадать.

нии этого и других текстов рукописей, нам придется познакомиться с жреческой терминологией и еще раз совершить экскурс в далекое прошлое народа майя.

В основе всех трех известных рукописей майя лежит описание календаря и связанных с ним религиозных обрядов. Поэтому-то и необходимо проследить, когда и как возникает сам календарь.

Несколько слов, поясняющих терминологию жрецов. Цветные звери — это Чааки — боги ветров, несущие дождь; чаще их просто называют «богами дождей». Окраска каждого из них строго соответствует цвету стороны света («мировому дереву»), где находится его постоянная «резиденция». Поскольку именно от Чааков зависит выпадение осадков, играющих первостепенную роль в жизни земледельца, они занимают одно из самых почетных мест в Пантеоне богов майя. Считалось, что Чааки в строгой последовательности поочередно правят в каждом четырехлетнем цикле только одним годом, придавая ему свои характерные особенности. Жрецы обязаны были напоминать людям об этих особенностях — предзнаменованиях и требовать жертвоприношения, соответствующие привычкам, вкусу и рангу своих «подопечных» (в последующих текстах данного раздела как раз об этом и говорится). Но ритуалы, предзнаменования и иная религиозная оправа календаря нас интересуют гораздо меньше, чем сам календарь майя. Куда важнее, повторяем, разобраться в процессе его возникновения. Этим мы и займемся сейчас.

Современная наука позволяет утверждать, что Америка была заселена человеком (из Азии через Берингов пролив) еще в период верхнего палеолита, то есть приблизительно 30 000 лет назад. Древнейшие племена, ставшие уже «американскими», жили в так называемом «плато прерий» (североамериканские штаты Аризона, Техас и др.). Прошли тысячелетия, и численность племен возросла настолько, что им уже не хватало местных ресурсов питания, добываемых собирательством и охотой. Естественно, возник вопрос: что предпринимать, чтобы не умереть с голо-

ду? Куда идти в поисках пищи? На север? Но людская память хранила воспоминания о снежных полях, горах льда и страшном холоде, перед которым человек чувствовал себя совершенно беззащитным. И тогда ответ приходил сам собой: нужно идти на юг — там тепло, там солнце!

Но как определить наиболее приемлемый маршрут? В те времена он не мог выбираться произвольно. Чтобы сохранить жизнь, людям нужна была прежде всего вода. Без транспортных средств широкие открытые пространства были непреодолимы, и племена отправлялись в путь вдоль рек, по берегам озер, придерживаясь спасительных «резервуаров» воды.

Однако и здесь людей поджидала новая беда: колоссальные участки земли оставались необжитыми, в то время как долины рек и озер быстро перенаселялись. А сзади, то есть с севера, наседали все новые и новые племена; движение на юг ни на мгновение не прекращалось. Конечно, оно имело свои «завихрения», легко объяснимые чисто географическими условиями материка.

Племена майя, или, точнее, протомайя, приблизительно пять тысячелетий назад «застряли» на перешейке, соединяющем Южную и Северную Америку. Новые земли оказались исключительно благодатными. Кругом по берегам многочисленных озер можно было собирать немало съедобных корней водяной лилии, а леса изобиловали всеми видами дичи, из которой особо лакомыми были олени и индюки. Прошли времена, когда дети, женщины и старики умирали от голода. Правда, в прибрежных зарослях прятались гигантские кайманы; сюда частенько заглядывали и ягуары. Но и тут был найден «выход»: майя стали поклоняться «владыкам пищи» — кайманам и ягуарам.

В горных местностях Гватемалы индейцы майя натолкнулись на растение, зерна которого напоминали своей формой женскую грудь. Они так и назвали его — «ИШ ИМ» —

«маленькая грудка», но прошло еще много столетий, прежде чем дикое растение стало удивительной сельскохозяйственной культурой — кукурузой! Вот тогда-то майя действительно перестали зависеть от прихотей природы, ибо обеспечение пищей уже находилось в их собственных руках.

Однако дело оказалось совсем не из легких: то вдруг солнце иссушит землю, и посевы погибнут от жары; то тропические ливни зальют поля, и зерна сгниют в земле; то вдруг подует северный ветер, и за пару дней холод уничтожит еще неокрепшие ростки кукурузы... Потеря урожая означала голод и смерть для племени. Именно они — голод и смерть — заставили людей понять, вернее — разобраться в чрезвычайно важном явлении: солнце, дождь и ветер отнюдь не появлялись «вдруг». Во всем своя закономерность. Например, посевы никогда не погибали, если зерна высаживались в землю с первыми дождями.

Ну, а как определить, когда начнутся дожди? Ведь один день никак не отличишь от другого?!.

Как и во всех других древних земледельческих странах, например в Египте или Китае, майя обратились за ответом к небу. Почему?

Собиратель и охотник всегда нуждался в постоянно действующих ориентирах, чтобы находить дорогу домой. Река или вершина горы не были надежны — в зарослях сельвы они легко терялись из виду. Если же охотнику в поисках дичи приходилось удаляться от дома на расстояние нескольких дней пути, он заведомо знал о непригодности подобных ориентиров.

Страшная и таинственная ночь часто заставала его далеко от хижины. Охотника окружала непроглядная тьма, и только на небе горело бесконечное множество разноцветных светлячков. Люди обнаружили, что один из них вечно неподвижен; он стоит всегда на одном и том же месте; они убедились, что на него можно положиться, он не подведет.

Так, Полярная звезда стала ориентиром и не только для майя, но и для всех народов северного полу-

шария. Другие созвездия и Солнце стали естественными часами — они говорили, скоро ли наступит утро или ночь.

Все древние племена и народы пытались понять, что такое небо. Но накопленные знания о небе еще не давали ответ на главный вопрос: когда сеять? Посевы продолжали гибнуть, вымирали целые селения, люди приходили в отчаяние... Их пытливые взоры попрежнему обращались на небо. Там нужно было искать ответа. Ведь именно на небе светило безжалостное солнце, ветер на небе сгонял тучи, с неба падал дождь...

Солнце было не только самым крупным небесным светилом, но и самым точным и пунктуальным. Оно не могло не попасть в центр внимания наблюдателей, а попав в него, именно Солнце раскрыло людям секрет времени. Путем длительных наблюдений было установлено, что не все дни одинаковы; более того, имеются четыре особых дня: дважды (21 марта и 23 сентября) бывает равноденствие, когда день и ночь равны; а дважды (22 июня и 23 декабря) — солнцестояние. Эти дни и стали той основой, на которую майя нанизали свой календарь. Чтобы точно фиксировать «особые дни» и, следовательно, содержать в порядке календарь, были построены целые комплексы из храмов, дворцов и каменных стел; их по справедливости ныне называют обсерваториями древних майя. С их помощью жрецы с абсолютной точностью ежегодно определяли день начала посевов (12 мая), своевременно рассылая по всей стране гонцов с приказом начинать сев.

Но календарь, основанный на явлениях природы, создавался одновременно и параллельно с персонофикацией этих явлений в виде божеств, а божества, как существа одушевленные, «требовали» к себе специального отношения — их нужно было уважать, ублажать, боготворить. Так появились главные, по существу, сельскохозяйственные боги дождей и ветров.

Древнейшие земледельцы всего мира считали, что только от их прихоти зависит урожай, но жрецы,

специализировавшиеся в течение многих столетий и даже тысячелетий на наблюдении за небесными явлениями, имели другую точку зрения: сами боги подчиняются каким-то вселенским законам. Правда, иногда они позволяли себе известные вольности, выходя за рамки этих законов, и, чтобы избежать подобных отступлений, требовалось точно знать, где в данное время должен пребывать тот или иной бог, что в данный момент ему нравится и какую жертву следует принести... Важно было также разбираться во взаимоотношениях самих богов; это давало возможность вовремя обратиться именно к тому из них, кто был в состоянии одернуть, поставить на место разгулявшегося нарушителя законов и тем самым защитить людей от почему-то рассвирепевшего или озлобившегося на них божества.

Иероглифические рукописи служили практическим руководством жрецов. Если же отбросить в сторону все религиозные наслоения, то календарь, а следовательно, и рукописи определяли конкретные астрономические сроки основных сельскохозяйственных работ: выжигание леса под новые участки посевов, сроки самих посевов и обработки полей, уборки урожая...

Мы приносим читателю свои извинения за некоторые повторы, но, к сожалению, без них трудно понять «поведение» разноцветных богов и причины их появления в текстах рукописей майя. Зато теперь можно снова и с большим успехом вернуться к иероглифическим текстам майя (Дрезденская рукопись, стр. 58, 59, 60).

Перевод	Комментарий
СПУСТИЛСЯ НА СЕВЕР БЕЛЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ ДОЖДЬ 16 ДНЕЙ. ИНДЮК. МЕД.	Белый бог ветра опустился на Севере. Он приносит дождь. 16 дней он пробудет там. Богу следует приносить в жертву индюка и мед, чтобы он вел себя без отклонений от нормы.

СПУСТИЛСЯ НА ЗАПАД ЧЕРНЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ ДОЖДЬ. 16 ДНЕЙ. ИГУАНА. СПУСТИЛСЯ НА ЮГ ЖЕЛТЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ ДОЖДЬ. 16 ДНЕЙ. РЫБА.	(Последующие тексты, переведенные на русский язык, построены по такой же схеме. Счет дням ведется по календарю; в рукописи указаны точные даты, которые мы не приводим из-за их сложности и фактической ненужности.)

СПУСТИЛСЯ НА ВОСТОК
КРАСНЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ ДОЖДЬ
16 ДНЕЙ.
КУКУРУЗА.

СПУСТИЛСЯ НЕСУЩИЙ НА ВОСТОКЕ
НА КРАСНОЕ ДЕРЕВО.
13 ДНЕЙ.

СПУСТИЛСЯ НЕСУЩИЙ НА СЕВЕРЕ
НА БЕЛОЕ (ДЕРЕВО).
13 ДНЕЙ.

СПУСТИЛСЯ НЕСУЩИЙ НА ЗАПАДЕ
НА ЧЕРНОЕ ДЕРЕВО.
13 ДНЕЙ.

СПУСТИЛСЯ НЕСУЩИЙ НА ЮГЕ
НА ЖЕЛТОЕ ДЕРЕВО.
13 ДНЕЙ.

Вполне понятно, что жрецы придавали исключительное значение правильному определению наступления нового года. Любая ошибка в летосчислении грозила страшнейшими бедствиями уже не отдельным племенам, а целым городам-государствам.

Ниже следует перевод из Мадридской рукописи (стр. 34, 35, 36, 37) с указанием дней, с которых начинается каждый новый год Календарного круга.

Перевод	Комментарий
ПРАВИТ ЧЕРНЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ НА ЗАПАДЕ. 10 — КУ 1 — КУ	Черный бог ветра, несущий дождь, правит на Западе каждым годом 52-летнего цикла, начинающимся со дня «КУ» (позднее название дня изменилось на «КОВАК»). Каждое четырехлетие начиналось именно

5 — КУ
9 — КУ
13 — КУ...
ПРАВИТ ЖЕЛТЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ НА ЮГЕ.
11 — ХА
2 — ХА
6 — ХА
10 — ХА
1 — ХА
ПРАВИТ ЖЕЛТЫЙ МУЖ, НЕСУЩИЙ НА ВОСТОК.
12 — КО
3 — КО
6(?)—КО
10 — КО
1 — КО...
ПРАВИТ БЕЛЫЙ. СЕВЕР.
13 — ХИШ
4 — ХИШ
8 — ХИШ
12 — ХИШ
3 — ХИШ...

с этого дня, однако нумерация дней менялась. В первый год здесь указан 10-й день недели, затем, по прошествии 4 лет, — 1-й, 5-й, 9-й и т. д. С началом нового 52-летнего цикла отсчет повторялся в той же последовательности.

Подобным образом вели счет начальным дням своего «правления» и остальные три цветных бога; это были дни ХА, КО и ХИШ.

Старое название дня «ХА» позднее трансформировалось в «КАН», а дня «КО» в «МУЛИК».

Читатель легко обнаружит явную арифметическую ошибку, допущенную жрецами-переписчиками в расчетах правления Желтого Чаака. Следует сказать, что в Мадридской рукописи, из которой взят перевод, очень много описок. Не менее очевидно, что в тексте есть и другая ошибка: в третьем перечне дней должен фигурировать не «Желтый», а «Красный» муж, то есть Чаак.

В четвертом перечне дней вновь допущена явная небрежность со стороны писцов, почему-то не дописавших положенный текст.

Движение Венеры по ночному небу также было зафиксировано жрецами майя. В Дрезденской рукописи дается точный счет дням, когда она появляется и исчезает с неба. Отсутствие Венеры на небе означало, что она «уходила» куда-то по своим делам. Поскольку текст абсолютно идентичен, мы дадим перевод лишь одного полного цикла передвижений звезды (стр. 25), а счет дням полностью. Венеру майя называли «Большой звездой».

Перевод	Комментарий
ПРОХОДИТ НА СЕВЕРЕ БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА. 236.	Большая звезда — Венера движется по небу с востока на север в течение 236 дней.
ПРОХОДИТ НА СЕВЕРЕ БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА БОГА ТАХИЛЯ. ДРОТИК (НАПРАВЛЕН) В БОГА ОГНЯ.	Предзнаменование: опасность угрожает всем старикам.

ПРОХОДИТ НА ЗАПАДЕ БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА. 326.	Большая звезда — Венера движется с севера на запад в течение 90 дней — 236 + + 90 = 326. Здесь и дальше ведется общий счет дням. Интересно, что дана не начальная календарная дата 52-летнего цикла, а конечная, как это будет указано ниже.
ПРОХОДИТ НА ЗАПАДЕ БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА БОГА ДЕСЯТОГО НЕБА. ДРОТИК (НАПРАВЛЕН) В КРАСНОГО ЗВЕРЯ.	Предзнаменование: опасность угрожает военачальникам (Красный зверь). «Бог десятого неба» — бог смерти.
ПРОХОДИТ НА ЮГЕ БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА. 576.	Отсчет дням — 326 + 250 = = 576.
ПРОХОДИГ НА ВОСТОКЕ БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА. 584.	576 + 8 = 584.

На страницах 26, 27, 28 и 29 текст рукописи полностью повторяется (изменяются лишь предзнаменования), а счет дням возрастает в той же последовательности:

стр. 26...	584 + 236 = 820
	820 + 90 = 910
	910 + 250 = 1160
	1160 + 8 = 1168
стр. 27...	1168 + 236 = 1404
	1404 + 90 = 1494
	1494 + 250 = 1744
	1744 + 8 = 1752
стр. 28...	1752 + 236 = 1988
	1988 + 90 = 2078
	2078 + 250 = 2328
	2328 + 8 = 2336
стр. 29...	2336 + 236 = 2572
	2572 + 90 = 2662
	2662 + 250 = 2912
	2912 + 8 = 2920

Этот последний день (2920-й) соответствует, как указано в рукописи, дню 1 Ахав 18 Кайяб пятидесятидвухлетнего цикла. К сожалению, мы не можем установить точную датировку этого дня по нашему календарю, поскольку в Дрезденской рукописи не указано число дней от первоначальной даты летосчисления.

Теперь мы приведем несколько наиболее сохранившихся иероглифических текстов из Дрезденской рукописи (см. вклейку) и их перевод на русский язык.

Перевод

Принимает жертву бог Солнца.
Принимает жертву бог Ицамна.
Принимает жертву бог Громовержец (вступление).
Владыка черепов, грозящий смертью, (бог) Ицамна Громовержец получает цветок.
Сова, владычица 13-го неба, (для женщин) дурное предзнаменование.
(Под знаком) Кетсаля трижды благословенна женщина.
(Под знаком) Попугая беда (для) белой женщины.

Переводы со страниц 15 и 16 относятся к разделу Дрезденской рукописи, посвященному женщинам. Содержание этих текстов станет понятнее, если мы учтем, что «Владыка черепов» — это бог смерти; «получать цветок» — означает жениться; «белая женщина» — девушка, девственница.

Приведенные примеры являются великолепными образцами сохранности и четкости написания иероглифических рукописей. К сожалению, подавляющее большинство страниц всех трех рукописей находится в весьма плачевном, а иногда и в полностью разрушенном состоянии (особенно Парижская). Кроме того, как уже указывалось, жрецы-переписчики допускали много ошибок, что также усложняет работу над переводом рукописей.

Однако еще хуже обстоит дело с текстами, высеченными на стелах и непосредственно на сооружениях священных городов майя — время не пощадило их. Это особенно обидно, поскольку именно в

этих записях, бесспорно носящих гражданский характер, таятся бесценные данные об истории этого удивительного народа. Но не следует думать, что все и окончательно потеряно. Последние работы Ю. В. Кнорозова позволяют надеяться, что надписи на камнях также заговорят.

Дополнительной сложностью в работе над расшифровкой и переводом эпиграфики майя является то, что знаки на камне отличаются своим внешним видом от знаков рукописей. Их очень трудно опознать и еще труднее прочесть. В связи с этим весьма перспективным представляется метод сопоставления схожих по содержанию текстов рукописей с текстами на камнях. Но, спросит читатель, как определить содержание последних?

Здесь на помощь исследователю приходят общие знания по истории цивилизации майя, скрупулезное изучение остатков памятников их материальной культуры. Известно, например, что правители городов-государств майя вели непрерывные войны, одной из главных целей которых был захват (пленение) рабов. Им приходилось также постоянно отбивать нашествия варваров-кочевников, уничтожавших посевы, грабивших склады с продовольствием и т. п. Поэтому вдоль западной границы территории майя стоят многочисленные памятники, главным образом скульптурные, в которых настойчиво повторяется один и тот же мотив: полководец майя стоит в горделивой позе перед коленопреклоненным вражеским вождем. Эти каменные стелы и барельефы, как правило,

имеют надпись, о содержании которой в общем-то нетрудно догадаться.

При переводе текста Дрезденской рукописи на странице 66 Ю. В. Кнорозову встретилась такая фраза: «ЧУ-КА-АХ КААШ-ИХ ТООК-ТЕ К'ИН-ТУН» — «Захватил бога дождя Сжигающий леса. Засуха». Иероглиф «захватил» оказался весьма похож на знаки на камне, часто повторяющиеся на стелах. На одном из «каменных текстов» города Яшчилана (здание 44) он проглядывался особенно отчетливо. Если вспомнить, что Бонампак сооружался правителем Яшчилана в честь какой-то важной военной победы, связанной с захватом большого числа пленных, то слово «захватил», несомненно, должно было фигурировать в победных надписях. Так оно и оказалось.

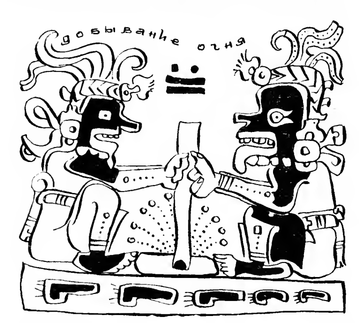
Яшчиланская надпись начинается весьма торжественно, как и приличествует столь важному событию. Вот ее перевод:

«В день (когда от начальной даты) прошло 9 бак-

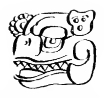
тунов, 12 катунов, 8 тунов, 14 виналей и (еще) 1 день, (в день) 12 имиш 27 (числа) четвертого лунного месяца, (в котором) 29 дней (?), (в день) 4 месяца Пооп, правитель... захватил... вождей семи племен... да будет (он) править трижды (по) двадцать...»

Многоточиями даны не поддающиеся чтению иероглифы. Они обозначают скорее всего имена собственные то ли поверженных вражеских вождей, то ли самих племен; выражение «трижды» у майя означало многократность, поэтому «трижды по двадцать» следует понимать, как наше «во веки веков».

Мы привели переводы лишь нескольких небольших отрывков из иероглифических рукописей майя. Сейчас Ю. В. Кнорозов заканчивает работу над их полным переводом, чтобы затем перейти к «каменным текстам». И мы не сомневаемся, что не далек день, когда падет и этот последний «бастион» — самый стойкий и верный страж тайны жрецов майя.

Зачем это нужно

Теперь настало время подвести некоторые итоги замечательного научного подвига молодого советского ученого.

По-видимому, нет необходимости говорить, какое огромное значение имеет дешифровка и перевод древних текстов для дальнейшего изучения цивилизации майя — самой выдающейся цивилизации доиспанской Америки. Уже сам факт доказательства того, что у майя была иероглифическая письменность, означает, по существу, переворот в науке о майя, а одно лишь прочтение, например, надписей на каменных стелах предоставит ученым, работающим над историей не только древних майя, но и всего Американского континента, совершенно неоценимую документацию.

Однако в этом вопросе есть еще одна очень важная сторона: перевод текстов раз и навсегда положил конец всяким измышлениям расистов о якобы умственной неполноценности аборигенов Америки (к сожалению, подобные «теории» по сей день имеют хождение), поскольку в процессе дешифровки выявились неопровержимые доказательства того, что письмо майя создано местным населением, а не привезено откуда-то извне таинственными «учителями» с востока или запада. Иероглифические знаки, отражающие местную фауну, флору и культуру, убедительней всего подтверждают, что создателями письма, этого величайшего достижения и одновременно проявления человеческого разума, были сами индейцы, а не жители, например, легендарной Атлантиды, как бы заманчиво ни выглядела подобная гипотеза.

Но, работая над дешифровкой письма майя, Ю. В. Кнорозов вышел за рамки локальных проблем. Его исследования внесли существенный вклад в раз-

работку ряда общих вопросов, связанных в первую очередь с такими науками, как история и лингвистика. Так, в своей монографии «Письменность индейцев майя» (1963 год) он ясно показал, что иероглифическая система письма появляется не в результате счастливого озарения гения-одиночки, а что это явление стадиальное, свойственное всем древним государствам как Старого, так и Нового Света. Исчезает первобытно-общинный строй, рождаются классы и государство — и как неизбежное следствие этого исторического процесса взамен первобытных рисунков — пиктограмм, появляется письмо, передающее звуковую речь, — иероглифика.

Наконец, Ю. В. Кнорозов разработал и успешно применил оригинальную систему дешифровки неизвестных письмен, названную им позиционной статистикой. Благодаря этому научному открытию появилась возможность исследования и дешифровки практически любого неизвестного письма, если, конечно, количества «рабочего материала», то есть самих текстов, написанных исследуемым письмом, достаточно. Позиционная статистика в отличие от других этимологических методов позволила впервые успешно привлечь к дешифровке электронную счетно-вычислительную технику.

Однако и всего перечисленного оказалось мало. Работа над дешифровкой письменности майя — пусть не удивляется читатель! — отнюдь не являлась для Ю. В. Кнорозова конечной целью его исследований, то есть самоцелью. Она, эта работа, по существу, была лишь неким «практическим занятием» в его исследованиях в области самых злободневных и острых вопросов сравнительно-исторического языкознания, математической лингвистики и общей теории знаковых систем, функционирующих в человеческом обществе. Эта наука, ее принято также называть «теорией сигнализации», или «семиотикой», рожденная невиданно гигантской вспышкой человеческого разума, бушующей сегодня над нашей землей, столь же актуальна и перспективна, как бионика или выдающиеся достижения в области освоения космоса.

Более того, мы возьмем на себя смелость утверждать, что, например, для успешного освоения космоса и особенно проникновения человека в Галактику нам, землянам, необходимо уже сейчас решать в том числе и основные, принципиальные вопросы теории сигнализации.

«Галактика и лингвистика — что общего между ними?» — возможно, недоверчиво спросит читатель. Но в том-то и дело, что связь между ними есть и носит она отнюдь не эфемерный и даже не теоретический, а чисто практический характер. Вернемся к дешифровке и посмотрим на нее более широким взглядом (с позиции теории сигнализации), и тогда выяснится, что дешифровка исторических систем письма является лишь частной задачей в общей проблеме формальных исследований текстов, которая, в свою очередь, представляется одним из основных путей изучения механизма возникновения осмысленной человеческой речи! Но только ли возникновения? По-видимому, этим никак не ограничиваются задачи, стоящие перед новой наукой!

Далее, процесс дешифровки неизвестных письмен, по существу, является обратным процессом, позволяющим восстанавливать ход возникновения письма, графически фиксирующего умственную деятельность человека. А если так, то именно здесь лежит та тонкая и чрезвычайно сложная «тропинка», открывающая путь к моделированию этой специфической деятельности, благодаря которой человек стал человеком, то есть разумным существом. Человек должен создать подобную модель — назовем ее условно «Универсальной системой сигнализации разумных существ», — если он всерьез решил отправиться в Галактику. Он попросту не имеет права уходить в ее бескрайние просторы, не вооружившись тем, что явится предметом первой необходимости при встрече землянина с разумными существами других, пока еще неведомых нам миров. Иначе как он объяснит, что протянутая для рукопожатия рука предлагает другим разумным обитателям вселенной Дружбу и Мир!

РАССКАЗ ШЕСТОЙ, ФАНТАСТИЧЕСКИЙ И ПОСЛЕДНИЙ

ВСТРЕЧА

— ...Какого дьявола!.. Ну, сколько раэ ТЫ будешь повторять одну н ту же фразу? Нет, скажи, Серхно, скажи!..

— Во-первых, не Серхно, а Сергей, коль скоро Ваша милость решила сегодня изъясняться по-русскн. Во-вторых, по-русски следует сказать: «какого черта». Но еще лучше, дорогой Мигель, или Миханл, в прнсутствии дам поступать так, как это делают настоящие мужчины, причем совершенно бэзраэлнчно, на каком языке они говорят: не выражаться! Тебе, отпрыску благородного рыцарского рода, следовало бы все зто знать... Если вернть древним кннгам, твои сверхдалекие предки как раз слазилнсь двумя качествами: необузданной храбростью н нзысканной галантностью. В-третьнх... не перебнвай, спроси ЕГО самого. Ты ведь начальник смены, а я лншь старший оператор...

Молодой светловолосый мужчнна, на вид почтн юноша, говорил невозмутнмо спокойно, не отрывая взгляда от огромного, во всю стену, экрана. Он сидел в рабочем кресле у главного пульта управления Диспетчерского прнемно-посадочного эала Особого Космодрома Землн.

— Браво, Сергей! — негромко сказала «дама» — высокая девушка, одетая, как н мужчины, в золотнсто-корнчневый комбинезон, плотно облегавшнй ее худую фигуру. — Ты сегодня изумнтельно красноречив, в меру эрудирован н непонятно многословен. С тобой случнлось что-то?..

Деэушка сидела справа от Сергея за пультом, на котором стояла цнфра «2»; он контролнровал работу всех автоматическнх устройств диспетчерской. Левое кресло, предназначавшееся для начальника смены, пустовало уже целый час: Мнгель, не находя себе места, непрерывно ходил по залу.

Он действительно был руководителем смены и, возможно, даже потомком испанскнх рыцарей, поскольку роднлся в Мексике. Высокий лоб, тонкий нос с горбинкой н острый подбородок делали его похожим на устремившуюся к добыче хищную птицу, однако ясные, по-детскн шнроко открытые голубые глаза светились таким довернем н добротон, что не оставляли сомненнй о настоящем характере этого человека. Быстрый в своих решеннях н еще более стремнтельный в действиях, он

тяготился однообразной и спокойной работой в приемно-посадочном зале Особого Космодрома Земли, или ОКЗ, как его чаще называли. Мигель не скрывал от своих друзей и товарищей по работе, что уже давно добивается перевода на службу на кораблях-разведчиках Галактики.

Быстрым и решительным шагом Мигель подошел к экрану. Это была одна из последних новинок видеотрансляционной техники. Автоматы-передатчики, расположенные на шести специальных спутниках Земли, вели непрерывное наблюдение за околоземным пространством, внимательно ощупывая своими «глазами» сотни тысяч километров.

Они мгновенно оповещали ОКЗ о появлении любого инородного тела, размеры, форма, характер движения или еще какие-либо признаки которого не укладывались в общепринятые нормы привычных «обитателей» космоса. В течение нескольких секунд спутники снимали с подозрительного объекта всю необходимую информацию, обрабатывали ее и сообщали результаты в диспетчерскую.

Одновременно с поступлением информации на экране зала появлялся и сам нарушитель космического спокойствия и порядков, установленных Человеком в своей Галактике. Изображение было объемным, и у всех, кто впервые попадал сюда, неизбежно возникало ощущение, что у зала только три стены и огромное окно, настежь распахнутое прямо в космос: один неосторожный шаг, и ты вывалишься без скафандра в бесконечную бездну вселенной.

— Нет, Серхио, нет! Ты все же скажи: почему ОН твердит только ее, только эту фразу? Почему? Неужели «Борода» ошибся?! Этого не может быть... — Мигель говорил прямо в экран, словно ему хотелось, чтобы его подслушал тот, другой, твердивший вот уже целую неделю одну и ту же фразу: «Дайте ваш шифр; дайте ваш шифр; нужны переговоры; нужны переговоры...»

— Ты знаешь, Мигель, я и сам начинаю думать, что у НЕГО там что-то произошло... Его корабль кружит вокруг нас уже десятый день... Что же, он не видит и не слышит нас?.. А может быть, говорит вовсе и не ОН, а автомат?.. Почему наши не хотят спустить «Пузатый шар» на космодром? Все ожидают чего-то, а чего ждать?.. Страшно подумать: столько пролетел, чтобы доставить нам мертвое тело...

— Но ведь голос, голос, — перебила Сергея девушка. —

Голос-то живой, понимаешь, живой. Неужели ты сам не слышишь: интонация, дыхание, вздохи... Я уже тысячу раз проверяла свои записи и ни одна не накладывается на другую. Нет, это не автомат, это живой голос...

Неуклюжее, шарообразное тело с длинными неподвижными щупальцами, растопыренными во все стороны, по-прежнему висело в центре экрана. Трое дежурных не отрывали от него глаз в надежде увидеть что-то необычное, неведомое, но такое желанное. Они смотрели так каждую смену, но, к их великому огорчению, с шарообразным кораблем ничего нового не происходило.

Вообще-то случилось невероятное: спутники ОКЗ именно в их дежурство десять дней тому назад поймали чужой корабль, Космический корабль, созданный Разумными существами, поисками которых так долго и безуспешно занимались земляне. Он появился именно тогда, когда уже казалось, что в Галактике землян, по-видимому, нет других планет с развитой разумной жизнью, и ученые начали готовить программы посещений других, наиболее близких галактик. Тогда-то неуклюжий шарообразный корабль с растопыренными щупальцами-ногами сам прилетел к Земле и землянам. Он ухитрился проскочить незамеченным мимо всех Космических застав, и только служба ОКЗ поймала пришельца.

Первая мысль была страшной: пришельцы из антимира! Иначе почему чужой корабль не был замечен заставами? Но потом все объяснилось гораздо проще: «Пузатый шар» — так его окрестили взволнованные земляне, — очевидно, имел специальную систему отклоняющих устройств, благодаря которым любая служба опознания не «ощупывала» его, а как бы проходила насквозь, вернее — обтекала тело корабля. Только спутники ОКЗ оказались способны обнаружить пришельца. Впрочем, судя по траектории его движения, он не блуждал по космосу, а сам уверенно направлялся к Земле!

С помощью космических буксиров «Пузатый шар» вывели на круговую орбиту в стороне от рейсовых трасс. Здесь он молча покрутился два дня, а потом, потом... заговорил! В первый свой сеанс корабль говорил ровно сорок минут, после чего замолчал. Точно через два часа, секунда в секунду, он заговорил снова, и опять сеанс длился ровно сорок минут. На Землю опять полетела какая-то абракадабра, пока не наступило новое двухчасовое молчание. И так каждый день уже целую неделю;

землянам она казалась вечностью.

— Сколько секунд до сеанса? — спросил немного притихший Мигель.

Сергей нажал красную кнопку, и справа на стене зажглась цифра «13».

— Тринадцать! — произнес голос из репродуктора. — Двенадцать, — продолжил он счет. — Одиннадцать. Десять...

Задняя стена зала плавно отъехала в сторону, пропустив в диспетчерскую пожилого мужчину с ярко-рыжей бородой.

— ...Семь. Шесть. Пять...

Мужчина подошел к креслу Сергея.

— ...Три. Два. Один...

Комната наполнилась космической тишиной; потом что-то щелкнуло, и тихий голос устало заговорил: «Чюльхаветнадчлюхаветнадировочерепинжунирсвочерепинжун...»

Странный, но ставший за неделю уже привычным набор звуков лился непрерывно, монотонно. Он был похож скорее на бормотание больного, чем на голос здорового человека. Только дыхание говорившего было ровным, спокойным, словно он спал и в бреду повторял свои непонятные слова...

— Он же спит! — вдруг закричал Мигель. — Боро... простите, профессор, он же спит и не слышит ваших ответов!..

На Генеральном совете по освоению галактик было принято решение немедленно посадить неизвестный корабль на Особый Космодром Земли. На все станции, спутники и дальние заставы, всем находящимся в полете кораблям был отдан категорический приказ временно, вплоть до особого распоряжения, задержать возвращение на Землю любых транспортных средств. В небо ушли только бригады космостроителей. Они подтащили к «чужаку» огромную спусковую капсулу — ее сооружение началось сразу же, как только «Пузатый шар» был выведен на околоземную орбиту, — и завели его туда со всеми предосторожностями.

Посадка на Землю прошла благополучно. Оставалось решить главный вопрос: как проникнуть в корабль, не причинив невольный вред находившимся в нем Разумным существам, если они, конечно, живы?

Наконец после нескольких часов исследований с применением сложнейшего комплекса самой разнообразной аппаратуры, удалось установить, что внутренний микроклимат кабины — больше всего волновались из-за давления — почти полностью соответствует земным условиям; правда, кислородная насыщенность «воздуха» была несколько выше земной. Только тогда последовал приказ вскрыть корабль, естественно, в изоляторе — гигантской непроницаемой камере. Среди тех, кому доверили эту операцию, находился Мигель. Он первый из землян обнаружил и опознал «чужака»; он же получил право первым лицом к лицу встретиться с Разумными существами неведомого мира. Сергей был вместе с ним...

— Люди как люди! Словно из Марьиной рощи приехали, а не из чужой галактики...

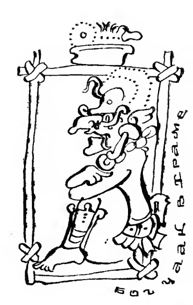
— «Марьина роща»? — удивился Мигель. — Ты про какую Марью говоришь, Серхио, и почему у нее роща? Она что, разводит цитрусовые?..

— Потом расскажу, — засмеялся Сергей. — Смотри, Они идут, — добавил он уже совсем серьезно и тут же как-то неестественно и торжественно воскликнул: — Встретим наших Братьев!..

Рыжебородый профессор, Мигель, Сергей и высокая девушка — ее звали Джой, — как по команде, встали навстречу входившим в зал Женщине и Мужчине. Они были небольшого роста, стройные, пожалуй, слишком тоненькие. В земной одежде, сшитой специально для обоих иногалактян, они казались детьми, только со взрослыми лицами. Но от землян их отличали движения — быстрые, резкие, чуть-чуть угловатые, словно они постоянно куда-то торопились.

Профессор указал Женщине и Мужчине на два невысоких кресла, приглашая занять места напротив четырех землян за широким круглым столом. Также жестом он показал на миниатюрные наушники, объясняя, как ими следует пользоваться.

Когда все уселись на свои места, профессор заговорил в микрофон, вмонтированный в столе. Точно такие же микрофоны стояли против каждого участника этой великой встречи, результаты которой затаив дыхание ожидала вся Земля.

— Друзья, — голос выдал волнение профессора, — Генеральный совет по освоению галактик поручил мне и моим юным друзьям провести наши первые беседы. Для нас это великая честь! Я начну с того, что позволю себе объяснить, почему именно нам доверили этот разговор с Вами, первыми Разумными существами, с которыми впервые встречается цивилизация Земли. Они, — он показал на своих товарищей, — обнаружили Ваш корабль и сделали все возможное для Вашего счастливого приземления. Я же руковожу научным центром — Универсальной системой сигнализации Разумных существ — и в этом смысле полезен, как мне кажется, на столь необычной, даже невероятной встрече наших двух миров.

Три дня Вы провели в Карантинном дворце. Вы понимаете, почему это было необходимо. За это время Вы имели возможность освоиться с нашей дорогой планетой. — Профессор явно волновался; ему все время казалось, что он говорит слишком обыденные слова, малоподходящие к столь невероятному случаю. — Вы отдыхали, одновременно получая комплексную информацию, которая должна была Вам дать минимум необходимых знаний о нас, о землянах. Встреча Разумных существ из разных миров — явление невероятное, необычное. Она может повлиять на разум в отрицательном смысле, и тогда нарушилась бы связь, о которой мечтали лучшие сыны наших планет, ради которой Вы совершили невиданный подвиг. Теперь Вы знаете, хоть и не много, но все же знаете, кто мы. Мы же хотим знать, кто Вы и откуда прилетели. Некоторое время нам придется пользоваться механической системой сигнализации, но по Вашим глазам я вижу, что занятия языком в эти три дня не прошли даром и Вы уже понимаете язык землян.

Профессор умолк. Он смотрел на своих собеседников ра-

достным, немного тревожным взглядом, ожидая их ответа. Женщина и Мужчина переглянулись, как бы спрашивая, кому отвечать. Первой заговорила Женщина:

— Позвольте и Вас приветствовать словом «друзья», — слово «друзья» она произнесла на языке землян; мягкая улыбка и едва уловимая необычность произношения придали ее голосу какое-то особое, действительно неземное звучание. Было видно, что Женщина делает усилие, чтобы говорить медленно, — манера разговора, так же как и движения иногалактян намного быстрее земных. — Мы будем говорить на нашем языке — так нам будет легче точнее отвечать на Ваши вопросы. Мы расскажем все, что помним и знаем сами. Остальное землянам поведают видеозвуковые механические рассказчики, находящиеся в кабине нашего корабля. Но мой спутник и супруг, так же как и я, мы хотели бы, если Вы позволите, задать Вам до того, как начнется наш рассказ, только один вопрос, волнующий нас обоих. Повторяю, если Вы, конечно, нам разрешите...

— Спрашивайте, дорогие друзья. У нас нет никаких секретов. Я даже догадываюсь, о чем именно Вы хотите спросить: Вас интересует, как нам удалось так быстро понять и усвоить Вашу систему сигнализации, обучить ей автоматического синхронного переводчика и теперь столь непринужденно беседовать с Вами, хотя и не без помощи несколько примитивных микрофонов и наушников? Не так ли?..

— Это как раз то, о чем мы хотели узнать, — голос Мужчины был не таким сонным и монотонным, каким он слышался из «Пузатого шара». Он говорил, пожалуй, даже чуть быстрее, чем Женщина. — Как Вам удалось расшифровать нашу систему сигнализации? Я на Арете тоже занимался вопросами сигнализации, и признаюсь, считал, что на пути их успешного решения стоят неодолимые препятствия...

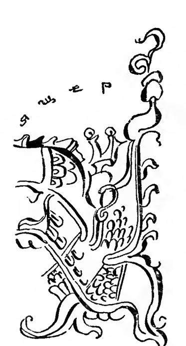
Профессор по обыкновению откашлялся, словно собирался выступить с длинной лекцией, — в университетах снова лекции читались профессорами, как в далекую старину,— потом почему-то смутился, немного помолчал и начал свой рассказ:

— Я охотно отвечу Вам, дорогие аретейцы, — кажется, Вы так называете себя? — тем более что собирался начать разговор именно с Универсальной системы сигнализации Разумных существ. Но прежде всего я покажу Вам вот это, — и он протянул небольшую книжку, страницы которой воспроизводили в цвете какую-то древнюю иероглифическую рукопись. —

Вы смотрите, мне это не помешает говорить... Много времени назад все как раз и началось с этой самой сложенной гармошкой «тетради». Между прочим, не с оригинала и не с такого вот великолепного повторения в цвете и материале, а с совершенно примитивных, как их называли тогда, фотокопий. Вот так же, как и Вы, люди внимательно рассматривали непонятные знаки, пытаясь разобраться в том, что они скрывают; они хотели проникнуть в тайны своих далеких предков. Многие светлые головы разбивались о неприступную молчаливость рукописей. Люди спорили, сердились друг на друга и даже ссорились из-за неумения прочесть эти тексты. Древняя письменность была предметом ожесточенной полемики в течение целого столетия. Конечно, находились и такие, кто вообще отрицал необходимость работы над дешифровкой неизвестных письмен. Они говорили: «Стоит ли растрачивать человеческую энергию и средства ради

того, чтобы узнать содержание каких-то никому не нужных рукописей? Зачем воскрешать мертвых — они не нужны живым». Представляете, так и говорили: «Не нужны живым»! Это как с плесенью — она тоже, говорили, никому не нужна, а потом из нее научились делать одно из самых замечательных лекарств своего времени — пенициллин. Именно в процессе дешифровки неизвестных текстов зарождалась, выкристаллизовывалась и отрабатывалась, обретая право на жизнь, общая теория сигнализации между Разумными существами. К ней на помощь люди привлекли «думающие машины». Тогда они были еще просты до примитивности — десятки тысяч операций в секунду! Но и этого оказалось мало. Человеческая мысль шагнула еще дальше — она подарила миру великую теорию информационного поиска — основы основ всех наших достижений в любой области знаний землян. Гигантские информационные центры сумели обобщить все знания Человека, накопленные им за многие века, и они помогли ему в великом процессе самоусовершенствования ради познания такой близкой и вечно далекой Абсолютной истины!..

И вот мы, жители разных миров, сидим за этим круглым столом и спокойно беседуем друг с другом, потому что те, другие, ломая голову над решением невероятных по сложности задач, ради нас, неведомых им потомков, отдавали свои силы, свою жизнь, чтобы похитить тайны, захороненные в столетиях, ушедших в вечность. В тайнах прошлого они искали путь в будущее. Они думали о нас, они верили и твердо знали:

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ!

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ — **МЕРТВЫЕ ГОРОДА**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ — **ОЖИВШИЕ ЛЕГЕНДЫ**

Кузьмищев Владимир Александрович

ТАЙНА ЖРЕЦОВ МАЙЯ. М., «Молодая гвардия», 1968.

368 с., с илл. (на обл. «Эврика»)

9(3 + 4)

Редактор *Л. Антонюк*
Художественный редактор *Г. Позин*
Технический редактор *Н. Михайловская*

Сдано в набор 24/XI 1967 г. Подписано к печати 20/VI 1968 г. А04560. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 11,5 (усл. 19,32). + 8 вкл. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 100 000 экз. Цена 85 коп. Т. П. 1967 г., № 107. Заказ 2136.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

мексиканский зал
паленке
йашчилан
бонампак

чичен-ица
ушмаль
т.улум
залив
гондурасский
тикаль
копан

85 коп.

КУЗЬМИЩЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

«Тайна жрецов майя» — первая книга Владимира Александровича Кузьмищева, хотя читатель, интересующийся странами Латинской Америки, встречается с его именем не впервые.

Еще в 1950 году появляется его первая статья об Аргентине, и с тех пор он регулярно выступает в периодической печати, пишет предисловия к советским изданиям латиноамериканских авторов, выступает в качестве переводчика художественной литературы, в содружестве с художниками В. И. Ивановым и П. П. Оссовским издает альбом о Кубе и Мексике — словом, вся его творческая деятельность неизменно связана с историей, культурой, литературой стран Латинской Америки.

Много лет В. А. Кузьмищев проработал в Союзе советских обществ дружбы, а в настоящее время возглавляет сектор культуры Института Латинской Америки Академии наук СССР.

Книга «Тайна жрецов майя» — плод многолетнего изучения одной из самых выдающихся и загадочных цивилизаций прошлого. Автор книги имел возможность познакомиться на месте с памятниками материальной культуры майя, в том числе и с некоторыми из последних археологических раскопок, которые сейчас ведутся в Мексике.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Эврика
МОСКВА, 1968